

Наталья Авербух

НАПАРНИЦА
ВАМПИРА

Наталья Авербух
Напарница вампира

«Издательские решения»

Авербух Н.

Напарница вампира / Н. Авербух — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-500822-0

Трудная повесть о жизни девушки, которую недобрая судьба столкнула с контрабандистами, вампирами, авантюристами, наёмными убийцами и знатными дамами. В мире, где царит строгая мораль, бедной продавщице шляпок приходится пойти на невыносимые вещи. Она оказывается навсегда связана с вампиром, который может читать даже самые сокровенные её мысли.

ISBN 978-5-00-500822-0

© Авербух Н.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие к дейстрийскому изданию	6
Предыстория	10
Рассказ первый. Приманка	15
Рассказ второй. Полный провал	36
Рассказ третий. Сестрица Грета	78
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Напарница вампира

Наталья Авербух

Корректор Алия Зубаирова

© Наталья Авербух, 2019

ISBN 978-5-0050-0822-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие к дейстрийскому изданию

*В гостях у почтенной дамы,
Оставшись наедине,
Спросите вы даму прямо...
А, впрочем, поверьте мне,*

*О чём бы вы ни спросили,
Ответом на ваш вопрос
Она улыбнётся мило.
С дамы какой спрос?*

*Но после, уж распрощавшись,
Вы оглянитесь вослед
На смятый платок меж пальцев...
Дама знает ответ¹.*

*Д. Азорменг,
малоизвестный дейстрийский поэт*

Предлагая вниманию читателей эту книгу, мы считаем своим долгом уведомить их, что нынешний вид романа несколько отличается от первоначального, в котором он был нам прислан. Мы постарались сохранить все достоинства текста, собирая разрозненные заметки тридцати-пятидесятилетней давности, и прибавили от себя только некоторые пояснения, объясняющие для дейстрийского читателя детали заграничной жизни начала века. Необходимо, однако, пояснить, что роман написан – как вы легко сможете убедиться из текста – старой девицей, родившейся в самом начале нашего века, получившей, по всей видимости, обширное, но бессистемное образование и, как станет ясно при чтении, самой читающей всё подряд – от готических и сентиментальных романов, модных в дни её молодости, до авантюрных, популярных ещё в прошлом веке.

Роман был переслан нам из Остриха, от синдика стрелков одного из провинциальных городов недалеко от границы – это должность, аналогичная должности главы полицейского управления – который отправил нам записки своей тётушки, следуя её завещанию и завещанию своего отца, в чьих бумагах и был найден предлагаемый публике текст. Господин Бруно Перте просит отдельно упомянуть, что все описанные в романе события являются не более чем плодом фантазии его покойной тётушки, кузины его дорогой матери, и, если бы не завещание тётки и отца, он никогда бы не согласился на подобную публикацию.

По просьбе господина Перте (состоящего в родстве с некоторыми видными лицами в нашей политической жизни) мы просим читателя снисходительно отнестись к тому, что долгое время было не более чем семейной шуткой. По словам господина Перте, его тётушка, будучи особой весьма весёлой и склонной к розыгрышам, придумала игру, в которую охотно играли все домочадцы и гости, игру под названием «если бы», в которой высмеивала нелепые сплетни, ходившие вокруг их семейства. По словам племянника, игра начиналась со слов «давайте представим, как мы жили бы, если бы то-то и то-то было правдой», а после расписывала самые невероятные подробности их вымышленной жизни. Игра была весьма забавна, пока не выходила за пределы семьи, однако сейчас господин Перте считает своим долгом опровергнуть некоторые сплетни, которые весьма удачно высмеяла его тётушка в своём романе.

¹ Перевод с дейстрийского сделал А. Садовников.

Так, например, между нею и покойным отцом господина Перте никогда не было иных отношений, нежели отношений брата и сестры, и, разумеется, Перте-старший всегда был образцовым гражданином своего города, не позорившим старинной фамилии никоими позорными деяниями, столь же почтенны были и все его предки.

Ознакомившись с содержанием романа, мы сочли своим долгом послать его в дейстрийское бюро безопасности, поскольку автор книги указывает на знание некоторых подробностей работы этого учреждения. Также мы уведомили и почтенное семейство, из которого вышло немало видных политических деятелей, о том, что к нам поступила книга, в которой упоминается их фамилия. Почтенное семейство ответило в духе нынешнего времени, отказавшись интересоваться событиями полувековой давности и беспокоиться из-за чести людей, давно упокоившихся в могилах. Возможно, эти господа (мы, разумеется, имеем в виду ныне живущих) даже довольны подобной рекламой: кому не лестно, чтобы его фамилия попала на книжные полки?

Дейстрийское бюро безопасности продержало книгу дольше, чем частные лица, но всё же дало разрешение на публикацию, приложив резолюцию, согласно которой в романе нет ни единого слова правды, и ни один человек в здравом уме не поверит в существование вампиров, а уж тем более в их контакты со столь почтенной организацией. Некоторые листки, однако, после возвращения заметок из бюро оказались утрачены, и мы сочли за лучшее не допытываться касательно их судьбы.

Итак, предлагая публике роман, который, возможно, заставит её по-новому взглянуть на некоторые события в истории родной страны, наше издательство никоим образом не ручается за достоверность описанных в книге событий, равно как и за точность упоминаемых автором имён и названий. В настоящее время истинным является лишь тот факт, что некая Ивона Рудшанг жила в некоем острийском семействе в качестве тётушки и в таком же качестве и была похоронена. Что касается других имён, то всё, что дало наше расследование – это два лежащих рядом камня на старом столичном кладбище для бедняков: Амалия Вайль, девица и «Беренгарий, от которого отреклась семья, а следом и весь мир», как весьма пафосно было написано на табличке, причём второй камень, по всей видимости, положен на пятьдесят лет раньше².

Нам петь недолго суждено,
Отмерен жизни срок.
И стелет время полотно
Из боли и тревог.

И стелет дева нам постель,
В её глазах – тоска,
Осенний вечер и свирель.
Как будто бы близка.

Как будто мне предрешено,
И крепко сложен быт.
Вот только на душе черно
Да в горле всё саднит,

² Чтобы не вводить читателей в недоумение, поясним, что в прошлом веке существовал обычай класть камни даже на могилы самых бедных людей, за чьи похороны некому заплатить. В таких случаях могли подойти любые камни весом от одного стоуна, и к надгробьям обычно прикрепляли деревянные или медные таблички с указанием имени. *Прим. дейстрийского издательства.*

Всё давит, крутит, кружит мир,
Не мысли – письмена! —
Во мне рождаются: ампир,
Столетняя война,

Кресты и танцы, тронный зал,
Раскаянье и смерть...
Как близок мнимого оскал!
Его мне не сумеь

Отринуть. Врос навечно в плоть,
Корнями – до души!
Что толку призывать: «Господь!»
В полуночной тиши?

Я вместо храма поутру
Отправляюсь до границ
Седого кладбища, сотру
Пыль вечности с глазниц

Фамильных призраков чужих,
Скулящих у могил.
Свидетелей времён былых
Давно уж мох сокрыл,

Пожрала плесень, как чума,
Подёрнуло травой.
Мне мёртвых ближе имена,
Пусть я ещё живой.

Среди чугунной городьбы,
Среди гранёных лиц
Бреду, укрывшись от судьбы,
К камням, упавшим ниц

Пред кем-то, сгинувшим давно
В безвестие имён.
Им душу чуткую дано
Терзать. И горький стон,

Без спроса рвётся из груди,
Лишь вспомнятся едва
В лучах рассветных и пыли
Два серых валуна.

И я прошу лишь об одном,
Почти уже крича:
«Гори, остывшая давно
Истории свеча!

Из мрака лет, из пустоты,
Из самых дальних даль
Воскресни прошлое, и былъ
Передо мною встань.

Кем ты была, девица Вайль,
Кем, Беренгарий, ты?»
А в небесах грохочет сталь,
Косматы и густы

Рыдают тучи, и листвы
Шумит под ливнем вязь...
Не из земли – из-за спины
Услышал я рассказ³.

³ «Двум могилам», стихи А. Садовникова.

Предыстория

Я вышла на улицу и замахала рукой, увидев остановившуюся на углу конку. Кондуктор придержал для меня дверь, учтиво подал руку, но после разглядел при свете фонарей простую шляпку и неказистую накидку и отвернулся. Я сама поднялась на площадку и прошла внутрь. Против обыкновения, конка была почти пустой, так что можно было занять почти любое место на сидении.

Дверь захлопнулась, прозвенел звонок и конка тронулась. Выждав немного для приличия, кондуктор двинулся по салону, собирая с немногочисленных пассажиров свою обычную дань. Я купила билет до самого дома (рельсы проходили в пяти шагах от наших дверей) и огляделась по сторонам. Усталые лица пассажиров и заляпанное грязью стекло не сулили никакой пищи для размышлений. Всё как всегда, и один вечер как две капли воды похож на предыдущий... Скучно!

Внезапно дверь салона распахнулась, пропуская смугловатого мужчину в красно-чёрной куртке. Спустился с империала или вскочил на ходу? Кондуктор, по крайней мере, повёл себя так, будто видит его впервые: двинулся навстречу, требуя приобрести билет. Новый пассажир его, казалось, не заметил, прошёл мимо в конец салона и сел прямо напротив меня.

От нечего делать я принялась его разглядывать, приличия ради стараясь делать это незаметно.

Смугловато-жёлтая кожа, узкое лицо, карие глаза с каким-то мальчишеским выражением смотрели, между тем, серьёзно и даже встревоженно. Мужчина был одет во всё красно-чёрное, а в руках сжимал тех же цветов заплечную сумку. Такого странно встретить и в деревне в охотничий сезон, но в городе?

Он внимательно и в то же время отстранённо посмотрел на кондуктора, медленно расстегнул пуговицы на правой перчатке, снял её, достал из-за пазухи кошелёк – кожаный, довольно потрёпанный, но туго набитый. Извлёк деньги, отдал кондуктору и убрал кошелёк обратно. Натянул перчатку, застегнул и принялся затягивать застёжки на сумке. Всё это время он делал какие-то странные движения ртом, словно ощупывал языком клыки.

«Глупости, Амалия, – строго сказала я себе. – Тебе надо меньше читать готические романы!»

Я внимательней взглянула на мужчину, втайне надеясь уловить что-то такое, что позволит разгадать его странности. Он как раз прекратил проверять застёжки и теперь неподвижно сидел, прижимая к себе сумку, словно ребёнка. Тёмные глаза бездумно смотрели мимо меня в окно за моей спиной.

Он впрыгнул в конку на ходу...

Ну и что? На это способен любой ловкий человек, разве нет?

За окном уже давно стемнело, на улице поздний вечер. Что делает этот человек, куда едет? По делам, возвращается домой или высматривает подходящую жертву?

«Перестань, Ами. Больше в книжную лавку не пойдёшь, пока не отучишься читать всякую ерунду! Посмотри на него? Вот где ты в нём видишь вампирскую бледность?»

Но... в смуглом лице не было ни кровинки. Как будто на этой коже никогда не появлялся румянец... Разве так бывает у людей?

Похожий на вампира человек мельком взглянул на меня, заставив поёжиться и тут же разозлиться на саму себя. Совсем с ума схожу! Я подала знак кондуктору, тот прозвенел в звонок, и конка остановилась.

Мужчина в красно-чёрной куртке вышел следом за мной, метнулся через заполненную экипажами улицу и пропал из вида.

«Вампир? Чепуха, Ами, меньше книжек читать надо!» – решила я и зашагала домой.

Но, признаюсь честно, той ночью я спала очень плохо.

С десяти лет я живу там же, где и работаю – при шляпной лавке госпожи Кик, на углу Аптекарской и Бузинной улиц. Начинала девочкой на побегушках, а теперь стала доверенной помощницей хозяйки. Звучит солидно, но по сути работа изменилась мало: я всё так же помогаю госпоже Кик украшать шляпные заготовки и бегаю по разным поручениям.

Только раньше это выглядело так: влететь в лавку напротив и выпалить: «Здрасьте, госпожа Трикс, госпожа Кик просила переслать те голубенькие ленты, только подлиннее и побыстрее, пожалуйста, а то я очень-очень спешу!» А потом госпожа Кик нещадно драла меня за уши за потраченную на сладости сдачу. Теперь я степенно захожу в дверь напротив нашей и говорю что-нибудь вроде: «Добрый день, госпожа Трикс. Как ваш младшенький, поправился? А старшенький ходит в школу? Мне, пожалуйста, зелёных лент да мешочек красненьких бусинок. Не уступите ли за полцены, они у вас слегка поцарапаны?»

Образование я получила самое простое: письмо, чтение, счёт – иначе лавка разорится, милочка! – научилась, где произносить «аминь», когда священник читает молитву, и ходить в церковь только по большим праздникам, когда работа всё равно стоит – Бог хочет, чтобы люди работали в поте лица, а не донимали его разговорами, моя дорогая!

Госпожа Кик научила меня украшать атласом и лентами шляпки, улыбаться покупателям и понимать, кому из них отказать, а кому: «да-да, конечно!» И как дать понять, что «конечно» означает не «я проведу с вами вечер, сударь», а «разумеется, вашей жене больше подойдёт розовая шляпка».

В основном к нам заходят дамы и барышни, живущие неподалёку, но, бывает, приезжают и с другого конца города: если жили тут раньше или приехали к кому-нибудь в гости. Иногда заходят мужчины: «не могли бы вы помочь, мне нужна красивая шляпка в подарок моей супруге?» – или невесте, или сестре, или дочери, или матери. Они внимательно слушают советы и пояснения, а потом просят принести выбранную шляпку к ним домой, чтобы нанести последние штрихи на месте. Самое смешное, иногда такие покупатели действительно оказываются женаты.

Летом наша лавка открыта весь день, от рассвета до заката, а обедаем мы с госпожой Кик по очереди. Зимой мы встаём и ложимся затемно – дело есть дело. С наступлением вечера госпожа Кик готова отпустить меня донести картонки со шляпками до дома очередного покупателя. Женщины просят о такой услуге, когда купят шляп больше, чем могут ухватить в охапку, а встретить их некому. Мужчины иногда хотят получить возможность сразу же вернуть или поправить подарок – но чаще завести отношения. Если госпожа Кик не смотрит, я сама оцениваю покупателей и решаю. Одни искренне хотят сделать наилучший подарок, многим из таких приходится отказывать: жёны и матери склонны самые простые вещи воспринимать совершенно неправильно. С иными можно иметь дело, хотя шляпка нужна им не больше, чем мне курительная трубка. Один милый мальчик, бедняжка, «имеет самые серьёзные намерения» и месяц копит, чтобы купить самую дешёвую шляпку в нашей лавке, а потом сторожит под дверями, выбирая подходящий момент для покупки. Чтобы погулять больше времени и чтобы меня на «доставку» отпустили. Госпожа Кик давно раскусила эту наивную хитрость, но держится убеждения, что все покупатели равны между собой – лишь бы платили. Меня всё тянет спросить, куда мой ухажёр потом деваёт свои шляпки, но боюсь обидеть.

Свободных дней мне не полагается, платит госпожа Кик скупно, но зато не надо тратиться на жильё, и стол у неё отменный. Где-нибудь через год я потребую хотя бы один выходной в месяц, а ещё через пару лет пригрожу уволиться и потребую прибавки. Тогда я смогу скопить приданое и выйти замуж. Только, боюсь, госпожа Кик посоветует меньше денег оставлять в книжной лавке и объявит замужество пустой блажью.

В книжной лавке остаётся львиная доля как моего жалования, так и свободных денег госпожи Кик. Только она покупает сентиментальные романы, где героиня на первой странице влюбляется в принца, а на последней выходит замуж за садовника, а я – «готические», где героиню на первой странице кусает вампир, а на последней она оказывается одержима бесом. Всё собираюсь бросить, но нет-нет, а загляну за очередной порцией дешёвого развлечения.

Так и живём.

Того странного мужчину в красно-чёрной одежде я встретила, возвращаясь от постоянной клиентки – молодой дамы, с которой мы несколько часов разбирали шляпки, а потом пили чай и судачили обо всём понемногу.

Ещё два дня прошли безо всяких странностей и поездок, а на третий...

Третий день начинался вполне обычно: приём посетителей по очереди с госпожой Кик, украшение новой партии шляпок и обсуждение последнего писка моды. К вечеру у госпожи Кик разболелась голова – в последнее время это случается всё чаще и чаще – и она ушла к себе, оставив лавку полностью в моё распоряжение. Работа шла своим чередом – нет, сударыня, вам не идёт сиреневый цвет, попробуйте лучше бордовый, – я впустила своего ухажёра и краем уха слушала его разглагольствования о нашем счастливом будущем. Мне было отчасти жалко паренька – вот уже несколько лет он таскается сюда и мечтает, но так и не смог добиться у своего хозяина прибавки к жалованию. Он занимается доставкой цветов в большом магазине и, сколько я его знаю, никогда не пытался научиться чему-нибудь полезному, чтобы найти лучшее место. Но с ним хорошо бывает гулять весенними вечерами, когда в садах цветут сливы и яблони.

Госпожа Кик не раз говорила мне, что от молодёжи толка нет, а умной девушке торопиться некуда, рано или поздно хорошенькое личико и стройная фигура помогут найти состоятельного мужа с постоянным доходом. Главное – смотреть в оба и не упустить подходящую партию только потому, что мужчина стар, некрасив или тяжело болен. Не сказала бы, что мне по душе подобные рассуждения, но в идее состоятельного мужа определённо есть здоровое зерно. Даже если госпожа Кик втрое повысит мне жалование, вряд ли с этого удастся отложить что-то на старость, особенно в наше время, когда всё так быстро дорожает. Но, увы, богатый вдовец мне всё никак не подворачивается, и пока я обречена слушать фантастические проекты разносчика из цветочного магазина.

Звякнул дверной колокольчик, пропуская последнего за день посетителя: до закрытия оставалось всего несколько минут. Знаком попросив ухажёра помолчать, я устремилась навстречу покупателю.

– Добрый вечер, сударь, вам что-нибудь посоветовать?

Разумеется! Его жене – любимой жене, это мужчина уточнил особо, – буквально необходима новая шляпка, а он небогат. Совсем не богат. Мне очень хотелось заметить, что последнее можно было и не говорить: выглядел покупатель непрезентабельно. Его пальто не чистили уже месяц, ботинки отчаянно нуждались в ваксе, а весь облик – в женской заботе. Странно, чтобы у такого плюгавенького мужчинки была жена, да ещё любимая. Или они поссорились, и теперь он надеется вернуть её расположение?

Покупатель колебался между двумя самыми убогими шляпками в нашей лавке, я уговаривала его обратить внимание на более приличные варианты, но, каюсь, без особой настойчивости. Мой ухажёр обиженно ушёл, в который раз решив, что я обращаю на него внимания меньше, чем на свою работу. Так и есть, но что уж поделаешь? Жизнь тяжела.

Наконец, посетитель выбрал дешёвенькую аляповато украшенную шляпку, самый вид которой вызывал у меня острое чувство стыда. Как я могла соорудить такое убожество?

Пока я заворачивала попку в бумагу и укладывала в картонку, мужчина не сводил с меня оценивающего взгляда, будто пытался решить для себя что-то очень важное. После долгих раздумий он неуверенно попросил донести приобретение до дома и помочь его бедной большой супруге примерить обнову. Ответ был у меня наготове:

– Сожалею, сударь, но такого рода услуг мы не оказываем, – и я выразительно посмотрела на часы над внутренней дверью: надеялась показать невеже, что он занимает уже моё личное время, лавка должна была закрыться четверть часа назад.

Увы, манёвр не увенчался успехом: прямо под часами стояла моя уважаемая хозяйка госпожа Кик. Бездетная вдова не слишком состоятельного человека, она всю жизнь держалась того мнения, что дьявол ищет незанятые руки, и потому любую попытку бездельничать пресекала самым суровым образом. В желании сохранить для себя свободный вечер я никогда не находила у неё сочувствия.

– Девочка шутит, – приветливо улыбнулась хозяйка покупателю. – Она сей же час пойдёт с вами. Прекрасная погода, не правда ли?

Мужчина вежливо запротестовал, мол, стыдно гонять такую очаровательную барышню на ночь глядя, госпожа Кик заверила его, что мне совсем не сложно будет помочь столь обходительному господину...

Вздыхнув, я пошла одеваться. Пожалуй, о прибавке лучше заговорить пораньше.

Мужчина немало меня удивил, когда не забрал у меня из рук неудобную картонку, как это делали покупатели победнее, и не вызвал кэб, как это делали люди более состоятельные. Просто буркнул что-то вроде «иди за мной!» – я толком не расслышала, – повернулся и пошёл прочь по тёмной улице. Мне ничего не оставалось, как поплотней запахнуть накидку и пойти следом. Краем глаза я заметила моего поклонника, который так и не отправился к себе домой, а продолжал ждать под дверями неведомо чего. Беденький! Надо было бы остановиться и поговорить с ухажёром, но покупатель слишком стремительно удалялся по переполненному людьми тротуару. Госпожа Кик не простит мне, если я вернусь домой с картонкой и скажу, мол, потеряла клиента в толпе. Пришлось ухажёру удовольствоваться моей улыбкой и взмахом руки, означавшим: «не сейчас, я занята». Вот так всегда.

Мужчина очень быстро свернул с Аптекарской улицы на Справочный переулок, прошёл через сквозной подъезд, срезал путь через чей-то палисадник и таким манером постепенно завёл меня в совершенно незнакомое место, где не сновали прохожие, не грохотали экипажи и даже не бегали собаки. Фонари горели из рук вон плохо, и за покупателем я шла всё более и более неохотно. Мои любимые романы, которыми я привыкла щекотать нервы после утомительного рабочего дня, напрочь вылетели из головы. Какие вампиры, какие демоны, какие призраки?! Я чувствовала себя скорее героиней полицейской хроники в вечерней газете: о том, как из реки выловили тело обнажённой девушки с перерезанным горлом.

«Глупости, Амалия, – попыталась я урезонить себя, свободной рукой нащупывая свисток для вызова кэба. Пару раз мне приходилось его истошным свистом собирать отовсюду зевак и нечаянных прохожих вместо экипажа. – Глупости. Вечно ты придумываешь! Почему сразу с перерезанным горлом? Тебя могут попросту задушить...»

Эти рассуждения заставили меня ещё больше рассердиться на бурность своего воображения, да так, что в раздражении я чуть было не прошла мимо двери, у которой остановился покупатель.

Женщина, которую мне представили как супругу покупателя, по моему глубочайшему убеждению, не могла быть женой ни ему, ни кому другому. На таких попросту не женятся. К счастью, приличная одежда и, пусть бедная, но чистая обстановка стесняли несчастную настолько, что она почти не проявляла присущую её кругу распутную вульгарность. Взгляд

«жены» был пустым, глаза мутные, порочные, голос хриплый и пропитой. Даже ребёнок без труда догадался бы, кто она такая. Между тем, в осанке чувствовалось какое-то робкое достоинство, в жестах проскальзывало прирожденное благородство, а форма неухоженных рук отличалась редким изяществом. Шляпке бедняжка обрадовалась как дитя и не успокоилась, пока не примерила подарок десятью разными способами.

«Кто она? – спрашивала я себя, привычно помогая завязывать ленты. – Что довело эту несчастную женщину до столь жалкого состояния? Может быть, неудачный брак, преступная неосторожность, развод и падение в самые низы общества? Или юность, коварный обольститель, отбросивший возвращённую им девушку как надоевшую игрушку?»

Я размышляла, между тем ловя на себе взгляды «мужа» этой несчастной. Он смотрел то на меня, то на свою «супругу» и, как и в лавке, будто никак не мог принять окончательного решения. Станный человек. Станный и опасный.

«Зачем он выдаёт себя за мужа падшей женщины? Что ему от меня могло понадобиться?»

Наконец, тема шляпки была полностью исчерпана и я, не дожидаясь положенных чаевых, заторопилась домой. Фальшивый муж даже не подумал меня проводить или объяснить дорогу обратно. Удивительно, какие невежи встречаются в наше время!

На улице ещё больше стемнело и по-прежнему было безлюдно. Вдалеке раздавался обычный гул города – приглушённо, словно из другой жизни. Вряд ли хоть один кэб свернёт в этот заброшенный переулок, да и у меня не столько денег, чтобы каждый раз брать наёмный экипаж.

Я прекратила теребить висящий на шее свисток и двинулась в сторону шума. Остаётся только гадать, куда я отсюда выйду, хотя это не так уж важно. Главное – оказаться в людном месте, а там можно спросить дорогу или сесть в конку.

Выбранный путь подвёл меня. Улица заканчивалась чьим-то тщательно огороженным садом. Из-за него – уже совсем близко! – шумели экипажи и доносились человеческие голоса. Я строго напомнила себе, что порядочные девушки не ругаются ни на покупателей, заведших неведомо куда, ни на людей, перегораживающих забором дорогу. Следует принять всё как есть и поискать другой путь, вот и всё. Завтра утром (сейчас госпожа Кик уже спит, как я думаю) будет удачный момент для разговора о прибавке. Что-то мне здесь не нравится.

Я всё-таки не удержалась от вздоха, выглядывая, нельзя ли попросту обойти сад, а не возвращаться по переулку в сторону дома мнимых супругов. Что-то мне подсказывало: от этих людей лучше держаться как можно дальше.

«Глупости, Амалия!» – привычно начала я, но в этот момент кто-то зажал мне рот, а после что-то мягкое тяжело обрушилось на голову. Больше я ничего не помнила.

Рассказ первый. Приманка

*Расскажи мне, дитя, кто качал колыбель
Неприкаянной жизни твоей.
Кто от горьких тревог, от разливов страстей
Уберёг твою робкую тень?*

*Он ночью порой осыпал серебром
Твои юные чистые сны,
Цвет польвинный степной жарким ветренным днём
Преклонял до усталой земли.*

*Защитить вопреки, чашу боли отгъять
От бутона невинного губ,
Чтоб фиалки смешивая лёгкая стать
Сохраниться могла среди выюг.*

*Что ж теперь? По-над берегом стылой реки,
Где забвения воды текут,
Он оставил тебя. Не кричи, не зови,
Не вернётся загадочный друг.*

*Он оставил... Отвесив незримый поклон,
Поручил твою жизнь и судьбу
Неживому, живущему кровью и злом,
И немёртвому, что во гробу.*

*Расскажи мне, дитя, про былые мечты,
Про желанья, которым цена
Ныне – пфенниг, да горсть придорожной пыли.
Сердце выжмет чужая рука...*

*Слёз последних, фиалка, не сдерживай ток,
Сколько глаз ещё будет сухих!
Сколько жизней пройдёт, как сквозь пальцы песок,
Оборвав драгоценную нить.*

*Не страдай о былом над мерцанием вод,
Пей забвенье глоток за глотком.
Ты увидишь, что будет – всему свой черёд.
Но ничто не вернётся потом⁴.*

Первое, что я ощутила – это жуткую дурноту и головную боль. Второе – что я лежу на жёсткой бугристой поверхности, под головой у меня плоская подушка или нечто, её заменяющее. Третьим пришло смутное ощущение неправильности происходящего. Не так стояла кровать, не таким был воздух вокруг меня, да и причин для дурноты я никаких не помнила. Вчера был самый обычный день...

Я забылась в беспокойном сне и очнулась от того, что кто-то приподнял меня за плечо и принялся вынимать из причёски шпильки. Чужие пальцы действовали грубо, больно дёргая

⁴ «Прощание с былым», стихи А. Садовникова.

за пряди. Столь бесцеремонное обращение заставило меня застыть от негодования и изумления; сил, чтобы выразить своё отношение к происходящему, я не находила.

– Не могли сделать это раньше? – брезгливо произнёс у меня над головой мужской голос. – Зачем вообще вы её сюда притащили?

Человек, который держал меня за плечо, слегка вздрогнул и что-то пробормотал. Голос его показался мне смутно знакомым. Я напрягла память.

Шляпная лавка... госпожа Кик... покупатель... незнакомая улица... удар по голове. Давешний «муж»! Он шёл за мной из дома и оглушил? Или оглушил кто-то другой, а этот принёс сюда? Но если так, почему не в лавку, ведь он знает, где она находится!

Меня парализовал страх, и единственной мыслью, пробившейся сквозь охвативший меня ужас, было: стоит и дальше притворяться спящей, чтобы больше узнать о своём положении... Нет, не стоило мне читать готические романы!

Первый голос раздражённо ответил; я не смогла различить ни одного слова.

– Вы напрасно разговариваете на острейском, – слышался в стороне третий голос. Молодой, тягучий и, как мне показалось, несколько издевательский. – Я прекрасно понимаю каждое слово... несмотря на ваш чудовищный акцент.

Первый голос резко что-то ответил, молодой засмеялся.

– Нет, я не блефую. Ваш друг – он ведь ваш друг, не так ли? – сказал, что она больше подходит, чем первоначальный вариант, который вы для меня подготовили. – Он снова засмеялся. – Какая трогательная забота! А вы этим здорово возмутились. Я ничего не упустил?

– Ничего, – с отвращением ответил брезгливый. – Куда вы дели проститутку? – обратился он к «мужу».

– Отдал деньги и выгнал, – пролепетал тот.

Брезгливый, видимо, не находил слов – он молчал. В стороне тихо смеялся молодой.

– Вы представляете себе последствия этой ошибки? – произнёс, наконец, брезгливый. – Завтра она пойдёт рассказывать о сумасшедшем клиенте, послезавтра окажется в полиции, а потом... Найдите и убейте, сегодня же!

– Будет исполнено, не извольте сомневаться, – униженно пообещал «муж». Он всё ещё держал меня за плечо и сейчас, спохватившись, вернулся к поиску шпилек.

– Да оставьте вы её в покое! – рявкнул брезгливый. – Зачем вам такая ерунда понадобилась?

– Как же, как же, – возразил молодой. – Вдруг она шпилькой заколется?

«Муж» поспешно выпустил моё плечо, и я упала обратно на подушку.

– Кто мог видеть, что вы уводите эту девушку? – спросил брезгливый.

– Никто, – неуверенно ответил «муж».

– Никто? Точно? – настаивал брезгливый.

– Улица вымерла, – чему-то засмеялся молодой.

– Хозяйка лавки, – выдавил «муж».

– И всё?

– Парень какой-то... В лавке был, потом на улице ошивался...

Надо же! Я могла бы поклясться, что покупатель по сторонам не глядел и ничего вокруг заметить не мог, а он разглядел и узнал среди толпы моего ухажёра.

Брезгливый, похоже, опять потерял дар речи, а молодой снова засмеялся.

– Тебе это не поможет! – резко сказал брезгливый.

– Разумеется, – поддакнул молодой. – Утром хозяйка этой девочки пойдёт в полицию заявить о пропаже работницы. Вы не могли мне сделать лучшего подарка, разве бы попросту отпустили. Кстати, не планируете? Избавились бы от стольких хлопот...

– Пока полиция спохватится, пройдёт достаточно времени, чтобы тебе подохнуть от голода! – грубо ответил брезгливый.

Я украдкой приоткрыла глаза. Вокруг царил полумрак, в котором я едва различала фигуру фальшивого «мужа»; он стоял совсем близко от кровати.

Мысли разбегались. Эти люди – «муж» и брезгливый – держат здесь обладателя молодого голоса, морят его голодом... но при чём тут я? Зачем такие сложности?

Думать было слишком сложно, и я закрыла глаза, надеясь услышать как можно больше. Разобраться в происходящем можно будет и потом, когда ко мне вернутся силы и способность трезво мыслить.

– Имей в виду, – произнёс брезгливый – он стоял, кажется, у моего изголовья, – живым ты отсюда не выйдешь.

От этих слов кровь стыла в жилах, но на молодого угроза не произвела особого впечатления.

– Я давно уже мёртв, – как-то очень беспечно ответил он. Я глубоко вздохнула. В самом деле, нельзя столько читать готические романы. Я, наверное, в больнице, а это мне просто снится. Потому-то мне так неудобно лежать, потому-то на правой руке чувствуется странная тяжесть... Нет, погодите! С рукой-то что? Повредила, когда падала? А я падала?

– Что, всё ещё спит? – поинтересовался брезгливый. – Что вы с ней сделали?

– Ничего, клянусь вам! – оправдывался «муж». – Оглушил, но не сильно, и сонного порошка добавил...

– Не могли сразу усыпить? – раздражённо произнёс брезгливый. – А если бы вы её убили?

– Ничего, – утешил молодой. – Трупом больше, трупом меньше...

От этих разговоров мне стало совсем плохо, и я с трудом удержалась от стога.

– Я был осторожен, милостивый хозяин! – заверил «муж». – Ничего с *этой* не стрясётся, полежит и очухается, как миленькая!

– Ладно, – проворчал брезгливый. – Как очнётся, так очнётся. Идёмте.

Послышались шаги, которые неожиданно остановил молодой голос.

– Оставьте лампу, если вас не затруднит.

– Боишься темноты? – издевательски посочувствовал брезгливый. – Это что-то новое.

– Не в этом дело, – учтиво возразил молодой. – Высказывая свою просьбу, я имел в виду возможность разумной беседы, когда эта милая барышня очнётся.

– Так ты с ними ещё и беседуешь? – картинно удивился брезгливый, но, видимо, подал какой-то знак согласия, потому что «муж» – я поняла по шагам – вернулся обратно и повесил лампу над моей головой. Всё это время я лежала, боясь пошевелиться, хотя вроде бы и решила, что всё происходящее мне просто снится.

– И если вы не намерены морить *и её* голодом, – добавил молодой, – принесите барышне поесть. Сомневаюсь, что она успела поужинать перед вашим... *приглашением*.

– Принесите, – приказал брезгливый.

– Но... – попробовал возразить «муж».

– *Принесите*, – с нажимом повторил брезгливый, и «муж» ушёл.

– Значит, она тебе понравилась? – вкрадчиво спросил брезгливый. – Угодили дорогому гостю?

– Весьма привлекательная молодая особа, – с готовностью ответил молодой. – Всецело благодарен за наше знакомство, жаль, что вы не потрудились нас представить.

– Ничего, сам представишься, не впервой, – успокоил его брезгливый. – Так, значит, нравится? И что ты теперь скажешь?

– Мне жаль вас огорчать, но мой ответ не изменился.

– Ишь ты, какой учтивый, – засмеялся обладатель брезгливого голоса. – А вчера ругался.

– День на день не приходится, – философски заметил молодой.

– Это верно, – согласился брезгливый. – Глядишь, и передумаешь. Она же тебе нравится, эта девочка. Одно только слово...

Не знаю, собирался ли отвечать молодой, потому что беседа была прервана возвращением «мужа». Он подошёл к изголовью моей кровати, на которой я лежала, ни жива, ни мертва, боясь пошевелиться и тем привлечь к себе внимание этих страшных людей. Я затаила дыхание, сама не зная, какой беды опасаясь, но ничего страшного не случилось. «Муж» что-то поставил на пол и отошёл.

– Могли бы для дамы хоть поднос принести или столик какой-нибудь, – прокомментировал происходящее молодой.

– Обойдётся, – грубо ответил брезгливый. – Это всё? Больше у тебя нет никаких пожеланий?

– Я полностью удовлетворён вашей заботой, – преувеличенно серьёзно заверил молодой.

Брезгливый хмыкнул, но ничего не сказал, «муж» и подавно промолчал. Оба вышли, оставив меня наедине с обладателем молодого голоса. Послышался стук двери, поворот ключа в замке, а потом приглушённый звук шагов.

Я молча лежала, не открывая глаз, тщетно пытаюсь понять подслушанный разговор. Но разум, то ли от несуразности происходящего, то ли от вызванной ударом дурноты, отказывался осмысливать ситуацию и делать какие-то выводы.

А, может, я сошла с ума?

– Сударыня! – позвал молодой голос. – Милая барышня! Прошу вас, откройте глаза! Сударыня! Они ушли.

Я неохотно повиновалась. В помещении, где я лежала, по-прежнему царил полумрак, почти не разгоняемый масляной лампой над моей головой.

– Сударыня! – снова позвали из самого, как мне в тот момент показалось, тёмного угла. Я заморгала, постепенно привыкая к тусклому освещению, и приподнялась на локте.

– Где я? – вырвалось у меня; я сама поразилась слабости своего голоса. В темноте хмыкнули.

– Вам нужен точный адрес?

– Почему я здесь? Я... я больна?

– Нет, – засмеялся молодой голос. – Вы совершенно здоровы – пока.

– Что здесь происходит? – уже решительно спросила я. Мой товарищ по несчастью явно не хотел разрешить моё недоумение, а, между тем, жуткая нелепость ситуации тревожила меня всё больше и больше.

– Ничего особенного, сударыня, – ответил молодой голос. – Всего лишь небольшое недоумение, которое, увы, не спешит заканчиваться.

На ум мне пришли некоторые детали услышанного разговора.

– Но как же, сударь... Вы... Мне показалось, вас держат здесь против воли, отказывают в пище?..

Он снова засмеялся, и я уж подумала: мой собеседник сейчас примется заверять меня, мол, всё это делается для его же блага. Но я ошиблась.

– Ах, это! – небрежно произнёс молодой голос, словно речь шла о не стоящих внимания мелочах. – Всего лишь попытка изменить мои убеждения, не более того.

– Но... – опешила я. – При чём тут я?!

– Не стоит кричать, уверяю вас. После недели, проведённой здесь безо всякого питания, мой слух необыкновенно обострился.

– Я... извините. Я прошу прощения.

– Ничего страшного, – заверил меня товарищ по несчастью. – Кое-что я могу для вас прояснить, только ради всего святого, не надо кричать. Обещаете?

Я молча кивнула.

– Очень хорошо. Итак, сударыня, пожалуйста, не кричите и не делайте резких движений. А теперь – медленно, не торопясь, – посмотрите на свою правую руку.

Поразившись, что так и не подумала выяснить причины странной тяжести на правом запястье, я выполнила приказ. Увиденное, было настолько несуразно, что мне понадобилось несколько минут на осознание происходящего.

– Здорово же вас ударили, если вы до сих пор так плохо соображаете, – отрезвил меня молодой голос. Я вздрогнула, выходя из оцепенения, и ущипнула себя за палец. Нет, это не сон, это реальность.

Мою правую руку плотно охватывал стальной браслет, от которого к стене шла, свёртываясь петлями на кровати, длинная толстая цепь.

В глазах у меня помутилось, сознание затуманилось, а в ушах зазвучал тихий ровный гул. Этого всего просто не может быть.

Придя в себя, я обнаружила, что во время забытья откинулась на подушку и снова закрыла глаза.

– Ну? – нетерпеливо позвал молодой голос. – Сударыня! Вам уже лучше? – Он не спрашивал, а скорее утверждал или приказывал.

Я хотела было возразить, но внезапно поняла, что он прав. Забытье, в которое я провалилась, полностью излечило меня от дурноты и головной боли, помогло прочистить мысли.

Я села на кровати и огляделась по сторонам.

Мои глаза вполне приновились к тусклому освещению, и я сумела разглядеть, что нахожусь в просторной комнате с неровно покрашенными стенами и плохо побеленным потолком: по штукатурке в разнообразных направлениях змеились глубокие трещины. Я лежала на кровати вроде тех, которые стоят в домах призрения; на жёсткий матрац не была постелена ни простыня, ни покрывало, и подушка обходилась безо всякой наволочки. Одетая я была в то платье, в котором вышла из лавки, но шляпка, накидка и шарфик куда-то пропали. И – только сейчас обратила на это внимание – я лежала на кровати прямо в заляпанных уличной грязью туфлях!

Это открытие шокировало меня едва ли не больше цепи, приковывающей меня к стене. Лежать на кровати в туфлях, ужас какой.

Надо мной в стену были вбиты два массивных крюка: на одном, верхнем, висела масляная лампа, ко второму крепилась цепь.

В дальнем углу комнаты я увидела нечто вроде матраца или тюфяка, на котором скорее угадывалась, чем различалась фигура сидящего человека со сложенными за спиной руками.

– Крыс здесь нет, – с сожалением произнёс товарищ по несчастью. – Можете не бояться, если вас это волнует.

Крысы?! Мне даже не приходила в голову возможность подобного соседства!

– Вам вообще здесь нечего опасаться, – всё с тем же сожалением сказал он. – Во всяком случае, пока мы вдвоём.

Он тряхнул плечами. Зазвенела цепь. Оказывается, этот человек не по своему желанию держит руки за спиной, его заковали. Бедняга, ему, должно быть, больно и неудобно так сидеть...

– Да, – подтвердил мой товарищ по несчастью. – Обо мне наши «друзья» позаботились больше, чем о вас, можно даже сказать, не покупились.

– Что здесь происходит? – спросила я. – Почему мы здесь, вдвоём? Зачем цепи? Кто эти люди?

Вместо ответа он засмеялся.

– Подойдите ко мне.

– Что? – не поняла я.

– Чёрт побери! – позволил мой собеседник прорваться своему раздражению. – Я неясно высказался? Сударыня, я прошу вас подойти сюда, если моя просьба не слишком для вас затруднительна. Мне кажется, вы достаточно оправились, чтобы передвигаться. Так понятней?

– Да, – неуверенно кивнула я, осторожно привставая с кровати. Что-то в его просьбе меня настораживало, но вот что? – А почему вы просите об этом?

– Узнаете, – нетерпеливо бросил он. – Ну же!

Я поднялась. Во всяком случае, если он сумасшедший, схватить меня ему не удастся, а цепь наверняка мешает дотянуться до противоположного конца комнаты.

Так что... почему бы и нет?

Дойдя, куда позволяла моя цепь, я внимательнее присмотрелась к своему товарищу по несчастью. Юноша, почти мальчик с на удивление – если учесть длительность его пребывания здесь – гладко выбритым лицом и растрёпанными тёмными волосами. Ботинки, которые, видно, вычистили перед тем, как запереть их владельца в помещении, несколько мятые брюки и когда-то белая рубашка. Жилета и сюртука на юноше не было. Поражала непринуждённость, с которой он сидел на матрасе в неудобной позе и, пожалуй, – контраст между мертвенно-бледной кожей и ярко-алым ртом. Глаза на застывшем в иронической гримасе лице казались тёмными провалами.

Выводы, которые последовали за этими наблюдениями, заставили меня разозлиться. Мало мне всего ужаса и нелепости этой ситуации, обязательно надо вспоминать любимые романы! Это уже не смешно, не игра «а если сосед слева одержим демоном, а сосед справа пьёт по ночам кровь». Здесь всё реально.

«Я бы посмотрела на твоё лицо, Амалия, если бы ты без еды просидела несколько дней на цепи!»

– Не бойтесь, – попросил юноша и одним плавным движением очутился на ногах. Я не удержалась от удивлённого восклицания. Юноша торжественно поклонился, словно актёр, заслуживший оvationи, и скользнул – другого слова я не могу подобрать – ко мне. При этом мы встретились глазами... Не знаю, что со мной произошло в эту минуту, я будто потеряла сознание, но осталась стоять на ногах. Когда очнулась, обнаружила, что протягиваю своему товарищу по несчастью свободную руку, а он повис на цепи и тянется ко мне оскаленным ртом. Масляная лампа давала достаточно света, чтобы отбрасывать блики на неестественно длинных клыках. Я хотела кричать, но алчный взгляд его тёмных глаз завораживал, полностью подавлял мою волю.

Я сошла с ума, я помешалась на своих готических романах, этого всего не может быть...

И всё же... Всё же это было.

Вампир изо всех сил тянулся ко мне, чуть только не вывихивая руки из плечевых суставов, а я тянулась к нему, но длина цепей была хорошо рассчитана: мы не могли даже коснуться друг друга. Обессилев, не-мёртвый, как их ещё называли в романах, упал там же, где стоял, и зашипел от ярости. Избавившись от давления его магнетического взгляда, я завизжала и бросилась назад, к кровати и лампе, которые, казалось, могли сообщить мне хоть каплю уверенности. Я уже добралась до своей цели, когда вампир поднял голову и посмотрел на меня. Крик замер у меня на губах, сознание снова помутилось...

– Я же просил не шуметь, – укорил меня ночной хищник. – Вам нечего здесь бояться.

– Я... Вы... Что... – жалобно пролепетала я, не зная даже, что сказать. – Прошу прощения.

Вампир – он снова сидел на матрасе – молча склонил голову, принимая извинения.

– Ничего страшного, только впредь постарайтесь быть более сдержанной.

Я почувствовала себя примерно так же, как в детстве, когда госпожа Кик выговаривала мне за глупые страхи и нежелание заходить одной в тёмную комнату. Привидений не бывает, а, если бы они и существовали – разве прилично визжать при появлении гостя? В самом деле,

что толку кричать при виде вампира? Сейчас, на цепи, он совершенно безопасен, а если бы мог причинить мне какой-либо вред, я вряд ли сумела бы что-то изменить криком.

Сердцебиение, однако, утихать не собиралось.

Он мёртвый, твердила я себе, он мёртвый! Я в одной комнате с мертвецом!

– Сейчас вы убедитесь сами, – мягко произнёс вампир, – насколько опрометчиво было с вашей стороны привлекать к этой комнате излишнее внимание хозяев. Прислушайтесь.

Я прислушалась. Поначалу повсюду царила тишина; единственным звуком было только моё дыхание. Но вот послышались приглушённые шаги, которые остановились у самой нашей двери. А после лёгкий скрип – и в темноте открылся квадратик яркого света. Вампир шевельнул губами.

– Смотровое окно, – словно прозвучало у меня в голове.

Свет погас, после небольшой паузы скрип раздался снова: снаружи запирали окошко. А после в замке повернулся ключ, дверь распахнулась, и на пороге появился незнакомый мне человек. Высокий, полный мужчина с короткими бакенбардами, он был одет в тёмный сюртук, застёгнутый на все пуговицы, и такого же цвета брюки. Пришедший пристально посмотрел сначала на меня, а после перевёл взгляд на вампира.

– Развлекаешься? – произнёс он брезгливым голосом. Значит, это тот самый человек, который отдавал приказы фальшивому «мужу», наш главный тюремщик.

Вампир кивнул.

– Надо же как-то проводить время, вы со мной согласны? – ответил он. – Каждому своё.

– Я знал, она придёт к тебе по вкусу, – с удовлетворением произнёс брезгливый.

– Для этого умозаключения не хватает одной маленькой проверки, – заметил вампир. – Не хотите ли обеспечить мне такую возможность?

– Буду только рад, – издевательски улыбнулся тюремщик. – Ты согласен? Одно только слово – и она станет твоей, делай с ней, всё, чего ни пожелаешь. А потом мы найдём для тебя других.

– Увы, – покачал головой вампир. – Ей придётся ещё некоторое время терпеть моё присутствие, потому что я отказываюсь.

– Вот как? – сердито прошипел негодяй. – Разве ты не голоден? Разве она тебе не нравится?!

Он бросился ко мне, рывком заставил подняться с кровати, расстегнул, чудом не оторвав, крючки моего платья, а после развернул меня лицом к вампиру и распахнул воротник, обнажая шею.

– Разве она тебе не нравится? – прокричал тюремщик. – Или, думаешь, я не знаю, как ты мечтаешь вонзить в эту шею свои клыки?! Ну же, соглашайся и...

Шлёп!

Пощёчина прервала омерзительную речь «брезгливого» тюремщика буквально на полуслове. Сама не понимаю, как осмелилась на подобный поступок...

В следующий момент тюремщик швырнул меня на кровать, где я сжалась от ужаса, ожидая удара: мерзавец уже занёс руку, явно собираясь проучить меня за мою дерзость. Боже мой, что же это такое делается! Меня в жизни никто никогда не бил, разве что госпожа Кик дёргала за уши и шлёпала по рукам, когда я плохо вела себя за столом, но это же совершенно не то! Боже мой, почему всё это происходит именно со мной?!

– Не надо, – раздался в наступившей тишине голос вампира. Эта незамысловатая просьба заставила тюремщика опустить руку и отступить от кровати на шаг.

– Значит, она тебе всё-таки нравится, – тяжело дыша, произнёс он.

– Никогда не любил битых женщин, – равнодушно произнёс не-мёртвый. – В этом есть что-то отталкивающее, вы не находите?

– Не надейся меня заморочить! – рявкнул тюремщик и шагнул к вампиру. Тот напрягся, но не как я, в ожидании удара, а пристально глядя негодяю в глаза, будто надеялся передать ему какую-то мысль.

«Может быть, так оно и есть?» – подумала я.

Тюремщик некоторое время смотрел на вампира, потом натянуто рассмеялся и отвернулся.

– Сынок, – с лицемерной заботой проговорил он. – Зря стараешься, со мной твои трюки не работают.

– Лет через десять вы бы заговорили иначе! – с внезапной горячностью выпалил вампир, но мерзавец только расхохотался.

– К чему так далеко загадывать? Посмотрим, что *ты* скажешь всего лишь через десять дней, как тогда запоёшь! А пока – доброй ночи тебе и твоей соседке.

С этими словами мерзавец вышел за дверь и запер замок. Мы с вампиром снова остались одни.

– Он имел в виду, – неожиданно объяснил вампир, – что у меня пока не хватает силы подчинить своей воле любого человека. Только того, кто не ожидает подвоха или кто находит меня привлекательным, чего об этом типе, конечно, не скажешь.

От этих слов я мучительно покраснела и невольно потянула руку к воротнику.

– Да, – словно с чем-то согласился не-мёртвый, – будет лучше, если вы застегнётесь. Я слишком голоден, чтобы спокойно выносить столь соблазнительное зрелище.

Покраснев ещё больше – по крайней мере, таким было возникшее у меня ощущение, – я поспешно выполнила совет.

– Так-то лучше. Кстати, – оживился вампир, – полагаю, вас можно считать моей гостьей, а я так мало побеспокоился о вашем удобстве. Не хотите ли немного перекусить?

– Перекусить?! – шокировалась я от подобного предложения. – Здесь, сейчас?!

– Почему бы и нет? – удивился мой товарищ по несчастью. – Что касается места, то вряд ли у вас будет возможность питаться в другом помещении, а времени – чем оно хуже любого другого?

– Все знают, на ночь есть вредно, от этого снятся кошмары! – возмутилась я. Вампир рассмеялся.

– Если дело только за этим, можете не волноваться. Кошмары вам сниться не будут, происходящего наяву вполне достаточно. Так что же? Помнится, еду они оставили где-то за вашей кроватью.

Я посмотрела туда, куда он оказал и в самом деле – на полу лежала крышка от картонки, в которую я сегодня вечером укладывала шляпку, а на крышке стояла оловянная тарелка с куском говядины и ломтиком белого хлеба и медная кружка с какой-то тёмной жидкостью.

– Они не хотели оставлять здесь ничего такого, с помощью чего вы могли бы повредить себе, – объяснил вампир, когда я подняла крышку и аккуратно пристроила возле себя на кровати. В кружке оказалось столовое вино – вполне неплохое, если судить по запаху, госпожа Кик доставала такое из буфета по торжественным случаям, в остальное время предпочитала обходиться чаем. Хлеб, похоже, не был свежим и когда его принесли сюда, а сейчас и вовсе основательно зачерствел. Я взяла кусок мяса, положила его на хлеб и принялась за еду. Госпожа Кик наверняка бы сломала зубы о такую трапезу; хорошо, что у меня ещё вполне крепкие зубы и сильные челюсти, иначе я бы не справилась. Вампир одобрительно наблюдал за моим насыщением со своего матраца.

– Если бы вы знали, как я вам завидую! – пожаловался не-мёртвый, когда последняя крошка отправилась мне в рот. Еда и вино укрепили мои силы, отогнали уныние, в котором я пребывала с того момента, как в точности уяснила своё положение. Во всяком случае, я пока ещё жива, а это главное. Я вежливо улыбнулась вампиру – сложно не посочувствовать бедолаге,

но, по правде сказать, он пугал своим явным желанием насытиться посредством *моей* крови. Если верить большинству прочитанных мной романов, это бы неизбежно означало смерть, потому что вампиры обязательно убивают свои жертвы. Кажется, только в одной или в двух книжках люди выживали после встречи с не-мёртвым, и то я не помню, чтобы вампиры этому особенно радовались.

– Почему эти люди боялись, что я причиню себе вред? – спросила я – просто, чтобы перевести разговор на другую тему.

– Как же, – хищно улыбнулся мой собеседник. – Вы только представьте, что было бы, попадись вам в руки что-нибудь острое...

Я покачала головой. Мне приходилось держать в руках острые предметы, и никаких опасений у окружающих это не вызывало. Или наши тюремщики боялись моего самоубийства? Но как можно зарезаться столиком или подносом, в которых мне отказали? Или чем, осколком фарфоровой тарелки?

– Для меня не составило бы труда *убедить* вас пустить себе кровь, – мечтательно проговорил вампир. – Конечно, вы бы перед этим подошли ближе ко мне, а потом ваша кровь потекла бы в мою сторону...

– Перестаньте! – воскликнула я. От подобных рассуждений мороз продирает по коже.

– Прошу прощения, – несколько смутился не-мёртвый. – Я просто хотел дать необходимые пояснения. К тому же, к чему впустую предаваться грёзам? Ваших сил просто не хватит, чтобы сделать из тарелки хоть сколько-нибудь опасное оружие.

Он с сожалением облизнулся. Теперь, когда я точно знала, кто передо мной и каковы его намерения относительно меня, вампир уже не скрывал жадного взгляда, направленного точно на мою шею. Как мне не хватало сейчас хотя бы крошечной косынки!

– Довольно! Не желаю больше слышать об этом!

– А я просил вас не кричать, – напомнил вампир. – Громкие звуки мешают мне слышать биение вашего сердца и ток крови в ваших жилах...

– *Прекратите*, пожалуйста! Это бесчеловечно, так говорить! Хватит!

– Конечно, бесчеловечно, – не унимался вампир. – И именно поэтому...

– О, прошу вас!

– Ладно, я прошу прощения. Не хотел пугать вас, успокойтесь. Но и вы, пожалуйста, обойдитесь без резких звуков. Ваша несдержанность может в первую очередь повредить вам самой.

– Повредить? – не поняла я.

– Ну да. У наших с вами *друзей* вполне может возникнуть впечатление, будто вы что-то значите для меня, и вас могут... – Он замаялся. – Вам могут сделать больно, чтобы вынудить меня сдаться.

Я пришла в ужас.

– Вы хотите сказать – эти люди будут пытаться меня?!

Вампир кивнул.

– Вот именно. Поверьте, я буду весьма огорчён таким поворотом событий.

– Но не измените решения? – уточнила я.

Он молча покачал головой. Я закрыла лицо руками, изо всех сил стараясь не заплакать от страха и безнадёжности; вся моя бодрость куда-то испарилась.

– Мне очень жаль, – мягко сказал вампир. – Но я давал присягу, а в целом мире есть только одно существо, которое дорожит для меня верности слову. Я не могу сдаться – даже ради вас. Не плачьте, может быть, им и не придёт это в голову.

Я отняла руки от лица и подняла взгляд. Тёмные глаза вампира смотрели на меня с выражением, прямо противоречащим его тону. Я коснулась воротника.

– Почему тогда вы вступились за меня?

– Я ведь сказал, – усмехнулся не-мёртвый, – никогда не пил кровь избитых женщин. У них и без меня хватает печалей, вы не находите?

Меня передёрнуло от отвращения. Без сомнения, этот... это... существо считает себя очень благородным с такими принципами.

– Я расстроил вас, – предположил вампир. – Вот что, после всего пережитого вам необходимо как следует выспаться.

– Выспаться?! – ужаснулась я.

– Да, именно выспаться, и именно здесь и сейчас, если вас это удивляет.

– Но я не смогу уснуть!

– Можете. Это очень просто. Уберите эту штуковину, лягте поудобней, закройте глаза и глубоко дышите. Или вы хотите, чтобы я всё проделал за вас?

Я вспомнила минуты помутнения сознания, которые находили на меня, когда вампир встречался со мной взглядом, и покачала головой.

– Не надо, благодарю вас.

– В таком случае, ложитесь спать.

Я послушно убрала крышку от картонки с кровати – Боже, если бы госпожа Кик знала, куда меня отпускает, она бы вызвала полицию, когда я ушла одеваться, и негодяя сразу схватили бы! – послушно легла и закрыла глаза. Вряд ли мне удастся заснуть в этом страшном месте, но поддерживать светскую беседу с вампиром уже не хватало сил. Интересно, он это почувствовал? Кажется привлекательным, скажите пожалуйста! Если бы он видел себя со стороны – с этими ужасными клыками и взглядом, как у дикого зверя... Нет, безусловно, какой-то шарм у него всё же есть, но если всё обстоит именно так, как он сказал – всё дело в том, что я тогда не ждала подвоха. Не мог же мне и в самом деле понравиться... бррр! Живой мертвец!

«Ами, Ами, о чём ты только думаешь? Тебя убьют, когда им надоест ждать согласия от вампира, если только не замучают раньше – а ты решаешь, достаточно ли он привлекателен как мужчина».

Собственная распущенность заставила меня устыдиться. Я решила тем более не смотреть на вампира, не видеть больше этого голода, этого... *желания* в его завораживающе-тёмных глазах... Тьфу!

Нет, я в самом деле сумасшедшая, а также на редкость испорченная девчонка, и если я скоро умру – это будет расплата за те грешные мысли, которые постоянно наполняют мою глупую голову. Я отвернулась к стене, чтобы полностью избавиться от искушения, но внезапная боль в виске заставила меня вскрикнуть и оторвать голову от подушки.

– Я же просил, – сердито напомнил вампир. – Что там у вас?

Усевшись, я не без труда выпутала из волос ненайденную давеча фальшивым «мужем» шпильку.

– Ого! – прокомментировал мою находку вампир. – Вы, что же, укололись? Неудивительно, дешёвые шпильки на редкость небезопасны. Но, к сожалению, эти дураки зря тратили время – таким оружием серьёзных ран не нанесёшь, а, значит, и крови будет слишком мало. Выкиньте её и ложитесь спать. Вы меня утомляете своим перепуганным видом и бесконечными вопросами.

Слегка обидевшись на этот выпад, я осталась сидеть, задумчиво вертя шпильку в руках. Постоянные разговоры вампира о крови не внушали мне доверия к этому существу, но от тюремщиков ждать милосердия тем более не приходилось.

К тому же... эти люди боялись полиции, а вампир говорил о присяге, которую не может нарушить. Значит ли это, что не-мёртвый работает на... кого? Полицию? Нет, это вряд ли, это уже чересчур. Вряд ли ежедневные обязанности полицейского можно совместить с... хм, с *привычками* вампира. Наверное, есть ещё какие-то организации, где его способности больше пригодятся. Итак, вампир работает на правительство. Означает ли это, что я должна лучше

думать о вампире – или хуже о нашем правительстве? Госпожа Кик никогда не интересовалась политикой, считая это делом не для женского ума – и мне не советовала. Зато у неё в доме я научилась некоторым вещам, которые...

– О чём вы задумались, моя дорогая? – вкрадчиво поинтересовался вампир. – Я, кажется, велел вам спать.

Я решила не поворачиваться в сторону не-мёртвого, чтобы он не мог усыпить меня взглядом, как грозился.

– Скажите, – робко начала я. – Как бы вы поступили, если бы цепи вдруг исчезли?

– Исчезли? – несколько удивлённо переспросил вампир. Я, не удержавшись, всё-таки обернулась: хотела видеть выражение его лица. – Если бы цепи вдруг исчезли... – мечтательно проговорил мой товарищ по несчастью и облизнулся. – Это вовсе не так страшно, как вам кажется. Вы просто крепко заснёте, и вам будут сниться хорошие сны, вот и всё... Это вовсе не страшно, – повторил он.

– Нет!

– Прошу прощения, милая барышня, но позвольте с вами не согласиться. Всё будет именно так, как я сказал... было бы, если бы не цепи.

– Нет, я не то хотела спросить. Что вы бы делали, если бы на вас не было бы цепей? Не со мной, а... вообще?

Вампир повернул голову и посмотрел вверх и назад. Я проследила за его взглядом и только сейчас заметила окно прямо над матрацем моего товарища по несчастью.

– Но оно слишком высоко! Как вы залезете под самый потолок?

– А как вы избавитесь от цепей? – вопросом на вопрос ответил вампир. – Я ведь вас правильно понял?

– Замки можно открыть с помощью шпильки, – робко заметила я. Вампир расхохотался.

– Я, конечно, и не то умею. Но, сударыня, чтобы научить вас тому же, я должен выпить хоть каплю вашей крови.

– Вам не надо меня учить, – возразила я.

Не-мёртвый вскочил на ноги, растеряв всё своё ленивое хладнокровие. Зазвенела цепь.

– И вы так спокойно сидите?! Мы можем спастись, а вы так спокойно сидите?

– Вы сказали, что тут же убьёте меня, – напомнила я.

– Ах, это! – горько сказал вампир. – Сейчас, в такую минуту – вы решили поторговаться?

– А если да, то что? – с вызовом ответила я. Вампир зловеще улыбнулся.

– Ну, пусть будет по-вашему. Ваша жизнь в обмен на мою, устраивает вас такая цена? Помогите мне выбраться отсюда – и я спасу вас. Договорились?

– А вы не обманете? – подозрительно спросила я.

– Вам придётся рискнуть, сударыня. Ну как, договорились?

Я кивнула, начиная ковыряться шпилькой в замке своего браслета. Это было не сложнее, чем открывать буфет госпожи Кик – в детстве я частенько лазила туда за пирожками. А когда подросла, добралась и до шкатулки с драгоценностями... Нет, я ничего не крада, просто хотела полюбоваться красивыми вещами.

Замок поддался моим усилиям, и я наконец-то смогла освободить уже изрядно ноющее запястье. Как больно, а ещё больше – унижительно...

– Потом будете жалеть себя, сначала помогите мне! – прикрикнул вампир. Он вышел на середину комнаты и развернулся спиной к свету, чтобы мне удобнее было работать. – Помните, если у вас не получится, я вам ничего не должен. И я голоден, очень голоден, моя дорогая.

– Вам не обязательно меня запугивать, – огрызнулась я. Руки вампира были холодными, как лёд... или как руки мертвеца. Случайно прикасаясь к ним, я не могла сдержать дрожи отращения.

– А вы не возитесь столько времени, – не остался в долгу не-мёртвый. – В любой момент они могут заинтересоваться нами и зайти сюда.

– Я стараюсь, как могу, но у вас два замка, и они крайне неудобно расположены. А от спешки толку не будет.

– Да, но тогда у вас была свободна одна рука, а теперь две, – возразил вампир.

– Больная рука – плохое подспорье. Всё, снимаю.

Я сдёрнула с вампира оковы и на всякий случай отпрыгнула назад: боялась, что, очутившийся на свободе вампир не сможет в первые минуты справиться со своим голодом... Или лучше сказать, жаждой?

Сложно прыгать, если только сидела на корточках, и особенно сложно делать это, когда чего-то смертельно боишься. Во всяком случае, я потеряла равновесие и непременно бы упала, если бы меня не поддержал вампир, неожиданно оказавшийся за моей спиной.

– Вы отлично справились, моя дорогая! – воскликнул он. – Каюсь, прежде я никогда не искал в девушках особых талантов, да и серьёзные беседы вёл довольно редко. Что вы ещё умеете, а? Может быть, подделывать подписи на чеках?

Я смутилась. Госпожа Кик в своё время настояла, чтобы я научилась копировать её почерк: это позволяло переложить на меня ведение финансовых дел. Проще было бы, конечно, выписать доверенность, и госпожа Кик даже думала об этом, но потом оказалось, это позволяет только для тех, кто владеет своим состоянием или получил специальное образование. А образование, как известно, денег требует, так что моя хозяйка ограничилась малым.

– Вы просто средоточие всех достоинств! – засмеялся вампир. – Но об этом потом, а пока давайте выбирать.

Я прикинула расстояние до окна: на вид больше, чем два человеческих роста.

– Я не умею лазить по стенам.

– Какое упущение с вашей стороны! Ничего, ещё научитесь, моя дорогая.

Он присел на корточки, расшнуровал, а затем снял ботинки. Подумав, снял ещё и носки. Я отвернулась.

– Не стойте в стороне, как воплощение благовоспитанности, – позвал вампир. – Садитесь мне на спину.

– Что?!

– Понятно. Этого вы тоже не умеете? Никогда в детстве не катались?

– Нет.

Вампир поднялся на ноги и с жалостью посмотрел на меня. Потом повернулся спиной и передёрнул плечами.

– Хватайтесь и подтягивайте ноги, – приказал он.

– Может, лучше... – Я хотела сказать, что лучше я за него ухвачусь у самой стены, а ещё лучше – как-нибудь приспособить хотя бы ту же цепь, чтобы он, забравшись, мог меня вытащить, но не-мёртвый не стал слушать.

– Делайте, что вам говорят!

Я повиновалась.

Вампир слегка присел, чтобы мне было удобнее забираться. Когда он распрямлялся, его повело в сторону.

– Спокойно, – процедил не-мёртвый. – Всё в порядке.

– Вы уверены? – забеспокоилась я. – Вам же тяжело, вы слишком ослабли.

– Помолчите!

Вампир шёл с явным трудом, пошатываясь от голода и тяжести. Но у стены он как-то весь встрепенулся, подпрыгнул и... И принялся забираться по голой поверхности, будто по лестнице. Я не удержалась и выглянула из-за его спины, чтобы взглянуть на руки и ноги своего

спасителя. Казалось, вампир пальцами цепляется за неровности, трещинки и бугорки, которых полным-полно при плохой окраске.

– Не ёрзайте, а то сброшу! – пригрозил не-мёртвый. Он добрался до подоконника.

– Но тут же решётка!

– Сам вижу, – огрызнулся вампир. – Спрячьте лицо и помалкивайте.

Он стукнул по стеклу ногтем, послышался звон, потом такой звук, словно куски стекла вынимались из рамы. Я снова выглянула из-за спины вампира... чтобы увидеть, как он, повиснув на одной руке, второй небрежно кидает осколки на свой матрац.

– Сказал же, не дёргайтесь! Если вы упадёте, я за вами второй раз не полезу, так и знайте!

Он подтянулся ближе к решётке и принялся её выламывать: сначала дёрнул на себя в том месте, где она крепилась к стене, потом то же с другой стороны, а после просто толкнул наружу. Звук удара раздался неожиданно быстро. Вампир расчистил подоконник от осколков и подтянулся ещё ближе, слегка разворачиваясь боком.

– Слезайте! – приказал он мне. – Конечная остановка.

Я поспешила выполнить приказ – висеть на спине вампира было страшно неудобно, и я в самом деле опасалась не выдержать и разжать руки. К тому же... я никогда раньше не боялась мертвецов – просто потому, что не видела, а в книжках всё кажется совсем не таким, как в жизни. А сейчас каждое прикосновение напоминало мне – как бы я ни пыталась забыть, перестать об этом думать – рядом со мной мертвец, пусть говорящий и думающий, пусть даже более честный, чем некоторые люди, но мертвец, холодный и противный, как и полагается трупу, вроде тех, которые закапывают в землю на кладбищах...

На подоконнике едва поместилась я одна; вампир, убедившись, что я благополучно устроилась, так и остался висеть на стене внутри комнаты.

– А как мы будем спускаться? – спросила я, не решаясь поглядеть вниз. Впрочем, вокруг было так темно, что не имело особого значения, куда я смотрю, всё равно я едва могла различить перед собой какую-то стену – то ли дом, то ли забор, непонятно. Нет, для забора высоковат, значит, это здание.

– Как спускаться? – удивился вопросу вампир. – Просто.

И столкнул меня вниз. Я с трудом удержалась от крика, в ужасе предвкушая, чем завершится падение... к счастью, плотная ткань платья достаточно смягчила удар: я свалилась прямо на решётку и едва не расшибла колени.

– Это подвал, – засмеялся вампир, подхватывая меня на руки. – А вы думали, нас на чердаке поселили?

Дальнейшую дорогу я помню плохо. Вампир куда-то бежал с невыносимой для человека скоростью, через что-то перелезал или перепрыгивал, петлял по неузнаваемым ночью улочкам и продирался через какие-то заросли. И всё это – крепко прижимая меня к себе, будто я была его возлюбленной или потерянным ребёнком.

О том, что я не сказала своему спасителю, где живу, я вспомнила, только когда он остановился и осторожно поставил меня на мостовую.

– Всё, больше не могу, – объявил он и покачнулся так, что мне пришлось поддержать его за руку.

– Вы сильно устали? – посочувствовала я, пытаюсь подобрать слова благодарности. Мы стояли у освещённой фонарём вывески: «Липовый бульвар, тринадцатый дом», а небо над нашими головами уже начало светлеть. Кажется, я бывала в этой стороне, хотя и не в этом именно доме. Скоро пойдёт первая конка, к тому же здесь недалеко до стоянки кэбов. – Я не могу передать, сударь, как я признательна вам, и примите мою самую искреннюю... – начала я, но была весьма невежливо прервана хохотом вампира. Он стоял напротив меня и смеялся, как безумец, бешено размахивая руками. Наконец, я поняла, на что он показывал, и тоже засмеялась.

Это и впрямь было нелепо – я с растрёпанными волосами, в которых запутались сучки и сухие листья, в платье, порванном о ветки каких-то колючих кустов – кажется, это был шиповник, – без туфель, они свалились где-то по дороге, – церемонно благодарю босого господина в брюках без ремня и в изодранной грязной рубашке!

Мы смеялись довольно долго, пока вампир внезапно не посерьёзnel и не шагнул ко мне.

– Нет, я не настолько устал, – произнёс он, устремляя на мою шею алчный взгляд. – Я настолько проголодался.

Я попятилась.

– В таком случае, сударь, позвольте мне удалиться. Не хотела бы помешать вашей... э-э-э... охоте. То есть я имела в виду – трапезе. То есть... Вы извините меня. Я пойду. Прощайте.

– Не говорите ерунды! – потребовал вампир, удерживая меня за плечо. – Вы прекрасно понимаете, в таком состоянии мне не поймать даже кошку.

– Но вы обещали мне! – выкрикнула я, тщетно пытаюсь защитить шею руками.

– Обещал, – согласился вампир, бережно отводя мои руки. – Ваша *жизнь* в обмен на мою. Вы будете жить, я держу слово. Но вот насчёт вашей *крови* мы не договаривались.

Он поймал мой взгляд, и весь мир потерял значение. Не было ничего, кроме этих тёмных глаз, глядящих на меня с голодным обожанием.

– Я же говорил, всё совсем не страшно, – нежно шепнул вампир, распахнул мой ворот – на мостовую с тихим звоном посыпались оторванные крючки – и припал ртом к шее. Мои глаза заволокло красным туманом, и больше я уже ничего не помнила.

Я просыпалась тяжело, открывала глаза, видела чёрные плотные шторы, сохраняющие темноту в комнате – и снова засыпала. На мягкой лежанке с мягкой подушкой под головой и под тёплым пледом спалось очень хорошо, но пробуждение почему-то пугало. Окончательно разбудили меня голоса, доносящиеся, как я не сразу поняла, из соседней комнаты.

– Ты понимаешь, что на день сорвал мою работу? – спрашивал сердитый мужской голос. – Зачем ты принёс её именно сюда?

– Сюда я мог войти, – беспечно ответил знакомый молодой голос. – К тому же в вашем кабинете стоит канапе, было куда её уложить.

Я вздрогнула, узнавая голос. Вампир, который спас меня из подвала, донёс до Липового переулка ипил мою кровь под вывеской тринадцатого дома. Он сдержал слово и сохранил мне жизнь. Но где я?

В комнате было абсолютно темно из-за штор, к тому же на улице, скорее всего, уже началась следующая ночь – иначе откуда бы взяться вампиру? Госпожа Кик наверняка волнуется... И как я объясню ей своё отсутствие? Поверит ли в правдивость этой истории или посоветует меньше читать готических романов. В чём она меня заподозрит – даже думать не хочется, но порядочные девушки не пропадают из дома на целые сутки, это совершенно очевидно; никакие оправдания не смягчат предосудительности моего проступка.

Разговор, между тем, шёл своим чередом.

– В мой кабинет! – сетовал собеседник вампира. – Мне пришлось работать в собственной приёмной! И никаких объяснений. Я пришёл утром, а в моём кабинете – закрытом на три замка! – незнакомая девушка. И никто ничего не знает!

Вампир хохотнул.

– Надеюсь, вы не пытались её разбудить?

– Она не проснулась, – досадливо ответил человек. – Где ты украл подушку и плед?

– Да валялись тут неподалёку, – отмахнулся вампир. – Ей надо было отдохнуть после вчерашней ночи.

– Поэтому ты её усыпил? – уточнил сердитый.

– Не только, – весело ответил не-мёртвый. – Я могу надеяться, что её накормят? Распорядитесь, пожалуйста.

– Здесь не пансион! – рявкнул сердитый. – Не санаторий! Зачем ты её сюда притащил?!

– Разве вы не нашли отчёта? – удивился вампир. – Я был уверен, что всё там объяснил.

Вы читали?

– Читал, – подтвердил сердитый. – И совершенно с тобой не согласен. Тебе не стоило оставлять её в живых.

– Я поклялся...

– Вздор!

– Не хочу спорить, – вежливо проговорил вампир. – Она останется жить.

– Нет.

– Да.

– Ты понимаешь, как это опасно?

Вампир не ответил, сердитый громко засопел.

– Под твою ответственность, – решил, наконец, он.

– Я и не сомневался, – усмехнулся вампир. – Распорядитесь насчёт ужина барышне, и чем скорее, тем лучше. Она сутки не ела и потеряла много крови.

– Она так и останется в моём кабинете?! – ужаснулся сердитый.

Вампир засмеялся.

– Устройте её где-нибудь ещё, я не возражаю.

– Не понимаю, с чего вдруг тебе потребовалась напарница, – проворчал сердитый. – Ты прекрасно справлялся сам.

– Не так уж прекрасно. Напарница мне не мешает.

– Думаешь, она согласится? – недоверчиво спросил сердитый.

– А куда ей деваться? – равнодушно ответил вампир.

Меня пробрал мороз по коже, когда я поняла, что в обмен на сохранение жизни вампир забрал мою свободу. А если я буду протестовать... Куда он меня принёс?!

– Ты сам объяснишь ей? – спросил сердитый.

– Сам, – коротко ответил вампир.

– Когда? – требовательно произнёс сердитый.

– Позже, – беспечно отмахнулся не-мёртвый. – Я скажу когда. Кстати, вы видели Карлийля? Он не заходил к вам?

Сердитый не ответил. Повисло молчание, которое показалось мне мучительным... потом вампир спросил неожиданно хриплым голосом:

– Что с ним?!

Сердитый долго молчал, наконец, неохотно выдал:

– Три дня назад. Пытался тебя спасти. Я думал, тебе уже сказали.

Вновь наступившую тишину разбил жуткий звук: то ли стон, то ли вой, то ли крик протеста.

– Нет! – Это короткое слово прозвучало до боли жалко и беспомощно.

– Когда ты пропал, мы просили его найти тебя, – тихо проговорил человек. – Только найти! Четыре дня назад он пришёл, сказал, что знает, где тебя держат. Оставил бумаги с описанием, мы установили там слежку, но ничего подозрительного не видели. И на следующий же день... Наш человек даже ничего не успел понять. У нас не было возможности вытащить тебя сразу, слишком уважаемый там район, да и дом арендовался иностранным гражданином. Операцию планировали на завтрашний день, но...

– Нет, – простонал вампир. – Нет! Он же не хотел! Он никогда не хотел умирать! Он никогда не хотел этим заниматься! Он не хотел! Он не должен был! Почему?! Почему это случилось – с ним?! Почему вы отпустили его?!

- Он ничего не желал слушать, даже не посоветовался со мной.
– Неправда! – стонал не-мёртвый. – Такого не должно было случиться! Он клялся, что будет жить вечно! Он обещал не покидать меня! Обещал!
Раздался треск ломаемого дерева.
– Прекрати! – закричал человек.
– Он не должен был умирать, – не унимался вампир. – Только не он!
Послышался такой звук, словно упало тяжёлое кресло.
– Ненавижу! – выкрикнул вампир. – Будьте вы все прокляты! Все!
– Куда ты? – окликнул сердитый человек.
– Прогуляться, – рыкнул вампир.
– Стой! – спохватился сердитый. – А твоя девушка? Когда ты поговоришь с ней?
– Никогда! – рявкнул не-мёртвый. – Делайте с ней, что хотите, хоть сами съешьте. Мне плевать!
– То есть мы можем убить её? – обрадованно уточнил человек.
Я замерла, боясь даже вздохнуть. Убить – вот так просто. За что?
Вампир буквально зарычал.
– О, проклятье! Не смейте её трогать! Я поговорю с ней. Завтра. Обещаю.

Но завтра он не пришёл. Не пришёл ни через день, ни через два дня. В тот же вечер, едва стихли шаги вампира (он громко топал, уходя из приёмной начальника), распахнулась дверь, и угрюмый человек уже знакомым сердитым голосом велел убираться из его кабинета – мол, дальше по коридору мне выделяют комнату и принесут поесть. Как я ни была слаба, пришлось вставать на ноги и повиноваться – тон начальника вампира не оставлял никаких возможностей для отказа. Едва я устроилась в чьём-то пустом кабинете, как сердитый человек ворвался снова и потребовал, чтобы я взяла перо и бумагу и написала свою версию произошедшего – к утру. И ещё – чтобы я никуда не выходила без специального разрешения. За мной, мол, придут, когда понадобится.

Полночи промучившись с описанием своих приключений (ослушаться я не решилась), я легла спать, и спалось мне отвратительно. До самого утра мне снился погибший вампир – точно такой же, как худой смуглый человек из конки. Он смотрел на меня и грустно улыбался, будто знал, что я не смогу ему помочь. И всю ночь до утра я бегала по подземным лабиринтам, пытаясь спасти того, кто важнее жизни, важнее чести и присяги. Всё оказалось бесполезно, и наутро я проснулась с тяжёлой головой и ощущением бессмысленности жизни.

Весь день до ночи я промаялась от скуки и томительного ожидания, но ночью вампира не было, как не было и следующим утром, и днём. А через двое суток в занятый мной кабинет принесли сундук, в котором обнаружили оставленные у госпожи Кик вещи. Все мои вещи, до последней книжки, до последнего платочка.

Я разрыдалась. Если моё имущество принесли сюда – значит, госпожа Кик знает, где я, и не волнуется. Это было бы хорошо, но...

Но если она отдала вещи, значит, она меня больше не ждёт, и вернуться мне некуда. Мне навсегда придётся оставаться здесь в распоряжении вампира и бесчеловечно равнодушных к чужой жизни людей. Это – навсегда. Я плакала, пока не промочила насквозь прижатый к глазам платок, плакала, пока голова не стала раскалываться от сильной боли, которая всегда появлялась у меня от продолжительных рыданий.

Не увидеть мне больше шляпную лавку, госпожу Кик – строгую хозяйку и воспитательницу, не увидеть ставшие родными улицы, лавки соседей, ухажёра своего, бедного мальчика... Что ему сказали насчёт меня? Соврали? Отмахнулись? Ищет ли он меня или – вдруг? – забыл уже... Написать бы ему, успокоить... Да куда там – как «отчёт» свой отдала – описание жуткого приключения, так бумагу и перья отобрали и больше не приносили.

Я бросилась ничком на канапе и снова забылась в тревожном кошмаре с погонями, лабиринтами и не-мёртвыми. Это – навсегда...

Сама не знаю, почему я даже не попыталась сбежать. Может быть, потому, что на окнах были решётки, а в конце коридора, в который выходила дверь «моего» кабинета, скучал дюжий охранник. А, может, потому, что вампир клялся спасти мою жизнь и принёс сюда, а не домой – должно быть, снаружи опасно, ведь те люди наверняка будут меня искать. А, может, потому, что понимала: к госпоже Кик идти бесполезно, а в другое место никто не возьмёт без документов – единственного, что пропало из моего имущества. Как бы то ни было, я продолжала жить в непонятной конторе, где люди старались не смотреть друг другу в глаза, плакать по ночам и ждать – уже не знаю чего.

Попытки расспрашивать прислугу ничего не дали – люди просто отворачивались, стоило мне с ними заговорить. В коридоре я видела серьёзных господ в тёмных сюртуках, но они не обращали на меня внимания. Сердитый начальник принял меня всего раз (на третий день моего пребывания там), но слушать не стал, велел идти вон и ждать распоряжений.

«Или смерти» – мысленно закончила я, но вслух не сказала ни слова.

Вампир всё не появлялся, день тянулся за днём, ночь за ночью, я боялась спать и боялась бодрствовать, а в конце недели, когда слуги стали посматривать на меня особенно неласково – в конце недели поняла: он меня бросил, он не вернётся, и вскоре меня убьют. От этой мысли я разрыдалась ещё горше, чем в то утро, когда увидела сундук. Я не хотела умирать – пусть жизнь глупа, бессмысленна, пусть впереди уже не будет ясных дней – умирать было страшно.

Два дня я плакала и тосковала, билась в истерике и даже подумывала о том, чтобы распахнуть окно и закричать – вдруг кто-нибудь услышит, и меня спасут?

А на исходе второго дня он всё-таки появился.

Я уже переделалась ко сну и улеглась, когда внезапный шорох со стороны окна заставил меня оглянуться. Не-мёртвый сидел на подоконнике, одетый в отутюженные серые брюки, растёгнутую короткую куртку того же цвета, из-под которой виднелась крахмальная белая рубашка. На ногах – начищенные до блеска новые ботинки, на шее свободно повязанный тёмно-синий галстук. Шляпа охотничьего фасона лежала на подоконнике рядом с ним. Хорош, ничего не скажешь, не мужчина – картинка, и точно выверенная небрежность его костюма ему очень подходит, так же как и тщательность остальных деталей. На секунду мелькнула мысль, что вампир хочет загладить впечатление, произведённое на меня в том страшном подвале.

Что касается меня, то я до слёз смутилась, оказавшись перед мужчиной в одной сорочке. Хорошо ещё, что дешёвая ткань была достаточно плотной и нигде не просвечивала, а покррой – по требованию госпожи Кик – закрытый и строгий. Я поспешила набросить на плечи одеяло и запахнуть импровизированную накидку на груди.

По лицу не-мёртвого скользнула улыбка – горькая, грустная, недобрая.

– Ты знаешь, – не то спросил, не то заявил он. Я начала было произносить подобающие случаю слова соболезнования, но вампир протестующе вскинул руку.

– Не надо, не лги. Ты не знала его, а если б и знала – что тогда? Убит вампир – чудовище, монстр в твоих глазах! Кто он, каким он был – тебе всё равно.

Я молчала: что я могла ответить? Почему-то хотелось возразить: знала. Тот мужчина из конки, образ которого преследовал меня по ночам – был ли он человеком? Он вскочил в конку на ходу, он перебежал улицу одним махом, и в лице его не было и кровинки. Но если и вампир – тот же ли?

– Да, – сказал не-мёртвый, не отрывая от моего лица тоскливого взгляда. – Ты видела его – за день перед смертью, я разглядел это в твоей памяти.

Вампир невесело хохотнул.

– Он отметил тебя.

– Отметил?! – отшатнулась я: непонятные слова прозвучали ужасно.

– Как жертву, – пояснил не-мёртвый. – Ты не заметила, а любой вампир бы увидел. – Он замялся. – Я не сразу увидел – только когда наелся. Голоден был, соображал плохо. Не знаю, зачем ты ему была нужна... Может, для себя присмотрел, может, меня хотел накормить – после спасения.

Я вздрогнула.

– Да, тогда ты вряд ли осталась бы в живых. Но – он умер, а ты жива! Жива! – эти слова не-мёртвый произнёс со злобой.

Я опрокинулась на кровати и вскинула руки, чтобы защитить шею и голову. Но вампир не двигался с места.

– Когда вампир отмечает жертву, другой может напасть на неё только в случае крайней нужды – или с разрешения хозяина, – проговорил страшный мой собеседник. – Он умер – но есть ты, и есть я, а я помню. Ты будешь жить – потому, что принадлежишь ему и потому, что я дал слово. Ты будешь жить, Ами, не бойся.

Внезапная мягкость его голоса заставила меня убрать руки от лица и неуклюже подняться. «Ами» – так меня не называли много лет, с тех пор, как я попала в лавку госпожи Кик. Даже я сама не так уж часто вспоминала это имя.

Я робко взглянула на не-мёртвого.

– Меня захватили днём, когда я не мог постоять за себя. Ума не приложу, как выследили. Сейчас мой гроб перенесён сюда, в подвал, здесь надёжнее. Учитель был против, нельзя оказываться в такой зависимости от живых, это опасно. Но он умер. Ты слышала, как.

Я снова отшатнулась, опасаясь новой вспышки, но её не последовало. Вампир не сводил с меня вопросительного взгляда, как будто я могла разрешить его сомнения, утишить его скорбь.

– Я к чему говорю? – продолжал он. – Не спускайся в подвал, хоть днём, хоть ночью. Потянет – не спускайся. Любопытно станет – не спускайся. Прикажут – не спускайся. Вести станут – не иди. А пойдёшь, так я за твою жизнь не ручаюсь, поняла?!

Я задрожала от ужаса и, как зачарованная, кивнула.

– Не бойся меня, – успокоившись, попросил вампир с новой мягкостью. – Тебе нет нужды меня бояться, Ами. Просто делай всё так, как я скажу – и ничего не бойся.

От этой ласковости стало ещё более жутко; я поняла, что за ней скрывается. Безопасность – рядом с бесноватым монстром – в обмен на свободу и право распоряжаться собой. Страшная мена.

– Да, к слову о приказах, – беспечным голосом произнёс вампир. – Подчиняться будешь лично мне – и никому больше. Кто что скажет – не слушай, даже если передадут будто бы от меня. Не верь никому, поняла? – Дождавшись кивка, быстро продолжил: – Жить пока тут будешь, на улицу тебе нельзя. Узнают, поймут – я второй раз вытаскивать не буду. Сама знаешь, что с такими спасателями делается. Здесь поживёшь, потом над тобой поработают, будешь делом заниматься. Сейчас – учёба. Что ты сама умеешь – расскажи, разовьём. Стоять иначе – научим, смотреть, ходить, говорить, руки держать, одеваться, думать по-новому – всему научим. Сам учить буду – не всему, многому, но буду. Кого приведу, представлю – слушаться как меня, поняла? Закончит учить – забудь того, как не видела, уроки помни. О прежней жизни сегодня последний день говорим, не вспоминай потом. Хочешь спросить что-нибудь, Ами?

Произнеся эту тираду единым духом, не-мёртвый уставился на меня: явно ждал возражений, криков, упрёков. Я молчала: что тут скажешь? Это – навсегда и ещё спасибо сказать стоит, что не дал убить, защитил, наплёл что-то и оставил живой. Кем я теперь буду? Его служанкой?

Запасом еды на особенно голодные ночи? Памятью о наставнике или... напарницей? Ох, Ами, Ами... До чего готические-то романы доводят! А ведь госпожа Кик тебя предупреждала...

– Если позволите... – осторожно начала я. – Моя хозяйка, она, наверное, переживает из-за меня. Могу я передать весточку или увидиться с ней?..

Вампир улыбнулся – сочувственно, понимающе. Покачал головой.

– Нет, не можешь, дорогая моя Ами. И, кстати, говори мне «ты», договорились?

– Да, но почему нельзя? Она ведь... – Я беспомощно оглянулась на сундук.

– Потому, милая девочка, что неделю назад почтенной госпоже Кик выпало тяжёлое испытание. Ей пришлось опознать твоё тело, весьма, надо сказать, изуродованное неизвестными преступниками.

– Что?! – забывшись, я вскочила на ноги, уронив одеяло. Смутилась, уселась обратно на край постели, закуталась. – Я не понимаю, опознала... тело? Как такое может быть?

– Просто. Небольшое усилие, – он облизнулся, – и можно подделать что угодно. А уж после того, что с тобой сделали негодяи, тебя по одежде только и по росту смогли опознать.

Мне сделалось дурно.

– Кто?.. – спросила я сдавленным голосом. – Кто это был? Кого вы?..

– Не волнуйся, Ами. Она была уже мертва, мы просто дали трупу другое имя и переодели. Что тебе с того? Кто-то не будет знать, что бедная девушка уже не вернётся – и только. Считай, ты подарила людям надежду.

– Напрасную надежду! – резко перебила я, но вампир предпочёл не замечать моего возгласа. – А госпожа Кик? – спохватилась я. – Что она сказала? Она не... не...

Мне хотелось спросить, не слишком ли расстроилась моя бывшая хозяйка, но не поворачивался язык. И как горестное известие воспринял мой бедный ухажёр?

Улыбка вампира сделалась издевательской – но мне казалось, смеётся он не надо мной.

– Она очень по тебе убивалась, – злорадно сообщил не-мёртвый. – Уж такая милая девочка была – такая хорошенькая, исполнительная, послушная, работящая! Одно нехорошо: доверчива была чересчур – и на мужское внимание падкая. Уж как госпожа Кик тебя отговаривала идти вечером с тем покупателем, уж как просила! Но разбойник, видно, успел напелсти тебе с три короба – госпоже Кик сразу его рожа не понравилась! Вот ты и погибла, бедная девочка...

При виде моего ошарашенного лица вампир засмеялся.

– А чего ты хотела? Чтобы она себя виновной в твоей смерти признала? Не дождёшься, милая ты моя! О мёртвых, конечно, грех дурное говорить, – продолжал издеваться вампир, подражая неторопливой речи моей хозяйки, – но уж и глупа была девчонка, чего уж скрывать! А упряма-то как! И всё с парнями путалась – отвернись только, сразу толпа набегает. А от покупателей – от мужчин-то! – бывало и за полночь возвращалась. Вот и сгинула девка. Так оно с дурами и бывает. Вся в покойную маменьку – а уж про папеньку и говорить нечего – пропащий был человек, пьянствовал вовсю, буянил, да шею себе свернул ещё до рождения дочери, молодую жену вдовой оставил. Недолго та, правда, по нему убивалась...

– Прекрати! – закричала я, закрывая пылающие от стыда щёки руками. Никогда в жизни мне ещё не было так стыдно – стыдно, стыдно! – как сейчас, когда я слушала лживые сплетни, которые про меня – мёртвую! – распускали некогда близкие люди. Ну ладно, меня, пускай хаот, пускай, но мать-то за что?! Отца?! Что они им сделали – этим торговцам, лавочникам, мелким служащим, которые, не успев похоронить, кинулись перемывать мне кости, копаться в грязном белье. Да, сирота, бесприданница, долги душеприказчики едва выплатили после матушкиной смерти, но за что?! Разве можно – так?!

Внезапно я вздрогнула, поняла: о себе говорю, как о мёртвой, в прошлом... Подняла голову; вампир не сводил с меня глаз.

– Да, – кивнул он. – Амалии Вайль больше нет в живых, она мертва и похоронена.

Я уронила голову в ладони и разрыдалась. Страшно, жутко, чудовищно прозвучали эти слова, спокойно сказанные сухим деловитым тоном. Мертва и похоронена. Меня больше нет... От этой мысли как-то внезапно высохли слёзы.

– В книгах тебя запишут под номером, так у нас принято. А для дела дадут новое имя. Потом и его сменишь, не привыкай слишком сильно. Всё поняла? Спрашивай, сейчас есть возможность.

Я покачала головой: после известия о собственной смерти впала в какое-то оцепенение. Потом встрепенулась, указала на сундук.

– Если я... Если госпожа Кик... Если меня... – нужные слова не шли на язык, не вытаскивались сквозь непослушные губы, но вампир понял и так.

– Ты умерла, не оставив наследников, – буднично пояснил он. – Твоё имущество переходит к казне, чтобы быть проданным старьёвщику. Пока можешь пользоваться, но позже всё придётся отдать, взамен принесут новое. Да, кстати, о деньгах. Твоя хозяйка уверяла, что платила тебе десять филлеров⁵ в неделю. – Я протестующе вскинулась: и здесь соврала, ведьма старая! – Молчи, я знаю, что всего пять, но ведь ещё еда, кров и одежда. Молчи, я сказал! Знаю, одежда не ахти, и работала ты больше, чем следует в твоём возрасте – молчи! Здесь будешь получать тридцать филлеров в неделю.

Я ахнула. Тридцать филлеров в неделю – это же почти полторы кроны⁶ в месяц, я таких денег сроду в руках не держала! Вампир засмеялся.

– Но проживание за свой счёт пойдёт.

Я погрустнела. Жильё нынче дорого, да и еда недёшево обходится, и ещё наряды из своего кармана оплачивать... Госпожа Кик жадная-то жадная, а, как у меня платье, накидка или обувь изнашивается, запирала лавку на ключ и вела меня к старьёвщику. На руки деньги не давала: знаю, мол, купишь что подороже, а потом будешь врать, будто плоше не было! Теперь придётся самой себя обеспечивать, немного денег с полутора крон останется...

– Но! – пригрозил указательным пальцем вампир. – Пока здесь живёшь, из жалования за кров и еду не вычтут и одежда бесплатно – взамен твоей пойдёт. А как работать станешь – будут тебе ещё к жалованию командировочные, да ещё то, что по «легенде» заработаешь, у тебя никто отбирать не станет. Не помрёшь, моя дорогая, с голоду.

От этих расчётов я слегка растерялась и только и могла, что качать головой. Разговор о деньгах заставил снова почувствовать себя живой: мёртвые жалования не получают, в деньгах на одежду и кров не нуждаются. Но детали поставили в тупик: «легенда», «командировочные» – таких понятий не было в моей первой жизни.

– Да, пока не забыл. К коронеру юноша подходил, говорил, будто он твой жених. Не помнишь такого?

Я не ответила; злой тон вампира заставил меня напрячься. На что он опять сердится?

– Просил, нельзя ли ему что-нибудь из твоих вещей на память, – продолжал не-мёртвый. Я невольно насторожилась. На память ли – или хотел продать подороже? – Ему отказали: всё твоё имущество принадлежит государству. Но, если ты хочешь – напиши письмо, попроси, скажем ему: мол, нашли при разборе вещей. И подарок какой-нибудь оставишь. Ну, как?

Я задумалась, но после решительно оказалась. Что хорошего будет от этого письма?

– Это будет несложно организовать, – настаивал вампир. – Напиши, будто давно собиралась, старую дату поставишь, в любви признаешься... Поверь, такая память долго ещё будет дорога.

⁵ Филлер – мелкая медная монета в Дейстрии.

⁶ Крона – дейстрийская золотая монета, равная ста филлерам. Хождение имеют как металлические деньги, так и бумажные ассигнации, однако консервативная часть общества предпочитает не принимать «какие-то бумажки» и в качестве оплаты требует «настоящие деньги».

– Я никогда ему не писала, мы не были помолвлены, – пояснила я. – Он не может ничего ждать от меня – живой или мёртвой.

– Ну и что? Какая разница сейчас, когда вы больше не увидите? Напиши, от тебя не убудет.

Я подумала ещё, но снова отказалась.

– Нет, не стоит.

– Вот и хорошо, – неожиданно улыбнулся не-мёртвый, будто и не он меня уговаривал. – Новую жизнь лучше не начинать с писем с того света. А ты, Ами, сегодня рождаешься заново. И прошлую жизнь свою забудешь, и жениха своего забудь, и имя прежнее тоже. Поняла?

Он погладил меня по голове, сорвал ночной чепец и взъерошил убранные перед сном волосы; двигался вампир так быстро, что я не успела заслониться.

– До завтра, милая моя девочка.

Поцеловал в лоб, заставив покраснеть и спрягать лицо в ладонях. Когда я отважилась поднять взгляд, вампира в комнате не было.

Рассказ второй. Полный провал

*Этот дом ли, этот край?
Эй, приятель, отвечай!
Долог вечер, труден шаг,
Нешто я попал впросак?*

*Быть не может ни во что!
Нешто мёртвое зерно
Пало в землю у межи?
Уличи меня во лжи,*

*Вскрой предательский зарок,
Безразличья оберёг,
Загляни-ка в глубину,
Чёрную души нору...*

*Неужели всё зазря?
Карты пали, не щадя
Чёрной мастью алых губ.
Неудавшийся супруг,*

*Опереточный злодей,
Будь ты проклят меж людей!
Жажду мести схороня,
В дом другой отправлюсь я.*

*Где ты, враг мой? Кто ты, враг?
Нет души – плачу и так.
Нет судьбы и к чёрту долг!
Голос совести умолк...*

*Тени...
Тени...
Блеск...
Клинок...
Бейся, бейся между строк⁷!*

Мораль этой истории, я думаю, состоит в том, что нехорошо забывать близких в нужде и вспоминать только при дележе наследства. И нехорошо, узнав из завещания дядюшки о существовании бедной родственницы, лгать ей о размере унаследованной суммы. Быть жадными и лживыми плохо, потом вам это аукнется – такая мораль этой поучительной истории, которая случилась совсем ещё недавно в одном почтенном семействе богатых землевладельцев.

Почтенное семейство Таспов сообщало прибыльное дело, содержало богатые животноводческие фермы, тут же перерабатывали молоко, шерсть и мясо и торговали по всей стране. Чужих в дело не брали, все браки заключались исключительно с учётом интересов семьи. Невесты откуда взявшиеся родственники – не имеющие представления о делах, не воспитанные в идеалах семейной солидарности и преданности – нужны были им примерно так же, как вам-

⁷ «Жажда мести», стихи А. Садовникова.

пиру осиновый кол. Проще говоря, почтенные землевладельцы панически боялись, что новообретённая племянница решит забрать из дела свою долю, тем самым чудовищно подкосив хрупкое равновесие.

Таспы были довольно знатной семьёй, владевшей своим обширным поместьем ещё до Тринадцатилетней войны, намертво разругавшей нас с восточными соседями в позапрошлом веке. Эта война и последовавший за ним «худой мир» значительно уменьшили благосостояние семейства, привыкшего вывозить с востока корма и удобрения для своих ферм и выгодно сбывать туда шерсть. За двести лет в нашей стране так и не сумели удовлетворить взыскательные вкусы Таспов ни в области поставок, ни в области покупок некоторых товаров, и все двести лет в определённых кругах упорно ходили слухи о сотрудничестве почтенного семейства с контрабандистами, самая опасная организация которых раскинула свою сеть по всем восьми странам континента. Слухи имели под собой надёжное логическое обоснование: пошлины, устанавливаемые на перевозку товаров с востока к нам и обратно – а также на сам проезд людей и пересылку почты – могли разорить любого поставщика. Или хотя бы заставить чудовищно взвинтить цены. Однако семейство процветало, а доказательств преступного характера их деятельности всё не было.

Нельзя сказать, что эти слухи совершенно не мешали почтенным Таспам. Не считая униженности самого факта подобных сплетен, такие разговоры год за годом закрывали перед молодыми перспективными Таспами политическую карьеру. Давно пора было изменить королевские законы, защищающие устаревшие методы ведения хозяйства и мешающие прогрессивным предпринимателям получать прибыль, но все прогрессивные семейства предпочитали сначала её действительно получить, а только потом легализовать, что порождало глубокое недоверие политических кругов.

Итак, было богатое семейство, жёстко замкнутое на себе и своём прибыльном поместье, и был в ней старый дядюшка – как положено таким дядюшкам, большой чудак и весельчак. Ведь ничем иным, как желанием поиздеваться над любящими родственниками, не объяснить, что на старости лет он аннулировал предыдущее своё завещание, внезапно вспомнив о существовании молодой барышни Аманды Рофан, которая приходилась правнучкой его двоюродной сестры, в своё время весьма романтично заключившей неодолимый семьёй брак. Седьмая вода на киселе, а поди ж ты, отдавать ей дядюшкину долю – одну четверть лучшей сукновальной мельницы!

Что было делать? Девчонка жила круглой сиротой, отец погиб давным-давно, а недавно умерла и мать, не оставившая дочери никакого состояния. Девушка сама зарабатывала на жизнь тапёршей, а также давая дешёвые уроки музыки не слишком богатым дамам. Наведённые справки показали, что смерть матери, хотя и ввергла барышню Рофан в глубокое отчаяние, решила многие финансовые проблемы: несчастная женщина под конец жизни не могла ничем обеспечить своё проживание, и барышня отказывала себе в последнем, лишь бы устроить получше мать.

Словом, трогательная история, способная заставить прослезиться даже камень: у камня ведь никто не отбирает сукновальную мельницу! Таспы были добрыми людьми, по-своему даже благородными, но друг друга и деньги они любили больше, чем всё остальное человечество. Проще всего было преодолеть себя и попросту забыть о бедной родственнице, но выбранный дядюшкой нотариус настаивал на уведомлении наследницы и грозился разыскать её сам, если несчастная девушка не нужна семейству. Таспы дали немалую взятку, уговорив нотариуса не беспокоиться, и поспешили известить Аманду без посторонней помощи.

Чрезвычайно милое письмо содержало родственный привет, туманную ссылку на дядюшку и сожаления по поводу давней оторванности девушки от семьи. О деньгах упомянули мельком, чрезвычайно преуменьшив и дав понять, что на полученное наследство толком

и не проживёшь. И пригласили барышню Рофан вернуться в родственные объятия, переехать жить в поместье Таспов на севере страны.

Аманда не заставила просить себя дважды. Унизительность наёмного труда для молодой девицы её происхождения была барышней глубоко прочувствована на собственном – весьма горьком! – опыте, да и какой девушке не хочется оказаться под защитой и опекой близких людей? Аманда приехала всего через неделю после получения ею родственного послания, практически не задержавшись на сборы и окончание текущих дел. С собой Аманда привезла огромный сундук, в котором помещались все пожитки – её и нанятой после смерти матери девушки, которая служила не то камеристкой, не то компаньонкой. Кати – так звали девушку – была несколькими годами старше нанимательницы, одевалась строго, ещё строже держала себя и постепенно стала играть при Аманде роль не то старшей сестры, не то гувернантки. Ей цены не было, когда требовалось избавиться от вконец изношенного платья, выручив при этом хоть какие-то деньги, приобрести необходимый предмет обихода за наименьшую из возможных сумму и договориться в гостинице о комнате и обеде. Чудовищных размеров уродливый сундук был ею привезён с какой-то распродажи перед самой поездкой, а собственный маленький сундучок удачно сбыт, чтобы выгадать побольше денег на дорогу для двоих: любящие родственники не подумали прислать за Амандой экипаж, слугу или хотя бы крону-другую для оплаты дилижанса и ночлега в гостиницах.

Появление бедной родственницы в сопровождении компаньонки совершенно не порадовало Таспов. Советчица и помощница, с её здравым смыслом и острым умом могла весьма и весьма разрушить все выстроенные вокруг племянницы планы. Однако вслух Таспы ничего не сказали. Радушно приняв девушек, они зачитали Аманде завещание дядюшки – совершенно точно, с обилием юридических терминов. А после перевели – ясно дав понять, что девушке полагается доход с мельницы в размере около пятидесяти крон в год. Для знатной барышни сумма была совершенно нищенская, хотя, говоря строго, прежде Аманда едва зарабатывала тридцать крон в год. Но родственники и слышать не хотели о том, чтобы новообретённая племянница жила самостоятельно. Теперь у них есть возможность достойно обеспечить её жизнь и даже заключить весьма выгодный брак.

Эта идея глубоко шокировала Аманду, но ей поторопились расписать перспективы предстоящего союза. Чудеснейший человек, богатый и добрый, молодую жену окружит заботой и любовью, будет содержать и ни в чём не откажет. К тому же вложит в семейное дело солидную часть своего немалого капитала, что, при нынешних налогах, нельзя сбрасывать со счетов. К этой теме возвращались не раз и не два – и за ужином в день приезда, и на следующий день за утренним кофе, и за завтраком, и за полуденным чаем, и за обедом, и когда все собрались в малой гостиной для общей беседы, и снова за ужином. А после ужина Аманду пригласил в библиотеку глава семейства для серьёзного разговора. Таспам, естественно, не трудно содержать племянницу до конца её жизни. Но она взрослая девушка, и вряд ли захочет сидеть на шее у родственников после того, как уже несколько лет содержала себя. От этой беседы Аманда выбежала из библиотеки в слезах, проплакала всю ночь, а на утро сообщила уважаемому дядюшке, что глубоко понимает свой долг перед родственниками, перед семьёй и семейным делом, ценит проявленную заботу и готова соединить свою жизнь с выбранным роднёй женихом. Таспы вздохнули с облегчением. Теперь оставалось только устранить путающуюся под ногами служанку, которую с трудом сумели отвлечь от нанимательницы вчерашним вечером.

Особа, прислуживающая наивной Аманде, разительно отличалась от своей барышни – если бы кому-нибудь пришло бы в голову их сравнивать. В первую очередь девушку характеризовали практический ум, деловая смётка и чувство долга. А также умение видеть свою выгоду там, где менее проницательные не разглядели бы ничего. На предложение покинуть дом после получения достаточно солидной для удовлетворения её аппетитов суммы Кати спокойно

отвечала, что связана контрактом и честным словом оставаться с барышней до тех пор, пока та не перестанет нуждаться в её помощи. Старший Тасп хорошо понял намёк и принялся торговаться, однако чувство собственного достоинства служанка ценила не меньше, чем деньги. С трудом её удалось уломать на сорок крон отступного – немислимая сумма! – и пребывание в поместье Таспов лишь до дня бракосочетания барышни, а пока барышню с семьёй не ссорить и всячески на выбранном для неё родственниками пути поддерживать. Но бездельничать Кати не привыкла и, добившись письменного обещания выплатить ей сорок крон, попросила, чтобы в доме её держали за такую же прислугу, как и всех – иначе, мол, при обязанностях камеристки барышни ей будет нечего делать целыми днями, а Дьявол, как известно, ищет незанятые руки.

Такое рвение и позабавило, и насторожило Таспов, и целую неделю они наблюдали за каждым шагом служанки, добровольно взявшей на себя две работы. Однако ни они, ни более проницательная в таких вопросах прислуга, не заметили ничего подозрительного. Кати была неизменно спокойна, приветлива с равными, почтительна с высшими и совершенно незаметна в форменном платье горничной. Постепенно Таспы расслабились и начали выпускать девушку из вида, как не видели они и других горничных в своём поместье. Аманда – хоть и не сразу – перестала дичиться родных, смотреть на них с опасением задеть чужие чувства или вызвать неудовольствие старших. Она увлечённо музицировала, занимаясь каждый день по несколько часов, и немало образовывала свой ум в обширной дядюшкиной библиотеке. С другой молодёжью в доме девушка общалась крайне редко: хоть и дядюшки с тётушками принимали племянницу по-родственному, кухни не могли забыть недавнего положения Аманды, а кузены все разъехались кто по делам, кто по гостям, кто на учёбу. Детей в поместье на то время не было.

Через неделю жених прислал с оказией медальон со своим портретом (провезённый злостной контрабандой, дабы избежать пошлин), и кухни несколько оттаяли в разговорах с родственницей, чтобы иметь возможность рассмотреть портрет и вволю посплетничать об оригинале. Партия была завидная, на лицо жених был если и не хорош собой, то, во всяком случае, и не дурен, и вовсе не так стар, как опасалась Аманда в первые дни. Был он преуспевающим банкиром, и после свадьбы должен был положить на имя своей жены капитал в двадцать пять тысяч марок⁸, из них пятнадцать будут пущены в дело, а десять составят содержание Аманды и её детей. Кухни даже позавидовали, что никто не подумал сосватать такого кавалера им. Но что они? У них, при всём чванстве, не было четверти сукновальной мельницы, а у Аманды была – впрочем, барышни об этом обстоятельстве не знали.

Одна беда – жених был иностранец.

Причёсывая свою госпожу перед утренним кофе, Кати так прокомментировала это обстоятельство:

– Иностранец? С востока, что ли, из Остриха? Банкир? Да, барышня, хорошую вы себе партию составите. У них ведь не как у нас – хоть и отсталая страна, а банкиры навряд ли крупнейшей знати, ну, как у нас помещики. И то говорить, земля плохонькая, кто ж на такой чего вырастит? Нестарый да добрый, и богатый к тому же – какого вам ещё мужа надобно? Одно только важно – чтобы не скупой был. Хуже нет, когда мужчина скуп, хоть в петлю с таким полезай!

– Служила я как-то у острийцев, – продолжила она после недолгого молчания. – Ничего господ, щедрые, приветливые, свободные дни назначали и в воскресенье погулять. Беда только была – чуть вечером задержишься, сразу крик. Они же у себя на вампирах помешанные, а те аккурат с вечера появляются. Ну, а для острийцев-то хуже нет, чем когда вампир укусит. И злились, понятное дело. Ушла я от них, рекомендацию взяла и ушла, сил моих не было... Да вы её видели, рекомендацию эту, я же почти сразу к вам работать поступила.

⁸ Марка – международная единица веса серебра, одна марка по среднему курсу приблизительно равна четырём десяткам кроны, таким образом, Аманда получит десять тысяч крон, из них четыре на содержание, шесть пойдут в дело.

Не всё в этом рассказе было понятным Аманде (как и слугам, услышавшим его позднее), и Кати не преминула дать необходимые пояснения: и кто такие вампиры, и как они кусаются, и чем это опасно – всё со слов бывших хозяев. Эти истории так распалили воображение слушателей, что и Аманде, и горничным несколько ночей подряд снились кошмары – за что Кати получила тяжёлый выговор от экономки, предпочитавшей, чтобы девушки не «забивали себе головы всякой чепухой, которой в действительности не существует». Самих Таспов эта история не насторожила.

Должна сказать, что должность ни горничной, ни даже камеристки не была для меня предметом честолюбивых мечтаний. После работы в лавке это было падением в низшие классы общества. Но мой напарник грубо заявил: «Хочешь жить – умей вертеться», – и велел не привередничать. Поскольку в преподанное им понятие дисциплины входило жёсткое правило «приказы напарника не обсуждаются», пришлось смириться. Поначалу мне казалось, что чужое имя сидит на мне так же плохо, как и полагающаяся по новому моему положению одежда, но постепенно я привыкла и к тому, и к другому, сменив несколько хозяев (в том числе поработав и на семью острийцев) и вполне усвоив свои обязанности. Нынешняя моя нанимательница вызывала у меня смешанные чувства: восхищение и уважение пополам с жалостью и даже презрением. Молодая, нежная, изящная и утончённая барышня благородного происхождения, она умудрялась самую плохонькую одежду носить так, что не заметна была ни грубость ткани, ни вульгарность фасона. Моя барышня прочла, наверное, сотни тысяч книг – и не дешёвеньких бульварных романов, а книг серьёзных, поучительных, способных немало дать и уму, и сердцу. Она могла поддержать разговор на, как мне казалось, любую тему, от самой банальной до самой сложной. Ей ничего не стоило совершенно точно исполнить услышанную мелочком мелодию или вышить сложнейший узор на диванной подушке. По сравнению с ней я была грубой и неотёсанной девицей, с самыми примитивными интересами и познаниями. Чтение моё никогда не было особенно полезным для умственного и нравственного развития, а после случившегося со мной несчастья я и вовсе его забросила. Играть на фортепиано, петь, вышивать, поддерживать высокоинтеллектуальные беседы – всего этого я не умела. Зато каждый раз, когда в гостинице нам подавали счёт, моя хозяйка всплескивала своими изящными руками, и беспомощно обращала на меня полный грусти взгляд своих прекрасных глаз. Что касается меня, то я не испытывала затруднений с тем, чтобы разобраться с гостиничной прислугой, поторговаться с извозчиком и прочее в таком духе. Меня нельзя было запутать потоком правильных слов, к тому же напарник заставил меня научиться разбираться в юридическом языке, так что доверчивая благодарность моей барышни по отношению к любящим родственникам заставила меня проникнуться презрением к наивной, пусть и хорошо образованной, дурочке. Не будучи такой умной и тонкой, как она, я могла дословно повторить однажды услышанный или прочитанный текст, составить полное описание человека, экипажа или здания, если у меня будет возможность смотреть на них хотя бы четверть секунды, могла по стуку колёс определить направление движения – находясь внутри экипажа, – и степень нагруженности повозки, находясь снаружи. Я могла определить любую ткань только на ощупь, с закрытыми глазами отличала серебро от железа, снимала восковые слепки с любого замка (что сильно облегчает подбор ключей), без особенных трудностей подделывала почерка и в случае необходимости могла с грехом пополам спуститься из окна по самодельной верёвочной лестнице. Но, говоря откровенно, это не было моей заслугой; всему меня научил напарник и, вспоминая о той цене, которой мне досталось образование, я каждый раз непроизвольно касалась неоднократно прокушенной шеи. Вампир не лгал, он мог передать любой навык своей жертве, но ему стоило предупредить, что обещанное обучение будет настолько мучительным. Не раз и не два после этого

я просыпалась в холодном поту, заново пережив во сне болезненный укол, чудовищное ощущение, с которым кровь по капле покидала моё тело, наслаждение, которое при этом испытывал не-мёртвый, и ощущая, как заполняют разум знания, которые он переливал в этот момент в моё сознание. Не то, чтобы напарник вовсе не пытался учить меня по-человечески, обычными методами, которыми учатся другие наши коллеги, но, объяснив суть на словах, он очень быстро терял терпение и «закреплял» знание своим способом. По его словам, нам мучительно не хватало времени для того, чтобы ждать, пока я полностью освою преподанное.

В тот вечер, когда моя нанимательница принимала важнейшее решение в своей жизни, я выполняла её приказ «сжечь этот кошмарный сундук». Точнее, хотя барышня и велела мне его уничтожить – чтобы забыть о позорном времени нищеты, – я тайком переправила полезную вещь в соседний город. Когда нам – мне и напарнику – придётся выбираться отсюда, я под другим именем приобрету этот сундук заново, и вывезу вампира, как довезла его почти до самого поместья Таспов. Надо сказать, что скрытый провоз вампира действует на нервы почище общения с ним ночью. Всю дорогу не-мёртвый по совету начальства учился бороться с дневным оцепенением, и я то и дело вздрагивала, слушая, как вампир ворочается в тайном отделении сундука. К счастью, барышня ни разу ничего не заметила, не то у нашей «легенды», как вампир называл выдуманную историю жизни, были бы большие проблемы. Впрочем, важность таких упражнений признавала и я: мало ли куда нас может занести судьба и очередное задание, возможно, мне понадобится его защита, совет или помощь днём – что тогда делать? На пятый день путешествия напарник, кстати, достиг значительных результатов, сумев изнутри открыть и тут же закрыть при появлении гостиничной горничной тайное отделение сундука – а после проспал без движения почти двое суток. Пока немного, но мы не теряли надежды на то, что однажды он достигнет полноценной дневной подвижности.

После того, как Таспы перестали следить за каждым моим шагом, я обошла весь дом, под видом уборки обыскала тайные и вполне открытые уголки, также не забыла снять слепки практически со всех замков, чтобы к ним можно было подобрать ключи: шпилька, к моему огорчению, выручает далеко не всегда. Мне даже удалось тайком передать слепки слесарю и в самое короткое время получить ключи от всех замков, так что теперь я могла передвигаться по усадьбе Таспов как у себя дома. Когда все мои основные – и тайные – обязанности были переделаны, я немного расслабилась, и возвращения исчезнувшего по прибытию на место напарника ждала почти спокойно – насколько спокойно можно ожидать встречи с чудовищем из ночных кошмаров.

Вампира не было три недели, к концу которых я уже начала изрядно нервничать, уж не случилось ли с ним чего. Всё это время он должен был обустраиваться, осматриваться и тщательно изучать работу принадлежащих Таспам ферм, мельниц и прочего имущества. Но вот он появился – как и все предыдущие встречи, одетый нарочито-небрежно (что очень шло к его внешности и манере двигаться), дождался, пока я переоденусь ко сну, и только после этого дал о себе знать деликатным постукиванием по стеклу. Сколько времени напарник незамеченным просидел снаружи на подоконнике – об этом я старалась не думать. Пришлось вставать, идти к окну, откидывать щеколду и делать приглашающий жест – без этого нелепого ритуала вампир наотрез оказывался входить в помещение, даже если днём его туда вносили в сундуке, а вечером он выпрыгивал в окно. Разумно объяснить свои требования он был не в состоянии, на каждый вопрос недовольно бурчал «так надо» и переводил разговор на другую тему.

– Не помешал? – спросил вампир, дождавшись, когда я усядусь обратно на кровать и запоздало закутаюсь в одеяло.

Мне оставалось только покачать головой, скрывая за ставшим привычным смущением вздох облегчения. Всё-таки пришёл, всё-таки с ним ничего не случилось. Всё-таки не бросил!

Бросит он, как же... Привязался – всю жизнь не отвяжешься. Вслух я сказала только:

– Нет, конечно, я тебя ждала, и давно. Разве ты можешь мне помешать?

– Ну, мало ли, – ухмыльнулся не-мёртвый. – Достала?

Я кивнула и молча показала, где спрятала ключи. Привлекать к себе внимание разговором в неурочный час, так же как и рыться в вещах, отбросив скрывающее меня от жадных взглядов напарника одеяло, не было ни малейшего желания. Напарник проказливо улыбнулся.

– А в целом как ты можешь суммировать свои впечатления, Кати?

Я вздрогнула, услышав из его уст это чужое и чуждое мне имя. Потом открыла рот, намериваясь отвечать, и тут же закрыла. Опасливо покосилась на дверь, потом умоляюще – на напарника. Подробный рассказ займёт всю ночь, а короткий...

– Я тебя слушаю, – неумолимо напомнил вампир.

Я вздохнула, нимало не-мёртвого этим не разжалобив, и приступила к рассказу. Обобщать и суммировать у меня пока ещё выходит плохо, возможно, вся беда в том, что этому не научишь ни личным примером, ни вампирическим внушением. Финансовое положение Таспов, отношения в семье и, отдельно – отношение каждого из родственников к Аманде Рофан. Дата приезда жениха Аманды, сколько с ним приедет слуг, и где их всех собираются разместить. Расположение комнат, количество тайников и сейфов, в том числе кодовых, к которым мне не удалось подобрать ключ, распорядок дня, привычки хозяина, привычки слуг, кто когда уходит спать и в котором часу поднимается, а также кто в семье, по словам прислуги и по моим наблюдениям, отвечает за какую часть семейного дела. На середине рассказа я изрядно сорвала голос, перенапрягшись от длительного шёпота, а в глазах вампира заинтересованный блеск сменился голодным.

– Ты безнадёжна, Кати, – попытожил он добытую мной информацию, когда я полностью выдохлась. – Безнадёжна. Я начинаю жалеть, что за тебя поручился. Куда это годится? Никакой самостоятельности! Никого анализа! Как я, по-твоему, должен разбираться во всей этой белиберде?

Я умоляюще прижала палец к губам, но вампир и не думал понижать голос. Он подробно высказывал своё нелестное мнение о проделанной мной работе, начисто игнорируя все достижения и смакуя малейшую ошибку. Я зябко куталась в одеяло: осенней ночью более чем прохладно, из окна сквозило холодом, а комнаты для прислуги отапливались слишком уж скупо. Молча ждала, пока вампиру не надоест витийствовать. Слишком хорошо знала, к каким выводам намерен прийти мой напарник, и как мало я могу воспрепятствовать тому, что сейчас произойдёт. Не-мёртвый даже из вежливости не пытался скрывать голодный взгляд, который упирался в закрытое одеялом горло. Все похвалы и советы будут произнесены потом, равно как и чуть виноватое обещание не «злоупотреблять» моей кровью и больше не смотреть на меня как на сытное блюдо. Я сжала кулаки. Это надо пережить, это не так уж и страшно. Даже в чём-то полезно, пожалуй. Полезно, конечно же. Да, вот только для кого?

Как же я его ненавижу...

– Кати! – возмущённо перебил сам себя вампир. – Ты меня слушаешь?!

– Нет, – честно призналась я, зная, насколько бесполезно обманывать не-мёртвого. – Зачем? Ты и так всё решил, что я могу изменить?

– Дурочка, – засмеялся напарник, внезапно оказываясь рядом со мной. – Не смотри на меня так, ничего я тебе сегодня не сделаю. Я ведь обещал!

– В прошлый раз тоже обещал, – самым невежливым шёпотом проворчала я.

– На этот раз серьёзно. Не то время, глупышка.

Я хотела потребовать объяснений, но тут скрип старой двери заставил меня застыть на месте.

Вампир толкнул меня, опрокидывая на кровать, и дёрнул одеяло – так быстро, что к тому моменту, когда дверь полностью отворилась, я лежала, укутанная, как будто никто ко мне и не являлся этой ночью.

– Не спишь, Кати, деточка? – с фальшивой ласковостью обратилась ко мне излишне бдительная, как оказалось, экономка Таспов.

Я сонно уставилась на неё и помотала головой.

– Ещё нет, госпожа Прош. А вы?

– Не спится. Бессонница замучила, дай, думаю, прогуляюсь... – Серые глаза экономки привычно обшарили комнату, в которой никого, кроме нас двоих, не было. – Услышала голоса, решила заглянуть... *проверить*.

Последнее слово было произнесено с недвусмысленным нажимом; госпожа Прош и не думала скрывать свои подозрения.

– Голоса?! – недоумённо и даже обиженно переспросила я. – Отсюда?! Но... Госпожа Прош, я вас не понимаю! Какие голоса, о чём вы! Я же одна была!

– Вот именно, – подтвердила экономка, сверля меня раздражённым взглядом. Мой рассеянный, недоумевающий и чуть-чуть испуганный вид заставил женщину несколько усомниться в своей правоте. – Не голоса, – пояснила она. – Голос. Мужской голос.

– Мужской голос?! – в ужасе воскликнула я. – Я ничего не слышала. Как?.. Откуда?..

– Мне показалось, он доносился отсюда, – пояснила экономка. – Или из окна. – Её взгляд метнулся к приоткрытым ставням. – Ты, наверное, крепко заснула от свежего воздуха, и ничего не слышала...

– М-может быть, – растерянно согласилась я с высказанным предположением. – Но...

– Меня это беспокоит, – всё с той же плохо замаскированной в голосе интонацией угрозы произнесла госпожа Прош. – Нам лучше посмотреть, не прячется ли там кто и закрыть окно. Вдруг это домовый или, – тут она лукаво улыбнулась, – вампир.

«Или любовник» – хмуро закончила я про себя. Но послушно поднялась с кровати. Выкинуть меня из дому за постыдное поведение, не уплатив даже положенного жалованья – ну, как упустить такую возможность! Впрочем, обвинение в том, что я приваживаю воров, тоже устроило бы и экономку, и хозяев дома. Госпожа Прош неплотно прикрыла за собой дверь, прошествовала к окну и высунулась оттуда едва ли не по пояс.

– Никого, – с досадой сообщила экономка, устав вглядываться в ночную темень. Закрывает окно и оглядела тесную комнатку, где, кроме кровати, был только шаткий стул и небольшая ниша для одежды с крючками и висящими на них плечиками – по большей части, пустыми. Под кровать, впрочем, я спрятала новенький, купленный по настоянию своей нанимательницы сундучок, а нишу наполовину завесила долженствующей изображать занавеску тряпкой. Вот на неё-то и уставилась дотошная госпожа Прош, не замечая, как вампир, давясь от смеха, выступил из тени за дверь и встал за её спиной. Экономка зачем-то на цыпочках прокралась к нише и картинным жестом отдернула тряпку. Никого. Резко обернулась, услышав за своей спиной сдавленное хрюканье – но увидела только ёжика, которого в поместье Таспов держали для борьбы с тараканами и муравьями, и который пробрался в оставленную экономкой щель между дверью и косяком. Какую ёжик приносил действительную пользу, не знаю, откровенно говоря, я вообще не заметила за ним стремления трудиться на благо общества. Забавный звёрёк по вечерам начинал обход с кухни, где его ждала мисочка молока, которую далеко обходили кошки, потом наведывался в комнаты прислуги, собирая с каждой горничной свою обычную дань – кусочки сахара, ветчины и сыра. Тараканов и муравьёв я в поместье, впрочем, не встречала, зато не раз посыпала углы, щели и – особенно тщательно – кровати ромашковым порошком и патентованным средством от насекомых. Так что было бы сложновато разобраться, лень ли ёжика приводила к необходимости использовать порошки или порошки лишали зверька законной добычи, вынуждая попрошайничать.

На этот раз всеобщего любимца встретили неласково. Я не решилась угощать ёжика под строгим взглядом экономки, а та попросту замахнулась на беднягу ногой, обутой в тяжёлый деревянный башмак. Бедолаги и след простыл.

Госпожа Прош тщательно закрыла за ёжиком дверь, обратила на меня испепеляющий взгляд и опустила на карачки перед кроватью. Тяжело пыхтя, вытащила сундук, проверила пустоту за ним и уж было собралась заглянуть внутрь, как ей на плечо легла мужская рука, а над головой раздался вежливый голос:

– Прошу прощения, сударыня, возможно, я смогу вам помочь?

От испуга и удивления женщина вздрогнула и чуть было не уткнулась лбом в сундук, но вампир удержал её от падения и помог подняться. Дождавшись, когда госпожа Прош справится с накотившим на неё страхом и возмущением, не-мёртвый самым галантным образом улыбнулся, демонстрируя свои жутковатые клыки. Экономка остолбенела.

– Вот что, старая ты курица, – с теми же вежливыми интонациями произнёс мой напарник. – Сейчас же иди к себе, ложись спать, и пусть тебе приснятся сладкие сны. Яркие и захватывающие... – Не-мёртвый чуть помедлил, а после принялся описывать «сладкие сны» с такими подробностями, что у меня, воспитанной на готических романах, кровь застыла в жилах. Между тем остановившийся взгляд несчастной экономки не выражал ровным счётом ничего. – Каждый раз, когда ты решишь заглянуть к Кати или порыться в её вещах, ты будешь вспоминать эти сны – и всё, что почувствуешь, когда будешь их смотреть. Поняла? А теперь иди и помни – ты этой ночью с Кати не разговаривала, голосов в её спальне не слышала, меня не видела. Вон отсюда!

Госпожа Прош, не произнеся не единого слова, развернулась и вышла за дверь. Вампир дождался, пока в коридоре стихнут шаги злополучной женщины, и удовлетворённо хмыкнул.

– Не смотри на меня так, – попросил он, осёдывая заскрипевший под его весом стул.

– Зачем ты это сделал? – не удержалась я от укоризненного вопроса. – Хотелось покрасоваться? Поиздеваться над несчастной женщиной?

Напарник картинно заломил брови.

– Она чуть не нашла твои тайники, это раз, – равнодушно пояснил он. – Два – она тебя выслеживала, это стоило прекратить. Три – она оскорбила мою напарницу своими гнусными подозрениями. Тебе какое обоснование больше нравится?

– Не в этом дело, я правильно понимаю? – уже не скрывая нахлынувшей злости, спросила я. – Ты ведь мог расправиться с ней, и не светя свои клыки, и насыпать кошмары было вовсе не обязательно!

– Она обидела *тебя*, – вместо ответа задумчиво проговорил вампир. – *Она* обидела тебя, но ты заступаешься за *неё* и злишься на *меня*. Странно...

Мягкий голос вампира заставил меня поёжиться, но не унял моего возмущения. Напарник обезоруживающе улыбнулся.

– Я мог это сделать – и сделал. Потому что мог и хотел. Вопросы будут?

Мне оставалось только покачать головой; вампир победно засмеялся, толкнул меня, заставляя откинуться на жёсткую подушку, и склонился над сундуком. Затрепыхался огонёк свисающей с потолка газовой горелки, чуть слышно скрипнула дверь – и вот я осталась в комнате одна. Тяжёлый сундук не-мёртвый задвинул под кровать быстрее, чем я могла это увидеть.

Я запоздало спохватилась, что не спросила напарника, что он имел в виду под словами «не то время» для питья моей крови. Но чего он не любил, так это давать самые простые объяснения, особенно если они связаны с его ненормальными привычками живого мертвеца.

Ладно, не важно, спрошу в другой раз... если будет к слову.

А сейчас – спать, завтра рано вставать и опять работать, работать... ох... Как же мне это всё надоело...

Во сне я опять увидела своего напарника. Он шёл по дому и облизывался, прислушиваясь к девичьему дыханию в комнатах барышень. Но ни в одну почему-то не зашёл, хотя мог. По моей вине. На самом деле не зашёл или мне приснилось то, чего я всем сердцем желала?..

Я пустила вампира в дом. Теперь он может делать всё, что угодно, пить кровь, убивать, насылать кошмары... это моя вина.

Мысли спутались даже во сне, и я провалилась в бездумную темень.

Жених приехал через неделю. Приехал шумно, с большой свитой из трёх камердинеров, пяти конюхов и десяти псарей. Собак и лошадей – верховых и запряжённых в экипажи – он тоже взял с собой и, если в лошадях я не разбираюсь (конюх Таспов говорил, что это редкая заграничная порода), то псы показались мне какими-то странными. Очень большие, больше похожие на медведей, чем на собак. Название породы мне ничего не сказало, хотя у Таспов кто-то знал, как называются эти чудовища.

Именно чудовища – потому что выглядели пёсики не самым привлекательным образом. Но главным ужасом в этой тёплой компании оказался жених. Гензерих Шерен был, конечно, хорош собой, даже лучше, чем на портрете. Одетый по последней моде (на медальоне у него был какой-то странноватый наряд), не слишком высокий широкоплечий мужчина с голубыми глазами и волевой челюстью, при его богатстве он был завидным женихом для любой барышни. Если бы не страх, смешанный с упрямой решимостью, который горел в его глазах.

Не знаю, почему мне так показалось, но впечатление возникало именно такое: господин Шерен чего-то панически боится. И твёрдо намерен эту опасность устранить любой ценой. Его слуги вели себя ничуть не более обнадеживающе. Подозрительно оглядывались по сторонам, держались настороженно и всё время чего-то ждали. Лошади, почуяв волнение людей, тоже нервничали, одни собаки в этой странной компании были абсолютно спокойны. И, глядя на них (я видела, как острейцы косились на свою живность), понемногу успокоились и люди. Насколько могли, конечно.

Прибыв к нам, господин Шерен подозрительно оглядел вышедших его встречать барышень, особенное внимание уделив закрытым косынками шеям. Да что же с ним такое? Не может же быть, что?..

Я поспешно отогнала дурные мысли. Сейчас ясный день, банкир приехал сразу после второго завтрака, ни один вампир в такое время визит наносить не будет. Или?.. Чтобы отогнать от себя подозрения? Кто знает, как ведут себя не-мёртвые в Острихе, где в них все верят и боятся?

Банкир, словно почувствовав мои сомнения, разразился целой речью. Начал он не с выражения уважения и приязни к хозяину дома и не с полагающегося почтения хозяйке. И даже восхищения барышнями он тоже не посчитал нужным выказывать, хотя и Аманда, и её кузины надели свои лучшие утренние наряды для встречи долгожданного гостя. Господин Шерен начал с главного, по его мнению, вопроса. А именно, что в нашей стране преступно замалчивается факт существования живых мертвецов, которые по ночам встают из могил, проникают в дома и пьют человеческую кровь, чтобы – и это самое мерзкое – умертвить всё человечество и превратить в себе подобных. Мы непростительно беспечны и, значит, не можем знать, сколько из нас уже не люди, сможем ли мы после смерти обрести покой или встанем богопротивными призраками. Здесь банкиру пришлось прерваться – одна из барышень упала в обморок, другой сделалось дурно. Благодаря моим рассказам предупреждённая относительно привычек острейцев Аманда выслушала своего жениха относительно спокойно, только очень сильно побледнела и, как ребёнок, ухватилась за мою руку – я стояла позади её кресла.

Дождавшись, когда барышень приведут в чувство, господин Шерен продолжал. Он не позволит нам и дальше пребывать во мраке невежества и вампиризма! Пока он будет тут жить, он приложит все усилия, чтобы защитить своих друзей – и особенно свою невесту – от порождений мрака. Сегодня же каждый член семьи и получит по серебряному распятыю, рябиновые распятыя защитят каждое окно и каждую дверь, во дворе по наш покой будут охра-

нять специально обученные собаки, а позднее вокруг дома будет вырыт ров, чтобы ни одно проклятое создание не могло и близко приблизиться к его друзьям!

Я услышала тихий-тихий шёпот госпожи Тасп «а кто за всё это заплатит?», но её муж покачал головой: невежливо заводить разговор о деньгах с самого порога. Он вообще был очень хорошо воспитан, господин Тасп, и только это дало ему силы, дождавшись паузы во вдохновенной речи гостя, вежливо поблагодарить за проявленную заботу, пообещать следовать всем советам и указаниям, а после перейти к обычной процедуре знакомства.

Кроме самого старшего Таспа, господин Шерен никого в доме не знал, да и Таспа-то только по письмам. Банкир был подведён к ручке госпожи Тасп, представлен сыновьям, братьям и племянникам супругов, а после торжественно отведён к креслам, на которых расположились барышни. Невесту ему представили последней и банкир, вспомнив, наконец, о приличиях, рассыпался в полагающихся случаю комплиментах. Взгляд его, однако, нервно шарил по девичьим шеям, как я сейчас понимала – в опасении увидеть следы укуса. Так вот о чём говорил напарник, отказавш... тьфу ты, не став пить мою кровь! Приезд помешанного на вампиров иностранца – вот что заставило не-мёртвого быть умеренным. Тогда не стоит и сомневаться, ни в одну комнату напарник не зашёл. После той ночи он не стал больше со мной встречаться, во сне передав приказ вести себя как прежде и обещание зайти, когда понадобится.

Выслушав от невесты всё, что она могла придумать по поводу долгого ожидания и радости встречи, банкир вопросительно взглянул на меня и несколько неловко попросил представить ему «и эту его будущую родственницу». Возникла неловкая пауза, после которой Аманда твёрдым голосом назвала меня своей подругой – а госпожа Тасп в этот же момент отрекомендовала меня как личную камеристку барышни. Неловкость сделалась такой сильной, что, казалось, в комнате стало трудно дышать. Я перехватила беспомощный взгляд Аманды, растерянные и раздражённые взгляды Таспов, почтительно поклонилась и вышла из комнаты. Вечером экономка будет меня искать, чтобы отчитать за неподобающую дерзость, однако с некоторых пор моя комната стала надёжным прибежищем от её нотаций. Только вот госпожа Прош может поймать меня и раньше... может, отсидеться в комнате барышни, благо, там давно пора сделать уборку, а потом попросить Аманду, чтобы мне принесли поесть?

Напарник внимательно выслушал подробный отчёт о том, что случилось за день: к счастью, на этот раз требовался точный пересказ, а не вдумчивый анализ. Пока Шерен не успел развесить всюду свои рябиновые распятия, ограничившись своими покоями и комнатой невесты. Серебряные, впрочем, пришлось надеть всем обитателям дома без исключения, несмотря на ворчание прислуги насчёт идолопоклонничества, ереси и желаний взять расчёта, если господин Устрица (как дразнят наших восточных соседей) не уберётся из поместья со своими бреднями. Собаки тоже бегали вокруг дома, значительно повысив дисциплинированность мужской части домашней прислуги. Не знаю, как там у них с вампирами, а вот встреченных среди ночи людей эти чудовища сбивали с ног, бесшумно набрасываясь из темноты. «Уж лучше бы лаяли!» – ворчал дворецкий, но псари объяснили, что лают их собаки только на нежить.

Моего напарника собаки, впрочем, проигнорировали, провалившись, по его словам «в глубокий здоровый сон». Ну да, мне приходилось читать, что вампиры способны усыпить любое животное... но, каюсь, я надеялась, что это безумная фантазия авторов готических романов.

- Что ты молчишь? – не выдержала я молчания не-мёртвого. – Скажи что-нибудь!
- Что? – почему-то с вызовом спросил он. – Что ты хочешь от меня услышать, Кати?
- Не знаю, – оторопела я. С чего он так разозлился?
- Сними эту гадость, – буркнул вампир.
- Какую? – не поняла я.

– Эту дрянь, которую ты на себя навесила! – зло ответил не-мёртвый. – Сними немедленно и спрячь куда подальше! Ну же! Это приказ!

Я пожалала плечами и, догадавшись, о чём просит мой напарник, сняла распятое (вощёная нитка, на котором оно висело, с непривычки натирала шею) и, наклонившись, убрала в сундук.

– Так-то лучше, – проворчал вампир. – Подойди сюда. Подальше от... этого.

Пожав плечами, я подошла к напарнику и, повинувшись его взгляду, уселась рядом с ним на подоконник. Перечить не хотелось. То есть я вообще редко с ним спорила, но обычно приходилось подавлять желание возразить, а на этот раз... Напарник столь явно нервничал, что не выполнить его, пусть и грубо высказанной просьбы, было бы не нарушением дисциплины, а просто жестокостью. Напарник то ли уловил мои мысли, то ли догадался по выражению лица, но только злобно на меня посмотрел и оскалился.

– Не думай, что это такая уж защита. В Острихе вампиры прекрасно с крестами справляются, мне наставник рассказывал. Захочу – весь дом поснимает и выкинет. Мне только приказать стоит.

Я молча кивнула. Напарник разозлился ещё больше.

– Твари злобные, – выругался он. – Выдумывают, выдумывают... Ты знаешь, Ами, у острийцев в каждой сделке обязательно из рук в руки передаётся серебро. Даже если сделка шла через банк, хоть грош надо передать руками. Представляешь, до чего дошли, сволочи? Как будто нам это помешает...

Я покачала головой – напарник не так часто вспоминал моё старое имя (которое его стараниями я вообще не могла произнести, да и откликнуться только если он произнесёт), а уж ругаться при мне и вовсе не ругался.

– В Острихе лучшие в мире фальшивомонетки, – пояснил не-мёртвый, как будто я его о чём-то спрашивала. – И они все связаны с такими, как я. Правда, за подделку серебра там отрубают руки.

Я содрогнулась.

– А если снова поймут – то и вовсе сжигают, – безжалостно добавил напарник. – Как и всех пособников не-мёртвых.

– Ты шутишь? – с бессмысленной надеждой спросила я.

– Разумеется, – мрачно поддакнул вампир. – Как и господин Шерен пошутил... мерзавец.

Я поморщилась, но напарник не обратил на это внимания.

Он сидел рядом со мной на подоконнике, чуть покачивался и хмурился. Побарабанил пальцами по крашенным доскам, потом застыл в неподвижности.

– Тебе всё это сильно помешает? – осмелилась спросить я после долго молчания.

– Помешает? – хмыкнул вампир. – Да как тебе сказать? Распяты снимут, собак я усыплю, пить кровь всё равно не собирался, а если и захочу – всё скроет одежда. Противно просто. Очень противно.

Я сочувственно кивнула. Впервые я видела своего напарника таким... человечным. Вот именно сейчас, когда он нервничал и злился, пусть он боялся чего-то, нормальному человеку совсем непонятного.

Мне бы промолчать. Мне бы не соваться. Но, покивав немного, я не сумела сдержать любопытства.

– А... ров? Ров тебе не мешает?

– Ров? – несколько удивлённо переспросил вампир. – Ров мешает...

– Значит, это всё правда?! – с замиранием сердца спросила я. Вампиры боятся дневного света, вампиры боятся серебра, рябины, чеснока и святых символов. Вампиры не отражаются в зеркале и не могут перейти текучую воду... Я с новой силой ощутила, что мой напарник – не человек, что я делю подоконник с ожившим трупом...

– Что – правда? – недоумённо спросил вампир. – Я плавать не умею, придётся с туманом перелетать, а от этого мороки много.

Я застыла с открытым ртом. Это было... как сбывшийся сон, только вот сон очень страшный. Это правда?! Вампиры умеют насылать туман, вампиры могут становиться туманом?! А, может быть, ещё и лунным светом, пролезать в любые щели, как тараканы?

Сравнение несколько отрезвило моё распалённое воображение, и я постаралась взять себя в руки. А напарник неохотно продолжал:

– Чего рва бояться, там вода стоячая, не река всё-таки и даже не ручей. Идиоты... ни ров, ни канал текучую воду не заменят, они не настоящие.

– А... если будет настоящая? Текучая? Как же ты путешествуешь? – оторопело спросила я.

– День, гроб с землёй, лодка, – коротко отрезал вампир. – Ещё увидишь когда-нибудь. Ладно, не о том речь. Ты готова работать или будешь и дальше перемывать мне кости?

Что мне ещё оставалось, как не унять свою любознательность и не выразить полную готовность перейти к обсуждению насущных вопросов?

– Всё это чепуха и не имеет значения, – говорил напарник, немного успокоившись и перестав бояться невесть чего. – Мы должны успеть выявить связь Таспов с контрабандистами и убраться отсюда как можно раньше. Пока у нас много найдено, но мне не хватает самого главного...

– Чего не хватает? – ляпнула я, не выдержав паузы.

Вампир медленно повернул голову и смерил меня раздражённым взглядом.

– Те люди убили моего наставника. Ночью.

– И что же? – снова ляпнула я.

Раздражение в взгляде не-мёртвого сменилось презрением.

– Ночью. Вампира. Ты как это себе представляешь?!

Я пожала плечами. Мало ли способов.

– Вот именно! Значит – способ есть! Значит, нас могут убивать! На нас могут охотиться! Не как канцелярия по защите крови в Острихе, которая выслеживает, где мы спим днём. Иначе, совсем иначе! Во время охоты, в любую минуту! Ами, ты представляешь, что это значит?!

Лично я представляла только одно – если вампира можно убить ночью, значит, мой напарник не такой неуязвимый, как ему кажется. И ему следует быть осторожней в своих ночных вылазках. Об этом я ему и сказала, но вампир только отмахнулся.

– Мы должны этому помешать, – заявил мой напарник. Будь он человеком – я бы спросила, как он себя чувствует, потрогала бы лоб – уж не горячка ли. Но какая горячка у живого мертвеца? – Не смотри на меня так, Кати! Хорошо, я глупость сказал. Только... – Он ненадолго замолчал, а потом заговорил другим тоном: не лихорадочным, а твёрдым и решительным. И очень злым. – Я хочу найти тех, кто это сделал.

– Сделал – что? – переспросила я. – Ты же знаешь, кто держал нас с тобой в том подвале.

– Они сбежали, – с досадой ответил вампир. – Едва дождавшись утра. И мы видели только двоих. Нет, Ами, я хочу найти тех, кто убивал. Всех. И тех, кто им это оружие продал. И тех, кто его изготавливает – и ещё тех, кто его выдумал. И мы найдём их, не сомневайся.

Я не стала уточнять, что станет с теми людьми после нашей встречи. Им очень повезёт, если не-мёртвый подарит лёгкую смерть – на лице вампира была написана неумолимая жажда мести. Я вздохнула. Я не любила, когда напарник вспоминал Карлийля, своего погибшего учителя. Он почему-то считал меня виноватой в том, что я жива, а тот умер. И никогда не позволял мне это забывать.

Щека вампира нервно дёрнулась.

– Я не зову тебя с собой, – высокомерно произнёс он. – Сейчас есть задание, которое мы оба – ты и я – должны выполнять. И ты будешь делать всё, что я велю, потому что ты в служебном положении подчинена мне. Ясно?

Я кивнула. Хорошо, не напомнил, что не только в служебном. Интересно, почему? Гордость, наверное... ему, вампиру, можно быть и гордым.

– Нигде в мире никто не верит в вампиров. Поэтому контрабандисты могли запастись своим оружием только в Острихе. Господин Шерен как раз оттуда. Если он свой портрет переслал незаконно, то не погнушается и оружие с собой привести, даже если для этого надо якшаться с... – вампир сдержал ругательство и относительно спокойно закончил: – со всяким сбродом. Так что почти наверняка он с собой его привёз. И ты его для меня найдёшь, Кати.

– Я?! – неожиданное распоряжение вампира меня откровенно удивило. Как он себе представляет поиск непонятно чего среди богатого имущества банкира, в котором наверняка много непонятных мне предметов, самых обычных в Острихе и, может даже, никак не связанных с не-мёртвыми.

– Ты. И как можно скорее, пока он не успел переправить оружие кому-то другому.

Я потрясла головой.

– погоди. Зачем ему переправлять своё оружие, если он сам боится быть укушенным?

– Мало ли что?! – злобно бросил мой напарник. – Может быть, подряд на большую поставку подписал, откуда я знаю?!

– Но себе-то точно оставит, хотя бы немного.

– А остальное? Разойдётся по всей стране, хотя бы среди острийцев, которые тут живут! И что тогда будет? А если в стране есть острийские шпионы? Люди канцелярии крови?! Ты себе представляешь все последствия бездействия?!

– Нет, ты погоди, – не сдавалась я. – Ты даже не знаешь точно, привёз ли Шерен с собой то оружие, хотя бы один экземпляр, не то, что торговую партию. И – как ты себе представляешь поиски?

Вампир словно невзначай положил руку мне на плечо.

– Ами, подумай сама, дурочка. Моего наставника убили ночью – так?

– Так, – согласилась я.

– Убить вампира обычным оружием невозможно, так?

– Верю на слово, – проворчала я. Лично я никогда не пыталась убить своего напарника для того, чтобы проверить тезис о неуязвимости не-мёртвых. Хотя, конечно, когда кто-то мгновенно двигается, причинить ему вред очень сложно, даже если вы и не попали под действие вампирического магнетизма.

– Невозможно, – наставительно сообщил не-мёртвый. – В крайнем случае мы увернёмся или вообще уйдём из опасного места и нападём потом со спины. Нас ведь услышать или заметить могут только острийские собаки... да то, если мы не усypим. Верить?

Я кивнула – спорить с напарником всегда было себе дороже, а тут он ещё и до ужаса изменился – был необыкновенно оживлён, в глазах горит фанатичный огонь... я попыталась отодвинуться, но вампир удержал меня на месте.

– Очень хорошо, – продолжал напарник. – Значит, в существование оружия ты веришь?

Я снова кивнула.

– Итак. Господин Шерен – трус. Ему сказали, что в Дейстрии никто не борется с вампирами, вот он и решил, что нами тут кишмя кишит. Он не мог решиться приехать сюда, не защитившись самым лучшим образом. Распятая, собаки, вода, серебро, чеснок и осина – это всё только оборонительные средства, он не дурак и это понимает. И понимает, что при открытом столкновении они не так уж и помогут.

– Но он же не собирается... – запротестовала я.

– Зато я – собираюсь! – щёлкнул зубами вампир. Потом немного опомнился и поправил: – Но ведь мог же этот трус подумать, что слишком наглые дейстрийские вампиры нападут на него, несмотря на распятыё?

– Мог, – признала я. – Но ведь не обязательно...

– Мог! – торжествующе вскричал вампир. После того случая с госпожой Прош я столько умоляла напарника не шуметь больше в моей комнате, что он сдался и что-то сделал с коридором, так что каждый, кто поворачивал в мою сторону, забывал обо всём и поспешно шёл обратно. Ночью, естественно, пока напарник был у меня. Но я всё равно боялась, что кто-нибудь всё равно услышит, и приложила палец к губам. Куда там! Вампир принялся кричать ещё громче. – Мог, Ами, мог! Мог и взял! Наверняка взял!

– Ну, пусть взял, – уступила я. – Но почему же тогда?..

– А если взял и не показывает – значит, скрывает. А зачем ему это скрывать?

– Чтобы вампиры не узнали? – предположила я.

– Может быть. А, может, готовится продать и боится конкуренции. Что скажешь?

Я пожала плечами. Напарник явно лишился рассудка, а с умалишёнными спорить опасно.

– Пусть так, но что я могу сделать?

– Как – что? – очнулся от своих грёз вампир. – Найти эту мерзость и украсть для бюро безопасности, естественно. Уж там-то сообразят, что с этим делать.

– Украсть?! – ужаснулась я. – Но я даже не знаю, как это твоё оружие выглядит!

– Не *моё* оружие, – обиделся вампир. – *Их* оружие! А как выглядит... я тебе помогу.

Я не успела ничего сделать. Вообще ничего. Просто вампир развернул меня к себе, его губы оказались близко, близко... коснулись моих...

Это было ужасно – поцелуй холодного как лёд, мертвеца, у которого изо рта явственно доносился запах застарелой крови. Осознав, что происходит, я вздрогнула и попыталась отстраниться, но вампир теснее сжал меня в объятьях, лишая возможности дышать, а потом я почувствовала солоноватый вкус, не удержавшись, сглотнула...

Я всё-таки сумела вырваться, а, может, вампир разжал руки. Упала на пол, с трудом поднялась на ноги, с силой вытерла рот рукой.

– Можешь передать начальству, – раздражённо произнесла я, чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота, – чтобы в следующий раз поставили меня в пару с гадкой.

– Это почему ещё? – удивился вампир, слизывая с губ капельку крови.

– Потому что я охотнее буду целоваться с ней, чем с трупами вроде тебя! – выпалила я. Какая мерзость... Ещё раз оцупала губы. Странно... если вампир меня укусил, то где след укуса? И почему так явно – за губу? Это ведь легко заметить со стороны. И ведь не болит ничего?..

– Учту твоё пожелание, моя дорогая, – ничуть не обиделся не-мёртвый. – Кстати... как ты себя чувствуешь?

– Как я себя чувствую? – растерянно переспросила я. Потом кое-что вспомнила... мне стало плохо и, не поспешив вампир меня поддержать, я бы непременно снова упала.

– Ты... это, что, тоже правда?!

– Правда? – поднял брови вампир. – Не понимаю, о чём ты.

– Нет... послушай... неужели?..

Напарник ждал с самым терпеливым выражением на лице. Я так и не нашла слов, чтобы произнести страшную догадку. Вампир сделал меня такой же, как он сам? Вот так вот, просто, не спросив моего согласия? Боже, смилуйся надо мной!

Не-мёртвый отвёл меня к кровати, усадил поудобнее.

– Не дрожи ты так, Ами. Я просто решил, что ты недостаточно хорошо меня понимаешь.

– Понимаю? Я? Тебя?

– Ну да, – кивнул напарник. – Не спрашивай ничего, ложись спать, а завтра постарайся обыскать все комнаты «устриц». Всё будет хорошо, вот увидишь.

С этими словами он поцеловал меня в лоб и исчез.

Я снова вытерла губы. Что произошло?

Я едва не забыла, что должна снова надеть нитку с распятым. Вспомнила буквально перед выходом из комнаты и заколебалась. Может, ну его, а? это ведь и правда ересь страшная. Как будто изображения могут что-то изменить в этом мире, как будто кусок серебра делает меня честнее или порядочнее... Нет, надену. Это простая служанка может морщиться, поддаваться своим убеждениям, идущим в разрез с приказами хозяев. Я – нет, это слишком опасно для «легенды». Надену.

Достав из сундука распяты, я содрогнулась при мысли, что мне сейчас придётся это надеть. Я и раньше умела отличать серебро среди других металлов, но сейчас распяты внушало мне отвращение. Да что со мной такое?

Я кинулась к окну, открыла ставни, посмотрела на рассветное небо. Нет, ни спать не хочется, ни в прах я не рассыпаюсь. Достала из сундука зеркальце – отражаюсь. Тень тоже присутствует. Всё как всегда! Но... серебро...

Я вспомнила, как вампир избегал прикоснуться не то, что к распяты, а даже ко мне, носящей его на шее. Нет, со мной ничего подобного не происходит.

Я повесила распяты на шею, спрятала, как учили острейцы, под одеждой. Неприятное ощущение постепенно отходило на второй план. Ко всему люди привыкают, даже к натирающей шею нитке.

Когда я подходила к лестнице, ведущей вниз, в кухню, я снова почувствовала себя как-то... неправильно, что ли? Лестница загоразивала собой проход в крыло, в котором жила прислуга, так что кухарка могла вовсе не посещать господскую часть, а накрывающие на стол слуги могли быстро сновать от подвала к столовой и обратно. Над входом в крыло для прислуги висело рябиновое распяты – оно-то и заставило меня замедлить шаг. Откровенно говоря, я бы с большим удовольствием убежала бы в другую сторону.

Вот оно что. Столкнувшись с яростным сопротивлением прислуги, наотрез отказавшейся пускать к себе «идолопоклонцев», острейцы «закрыли» для вампиров вход в основную часть дома. Умно. Но почему же мне так плохо, и почему я, ещё не увидев дверь, почувствовала, что там висит?

У лестницы собралась толпа горничных, возглавляемая, как ни странно, престарелой кухаркой. Я удивилась. Клара (кухарку, несмотря на возраст, продолжали звать просто по имени; младшие добавляли «госпожа») из подвала выходила только в праздничные дни, да и то в церковь. Остальное время она проводила на кухне и в своей комнате всё в том же подвале. У меня она ассоциировалась с подземным духом из сказок, который вечно прикован к источнику пламени. А теперь вот – вылезла. И какая-то она... взбудораженная?

– В кухню мою лезли, хамы! – увлечённо жестикулируя кочергой, рассказывала она. Горничные ахали от одной мысли о подобной дерзости. – Хотели свои обряды еретические проводить – ха! Не на такую напали! Я им сразу сказала, кто сунется, того я вертелом! И не шутила! Так они снаружи свою пакость деревянную прибить пытались! Ну, ничего! Я им такого жару задала – только пятки засверкали! И тут снимем или я прямо сейчас расчёт попрошу, пусть гости сухари жуют! Зовите Вита, пусть инструменты несёт и снимает!

Одна из молоденьких горничных развернулась и побежала по лестнице на второй этаж, туда, где жили мужчины. Ещё одна, постарше крикнула: «куда одна, дурочка!» и побежала за ней. Всё ясно. Я слишком рано ушла к себе и пропустила привнесённые «устрицами» нововведения, а они здорово обозлили слуг, привыкших самих распорядиться в своей части дома.

Таспы были хорошими господами и без надобности в наше крыло не входили, в жизнь не вмешивались. За порядком следили экономка и дворецкий, так уж заведено.

– О, Кати, ты уже встала? – неодобрительно покачала головой кухарка. Вчера я всё-таки поужинала в спальне у барышни, что, вообще-то, не одобрялось, однако замечание мне тоже делать не стали. Наверняка уже по всему дому известна выходка Аманды, в которой почему-то обвинили меня... в общем, по мнению прислуги, я здорово забылась – и когда осталась с встречающими гостя господами, и когда позволила барышне так нелепо себя представить, и когда спряталась от нотаций, и когда заставила нанимательницу попросить для меня еду в её комнату. Все сразу же почувствовали, что я здесь чужая... и именно поэтому не одобрять теперь собирались исключительно молча. Мне придётся потратить немало усилий, чтобы разбить возникшее между нами отчуждение. Если у меня хватит на это времени... и желания.

– Видишь, что творится? – обратилась ко мне за поддержкой госпожа Клара. – Дожили! Дождались! Бедная барышня Аманда! Всю жизнь провести с таким-то... безумцем! Нет, если они в неделю отсюда не уберутся – прошу расчёт! И если они ко мне на кухню будут соваться! И если они пьянствовать не перестанут! И орать под окнами! Вчера всю ночь орали, слышала? Я покачала головой. Орали? Всю ночь?

– У тебя же под окном и орали, – заметила Мари, живущая в ближайшей ко мне комнате. – Неужто не слышала? Ну и крепко же ты спишь...

– И собак пусть перестанут спускать! – продолжала возмущаться кухарка. – Бегали по двору, лаем спать не давали, аж кровь в жилах стыла! А псари рядом с ними пьяные дрыхли! Врали, мол, псы у них тихие! Как бы не так! Я старый человек, нельзя же так!

– Псы лаяли? – неуверенно переспросила я. Ночью ко мне приходил напарник, а острыйские собаки лают только на вампиров... но я ничего не слышала! Как и криков под окнами...

– Лаяли! Но я с ними расправилась, не сомневалась.

– Расправились? – испугалась я. Неужели она их отравила?

– А то! – подбоченилась кухарка. – Вынесла им во двор похлёбку, а туда сонного порошка подмешала... в четверть часа заснули как миленькие! А то моду взяли – под окнами лаять... Кати, деточка, что с тобой?

– Н-ничего, – вяло ответила я, но меня уже не слушали, меня подхватили под руки и повели куда-то вниз, усадили за стол... я пришла в себя, когда мне в руки сунули большую чашку крепкого чая.

Напарник лгал. Он не мог отпугнуть людей от моих дверей, он просто слышал шум за окном, на который я от волнения не обратила внимания, и знал, что его голос не будет замечен на фоне общего переполоха. Он даже собак не мог усыпить, дождался, пока это делает за него кухарка. Он очень мало чем мог защититься от человеческого любопытства или подозрительности... он ходил по канату над пропастью... и тащил меня за собой. Один неверный шаг...

Немного лучше я почувствовала себя, когда на кухню спустилась госпожа Прош и принялась совещаться с Кларой относительно беспробудного пьянства острийцев, которым выделили весь третий этаж крыла для прислуги. То ли в Острихе так принято, то ли они так тосковали по родине, то ли боялись нападения вампиров. По ночам они по приказу хозяина исправно несли вахту вокруг дома... сочетая её с попойкой. Чего беспокоиться? Распятья защитят, собаки не дадут и близко подойти нежити, да и спокойнее сочетать бдение с ромом... Сами понимаете, это совершенно не устраивало ни кухарку, ни горничных, ни экономку, ни, хотя и в меньшей степени – мужскую прислугу Таспов. Поэтому было решено принять решительные меры... я с удивлением слушала, как госпожа Прош разворачивает хитрый стратегический план по выманиванию «устриц» из своих раковин и тщательному обыску каждой комнаты и всего этажа в целом. Найти всё спиртное и выбросить, они не посмеют возмущаться, потому

что иначе будут с позором выгнаны из дома за пьянство. Пусть где-нибудь в другом месте своему банкиру прислуживают.

Интересно, она сама до этого додумалась или мой напарник навеял экономке такой интересный сон? Он как-то говорил, что на уже подвергшегося влиянию человека легче воздействовать, особенно когда тот спит. От этих мыслей я немного воспрянула духом. Не попались же до сих пор – Бог даст, и дальше продержимся. А пока – у меня будет возможность выполнить приказ напарника хотя бы в отношении слуг господина Шерена. Только... смогу ли я вообще войти в их защищённые от вампиров комнаты?

Обыск комнат превратился в бесконечный кошмар. Я поднялась вместе со всеми, мотивируя свои действия желанием помочь и – вульгарным любопытством, которое обуревало всех горничных. По лестнице я поднялась с трудом: приближение к забитым идолопоклонническими символами помещениям причиняло мне сильнейшую телесную боль. Теперь я понимала, почему злился ночью мой напарник, пока я не сняла распяты. А, может, ему было гораздо хуже, ведь солнце не причиняло мне вреда и не заставляло застывать в оцепенении, разве что глаза сильно слепило. Видать, не такая уж это ересь, все эти кресты, иконы и прочие попытки заменить веру в божественное поклонением перед созданными человеком предметами, если вампиры их так боятся. Но что случилось со мной, что сделал не-мёртвый?..

Дверь от лестницы на третий этаж была перегороджена рябиновым крестом. Я уже достаточно овладела собой, чтобы с видимым спокойствием переступить порог. «Устрицы» похмелялись на кухне; в случае чего, Вит даст нам знать об их приближении и постарается задержать. К тому же мы взяли с собой щётки, тряпки и совки: можем объяснить своё присутствие уборкой. Кто бы тут ни жил, в доме Таспов везде будет царить порядок!

Не могу понять, но «помощь» напарника и правда помогала мне выполнить свою задачу. Стоило мне зайти в комнату (а это было непросто, потому что распяты защищали не только двери, но и окна в каждой комнате, и я с трудом сдерживала панику), как я ясно видела, где лежат предметы еретического культа и для чего они в этом культе предназначены.

Священные книги с серебряным тиснением на обложках, благословлённые священником в острейской церкви, рябиновые распяты – запасные, в дорожных сундуках, рябиновые же рамки с божественными текстами на стенах, повешенная почему-то в углу икона (доска с набитыми на неё рябиновыми планками, на которых и выполнено само священное изображение), разрисованные картинками с благочестивыми сюжетами, шкатулки с каким-то пахучим наполнителем, от которого у меня разболелась голова. Ещё в сундуках – я знала это, даже не заглядывая внутрь – лежали осинового колья, колотушки и целые связки головок чеснока, а также ножи с необыкновенно острым лезвием. Для чего предназначены эти предметы, я тоже знала – частью из книг, частью благодаря непонятно откуда взявшимся озарениям. Словно у меня проснулось ранее не существовавшее чутьё, показывающее, откуда может прийти опасность, и какая. Что за бред? Я не сплю в гробу, кто будет убивать меня осинового колом, как вампира? Но страх всё же был – и он помогал предвидеть угрожающие напарнику опасности. Похоже, «устрицы» собирались не только защищаться, но и нападать. Однако... Чеснок и осина не помогут убить вампира среди ночи. Днём – может быть, когда не-мёртвый не может шелохнуться в своём гробу, но ни в коем случае не ночью.

Обыск и изъятие спиртного было ещё в самом разгаре, когда я закончила свой осмотр, и госпожа Прош сумела прогнать меня прочь. Я по-прежнему плохо себя чувствовала, поэтому то замирала (отыскивая средства против вампиров), то принималась беспомощно суетиться, роняя из рук всё, что только можно – когда мне нужен был предлог для перехода в другую комнату. В конце концов я согласилась с экономкой, что больше пользы принесу общему делу, если перейду в господскую часть дома и приступлю к основной работе.

«Хорошо, – думала я, спускаясь по лестнице, – что ни одна „устрица“ не видела, как мне было плохо на их этаже: уж они бы догадались, что со мной случилось».

Таспы, снова ставшие меня узнавать в лицо, при моём появлении морщились и отворачивались, пока одна из кузин Аманды не сообщила, что моя барышня за мной с утра посылала, а я Бог весть где пропадаю. Я поклонилась и ушла наверх к своей нанимательнице.

Аманда встретила меня слезами.

– Гляди! – закричала она, потрясая какой-то книгой в кожаном переплёте. – Это бесчеловечно, это невозможно, это... Кати, что с тобой?!

Я прислонилась к дверному косяку, не будучи в состоянии не то, что переступить порог, а даже сделать хотя бы один шаг. Вход в комнату преграждала груда из икон, священных текстов, вставленных в дорогие рамки и рябиновых распятий. Поверх груды лежало серебряное распятие на дорогой серебряной цепочке. Собранные вместе, эти предметы причиняли нечеловеческую боль, вызывали слабость и дурноту.

– Кати! – испуганно закричала моя нанимательница, а после подбежала ко мне и силой завела в комнату. Проходя мимо груды предметов еретического культа, я едва не забилась в судорогах. Аманда усадила меня в кресло и расстегнула воротничок. – Тебе плохо?! Я сейчас же пошлю за аптекарем!

– Нет, прошу вас, барышня! Мне... Мне уже лучше. Это пройдёт, прошу вас!

– Как скажешь, Кати... – несколько растерялась Аманда. – Но позволь, я дам тебе вина...

Она протянула руку к звонку для прислуги, я еле успела её перехватить.

– Прошу вас, барышня. Не стоит утруждаться. О чём вы хотели поговорить?

– Кати, дорогая, ты уверена, что тебе не нужна помощь? – недоверчиво спросила Аманда. Я энергично кивнула, постепенно приходя в себя.

– Отлично! – решительно заявила барышня и всё-таки позвонила в звонок для прислуги. Когда на звонок явился лакей вместо привычной в покоях барышень горничной, моя нанимательница ничуть не удивилась, только обрадовалась и кивнула на груду вещей. – Унесите это отсюда и выкиньте куда-нибудь подальше! – приказала Аманда. Слуга наклонился, собрал вещи в охапку и уже собирался выходить, когда его остановил новый приказ. – Стойте! Возьмите вот это и выбросьте вместе с остальным мусором!

Барышня буквально сорвала с меня нитку с распятием – я вздохнула с облегчением и потёрла натёртую шею – и бросила лакею. Слуга понимающе кивнул и вышел за дверь, предоставив госпоже самой её запереть.

– Мы не будем потакать идолопоклонству! – объяснила Аманда свои действия. – Я не желаю иметь с *этим* ничего общего!

– С чем, барышня? – недоумённо спросила я.

Вместо ответа Аманда протянула мне книгу в кожаном переплёте. На ней тоже было серебряное тиснение, однако я уже достаточно справилась с собой, чтобы прикоснуться к драгоценному металлу, не выдавая внутреннего содрогания. Книга не содержала священных текстов, это было что-то вроде наставления для тех «устриц», которые разделяли национальную истерию насчёт вампиров. На внутренней стороне обложки стояла печать с острейской надписью: «одобрено канцелярией по защите крови», если я правильно перевела текст.

– Защита крови? – не удержалась я от комментария. – Что за нелепость!

– Это не нелепость, Кати, – серьёзно возразила барышня. – Это очень злые и жестокие люди... – Она осеклась и с удивлением уставилась на меня. – Кати, дорогая... Ты читаешь по-острейски?!

Я чуть не вздрогнула, в последний только момент овладев своими чувствами.

– Немного, барышня, совсем немного.

– Тогда читай, Кати, и читай внимательно!

Я заколебалась, собираясь было вернуть книгу и сослаться на ограниченность своего знания острейского, но Аманда настаивала, кажется, не слишком шокированная образованностью служанки.

В предисловии к трактату подробно описывалось, кто такие вампиры – мертвецы, которых Дьявол послал обратно в мир, чтобы сеять ужас и зло, – упоминалось, что они пьют человеческую кровь, предпочитая молодых, невинных девушек и юношей, с невероятным апломбом описывался кровавый ритуал, превращающий человека в вампира. По безапелляционному утверждению автора, не-мёртвые дают жертве напиться своей кровью. Мне стало не по себе, я вспомнила о ночном поцелуе – и о солоноватом вкусе на языке. Но напарник не раз утверждал, что я нужна ему человеком!

Господи всемогущий, сжался надо мной...

– Кати, ты всё понимаешь? – обеспокоенно окликнула меня госпожа. – Если нужно, я могу перевести что тебе непонятно.

Собравшись с духом, я указала на несколько трудных мест в тексте, получила необходимые пояснения и принялась читать дальше.

В основной части книги перечислялся вред, наносимый вампирами, и давались рекомендации по его устранению. Просмотрев содержание и пролистав главы, я поняла, что так разозлило хозяйку. «Устрицы» почему-то были уверены, что укусы вампира отравляют жертву, делая ту не вполне человеком. Так, например, укушенный всего один раз в жизни, а после умерший от болезней или отравления – но не от ран! – в течение пяти лет после укуса, после смерти сам делается вампиром. Если человека кусали больше одного раза, то пять лет растягивались до десяти, пятнадцати и даже двадцати лет. Поэтому жертве вампирического укуса рекомендовалось, не откладывая дело в долгий ящик, обратиться в канцелярию по защите крови, пройти соответствующее обследование и по его результатам сесть в карантин на необходимый для общественной безопасности срок – так, чтобы в случае внезапной смерти о готовом сделаться не-мёртвым теле было кому позаботиться.

Отдельная глава была посвящена недопустимости сокрытия сведений о совершённом укусе, вскользь говорилось о наказании за этот проступок – удвоение карантинного срока. И в самом конце, уже в приложении, рассказывалось, как распознать того, кто, вопреки природе, помогает вампирам сознательно и по доброй воле. Таких предлагалось сжигать на костре, чтобы уничтожить тело и очистить душу.

Когда я подняла глаза на барышню, прошло, наверное, несколько часов. Из вежливости взяв читать протянутую книгу, я оказалась полностью поглощена её содержанием, жадно глотая ровные строчки чужой речи. Всё это время Аманда не садилась в кресло, а ходила туда-сюда передо мной.

– Ну, Кати, что ты скажешь, моя дорогая?! Это чудовищно!

– Что чудовищно, барышня? – спросила я и сама поразила слабости своего голоса. Боже мой, неужели всё это правда?! Напарник пил мою кровь и теперь – теперь я тоже стану вампиром?! Какой ужас...

– Ты спрашиваешь, что чудовищно?! Кати, дорогая моя, неужели ты можешь спокойно думать о людях – о целой стране! – в которой ни в чём не повинного человека могут арестовать и даже казнить таким страшным образом?! Ни за что, ни про что, из-за нелепых предрассудков и суеверий?!

Я не удержалась и пожала плечами.

– Что же делать, барышня, это их страна и их законы.

Аманда аж задохнулась от негодования.

– По-твоему, это можно снести?!

Она выхватила у меня из рук книгу и с размаху швырнула о стену.

– Барышня!

Такой я нанимательницу ещё не видела. Прекрасные её глаза горели гневом и яростью, лицо покраснелось, а рот приобрёл жестокую складку, которая, однако, ничем её не портила. Я живо вскочила с кресла и поспешила обнять Аманду, надеясь хотя бы так смягчить её раздражение.

– Барышня, прошу вас, я не хотела сказать, что меня радуют такие порядки. Я всего лишь имела в виду – в каждой стране свои обычаи, и только они сами могут судить себя – не чужие!

– Судить?! – гневно переспросила Аманда, вырываясь из моих объятий. – Чужие?! Кати, дорогая, неужели ты не понимаешь?! Они ведь хотят, чтобы я уехала туда, жила в Острихе, в этом кошмаре, безумии!

Вспышка прекратилась так же внезапно, как и началась. Барышня упала в кресло, закрыла лицо руками и разрыдалась. Я было растерялась, но после налила стакан воды и присела рядом с нанимательницей, осторожно поглаживая её по плечу.

– Выпейте, барышня, вам сразу станет легче.

Аманда, не глядя, взяла протянутый стакан, глотнула.

– Мне так стыдно, Кати, – пробормотала она. – Я была такой плохой...

– Нет, барышня, что вы! Всё хорошо, выпейте воды, и всё пройдёт.

– Нет, нет, никогда!

– Пройдёт, барышня, обязательно пройдёт.

– Кати, – позвала Аманда робко, как ребёнок. – Уедем отсюда, хорошо? Вели сейчас собрать вещи и заложить экипаж.

– Куда уедем, барышня? – спросила я, внутренне сжимаясь. Это катастрофа, я так и не успела обыскать вещи Шерена и...

– Куда угодно! – горячо воскликнула Аманда. – Кати, пожалуйста, мы ведь жили без моих родственников раньше, проживём и сейчас! Ты не будешь больше служанкой, будешь говорить мне «ты», я научу тебя играть на пианино, мы будем счастливы – как раньше! Не нужны нам их деньги, не могу я продать себя ради чужого чванства!

Не знаю, что на меня нашло. Тронуло ли отчаяние барышни, возмутила ли её наивность, но только я воскликнула:

– Их деньги?! О чём вы?! Барышня, да с чего вы взяли, что у вас нет денег?!

– Кати, дорогая, не шути так! Да, дядюшка оставил мне деньги, но по его завещанию я должна беспрекословно...

– Вздор! – не сдержалась я. – С чего вы взяли?!

– Но дядюшка Тасп сам прочёл мне завещание...

– А вы что-нибудь поняли из него? Сами, без его объяснений?!

– Нет, но зачем ему...

– Барышня! – вскричала я. – Прошу вас, подумайте здраво!

– Но, Кати... – Растерянный взгляд Аманды беспорядочно метался по комнате, пока не остановился на мне. – Кати, дорогая, ты умная, прекрасная девушка, ты так много знаешь, ты можешь разобраться буквально во всём!

– Но, барышня... – растерялась я, несколько смущённая её порывом.

– Кати, я знаю, ты хочешь скрыть своё воспитание, пока служишь камеристкой, но для меня ты всегда была не служанкой, а компаньонкой, нет, подругой! Прошу тебя...

– Барышня, – поспешила я остановить изливания нанимательницы, – пожалуйста, не надо на меня так смотреть! Я камеристка и не стыжусь этого. Будь я вашей подругой – как бы могла я позволить себе брать с вас жалование? А так – я выполняю свою работу и рада, что могу оказаться вам полезной.

– Ты и будешь полезной, Кати! – воскликнула Аманда, бросаясь мне на шею. – Пожалуйста, прошу тебя!

– Я бы рада, барышня, но что я могу поделать?

– Кати, не скрывай от меня, я знаю! Ты получила хорошее воспитание, может быть, нужда заставила тебя пойти в камеристки, но я знаю, я точно знаю, что ты...

– Вы ошибаетесь, барышня, – холодно произнесла я, пока пылкое воображение не завело мою нанимательницу слишком далеко. Как я могла оказаться такой беспечной?! Как я могла столь неосторожно выдать себя?! Представляю, как на это отреагирует напарник...

– Кати, прости, милая, – смутилась барышня, разжимая объятая. – Я не хотела оказаться бестактной. Прости, дорогая, не обижайся! Ну, пожалуйста, скажи, что ты простила меня, что ты не сердись!

– Я не сержусь на вас, барышня, как вы могли это подумать? – вежливо возразила я.

– Пожалуйста, Кати! Я не хотела тебя расспрашивать, я только хотела узнать – ты... Ты ведь поняла завещание? Не спорь, я знаю, ты всё поняла, я по твоим глазам видела! Дядюшка обманул меня? Что там было?

Я вздохнула. Плохо, когда человек сочетает в себя наивность и пронизательность одновременно. Но такой мне Аманда нравится больше, к тому же задание подходит к концу, а оставлять барышню в лапах корыстной родни и помешавшегося от страха перед вампирами жениха – разве можно? После её сегодняшней выходки, когда она велела выбросить подарки жениха?

– Я плохо разбираюсь в таких делах, барышня. Но почему бы вам не обратиться к нотариусу?

– К нотариусу? – растерянно переспросила Аманда. – Но...

– Это вовсе не сложно, барышня. До К***⁹ меньше часа по короткой дороге. Сколько я знаю, господин Доринг – нотариус, который составлял завещание вашего покойного дяди, – живёт там и принимает каждый день, я слышала, как об этом господа говорили.

– Кати! – возмущённо перебила меня барышня. – Ты подслушивала?!

– Что вы, барышня! – едва сдерживаясь, возразила я. – Я услышала это совершенно случайно, господа не обращают внимания на своих слуг.

– А-а-а, – не слишком убеждённая моими словами протянула Аманда. – Но...

– Без «но», барышня! – в лучших традициях своего напарника рявкнула я. – Завтра же велите заложить экипаж для поездки в К***, скажем, что вы... Ну, скажем, новый шарфик хотите выбрать.

– Но... – промямлила моя нанимательница.

– Я поеду с вами, барышня, мы отпустим кучера и найдём с вами дом господина Доринга. Он знает все тонкости завещания вашего дядюшки и просто обязан помочь вам вступить в права наследства.

– Кати, ты уверена? – робко спросила Аманда.

– Полностью, барышня! – энергично кивнула я.

– Поедем тогда сегодня! – схватила меня за руки Аманда. – Сейчас же!

– Не торопитесь, барышня, – мягко ответила я, сжимая ладони нанимательницы. – Всему своё время. Сейчас спуститесь ко второму завтраку и скажите, что хотели бы развеяться. Не отказывайтесь от попутчиков, главное – возьмите со мной меня, и мы сумеем от них избавиться. Ну? Сделаете?

Аманда разжала руки, бросилась ко мне на шею и разрыдалась. Я отстранила плачущую девушку и испытующе заглянула ей в глаза. Удовлетворённо кивнула. Она всё сделает так, как я её научила.

– Ами, Ами, что ты наделала! – шёпотом стенал вампир той же ночью. Поддерживать разговор о своей беспечности он отказался наотрез. Напарник вообще меня не стал слушать, начав ругаться уже с порога – точнее, с подоконника, – откуда-то в точности зная всё, что

⁹ К*** – ближайший городок, населённый двумя с половиной тысячами жителей.

произошло за день. Теперь он хватался за голову и сетовал о моей неосторожности. – Как ты могла? Зачем ты это сделала? Ами, родная моя, милая девочка, ты сорвала всю операцию, погубила труд многих месяцев подготовки! Когда я за тебя ручался, я надеялся, ты будешь умнее! Что тебе эта барышня, зачем ты вмешиваешься в её жизнь?! Ами, ответь мне, как ты могла?!

Я с трудом держалась, чтобы не разрыдаться. Упрёки вампира меня пугали и нервировали, и я в страхе ждала, когда он перейдёт к неизбежному наказанию.

– Ошибаешься, Кати, – покачал головой напарник. – Я не буду сейчас пить твою кровь. Ложись спать, завтра езжай к Дорингу, как решила.

Я остолбенела.

– Да, да, Ами, ты не ослышалась! Делай, что я тебе сказал. Ну же!

Зачарованная его властным голосом, я немедленно повиновалась; вампир оставался в комнате, пока я не легла в постель, и подоткнул одеяло.

– Спи. Я всё улажу.

Не буду рассказывать о том шуме, который поднялся вчера, когда Аманда заявила о своём желании развезься в К*** и купить новый шарфик, и о том шуме, который сопровождал наши сборы сегодня. Вчера нам навязали в попутчицы четырёх кузин, но с утра выяснилось, что к поездке готов только маленький двухместный экипаж, о котором вся семья отзывалась с каким-то даже содроганием. Одним словом, никто не выразил желания занять моё место в экипаже и составить компанию бедной родственнице.

Когда мы после завтрака сели в экипаж, стало ясно, почему кузины не захотели ехать с Амандой. Нас немилосердно трясло, подбрасывало на малейшей неровности дороги, а кучер, вчера добравшийся до конфискованной у «устриц» выпивки, гнал лошадей, не задумываясь о том, каково приходится пассажирам.

Въехав в К***, мы прогрохотали по булыжной мостовой, съехали на деревянную и остановились у заведения самого низкого пошиба, который только можно представить.

– Приехали, барышни! – объявил кучер, распахнув дверцу экипажа.

– Куда ты нас привёз?! – возмущённо спросила я, с трудом заставив себя подняться с жёстких подушек сидения. Всю дорогу мы с Амандой визжали, крепко вцепившись друг в друга от ужаса.

– Дык, барышни! – сплюнул кучер. – Вы сказали в К*** и что прогуляться хотите. Вот я и... того. Доставил. Гуляйте, а как купите всего, так за мной сюда пошлёте. «Весёлый пропойца» – этот кабачок вам кто угодно покажет, не заблудитесь.

Аманда была бледна от страха и гнева, но ещё слишком слаба, чтобы в полной мере выразить своё негодование. Я выбралась из экипажа и помогла выбраться барышне, после чего взяла её под руку и поспешила увести из этого сомнительного места. Молоденькой барышне её положения неприлично – да что это я, невозможно! – стоять у ворот дешёвого кабака. Присутствие компаньонки несколько смягчало остроту ситуации, но моя молодость давала весьма слабую защиту репутации Аманды – да и неважную защиту от возможных приставаний околачивающихся поблизости пьяниц.

Выйдя на более или менее респектабельную улицу, я обратилась за помощью к прохожим, и уже третий человек указал нам дорогу к дому господина Доринга.

Если поспешность, с которой мы покидали улицу перед кабаком, изрядно напугала мою нанимательницу, дорога к дому нотариуса отняла у Аманды остатки храбрости. Она то и дело ловила мой взгляд и по-детски цеплялась за мою руку, которую я не стала отнимать, чтобы не лишать барышню дружеской поддержки.

Два громких удара дверным молотком, минута ожидания – и вот чинная горничная ввела нас в уютную комнату, обставленную обитыми плюшем диванами, креслами и низенькими

столиками красного дерева. Горничная предложила нам присесть и выпить чаю – господин Доринг занят, но вскоре освободится.

Мы сели рядом на диван – я держала руки барышни в своих, – отказались от чая и приготовились ждать.

– Как ты думаешь, – тихо проговорила бледная до синевы барышня, – нам хватит денег заплатить этому господину за консультацию?

Об этом я не подумала. И не ждала от Аманды столь практического вопроса, пришлось напомнить себе, что бедная девушка как-то ведь дождалась встречи со мной, не может же она совсем ничего не соображать. Я только-только нашлась с ответом, как виски словно пронзила раскалённая спица, заставляя меня охнуть от неожиданности, а после в моей голове раздался ясно слышимый голос напарника:

«Скажи, что приличнее будет тебе сначала обратиться к нотариусу самой и пройди на второй этаж».

– Кати, дорогая, что с тобой?! – ахнула Аманда.

– Нет, нет, барышня, всё в порядке, – пролепетала я. – Голова закружилась, от духоты, думаю.

– Господи, Кати, да ты вся дрожишь!

– Разве? – искренне удивилась я и поспешила взять себя в руки. – Вам не следует волноваться, всё уже прошло.

– Но... – запротестовала было моя нанимательница, однако я решительным жестом попросила её помолчать.

– Так насчёт вашего вопроса, барышня. Я думаю, лучше всего будет, если я первая поднимусь к господину Дорингу и всё улажу.

– Но, Кати...

– Девушке вашего положения, барышня, неприлично входить в денежные расчёты. Предполагается, что есть близкие или друзья, которые возьмут на себя ведение ваших дел!

– Но, Кати! – снова попыталась возразить Аманда, но тут у меня в голове снова раздался голос напарника:

«Скорее!»

– Кати, тебе плохо?! – закричала, вскакивая, моя нанимательница. Кажется, я пошатнулась.

– Нет, барышня, прошу вас, не волнуйтесь. – Кажется, я начинаю понимать, почему вампира так нервировало моё поведение в подвале контрабандистов, когда его чувствительность ещё и обострилась из-за голода. Высокий голос моей нанимательницы болезненно бил по ушам, так же, как на улице резал глаза яркий солнечный свет. – Пожалуйста, успокойтесь, сядьте на диван и выпейте всё-таки чаю. Я скажу горничной, чтобы вам принесли.

Я как раз выходила на лестницу, когда голос напарника буквально загремел в моей голове:

«Ами! Сколько можно тебя ждать?! Живо наверх!»

Одно из двух: или я сошла с ума, и тогда мне предстоит неловкая сцена с непрошенным вторжением в кабинет занятого человека, либо напарник научился, во-первых, являться днём, во-вторых, передавать свой голос в мою бедную голову.

Если второе – хотелось бы знать, как ему это удалось? Хотя... что-то подобное происходило в подвале контрабандистов, где мы с ним познакомились. Я уже и забыла об этом – так давно вампир не использовал своего умения... С другой стороны, может, тогда-то я и сошла с ума, и всё происходящее – плод моей безумной фантазии? В самом деле, нет ничего более нелепого, чем путешествовать со спящим в сундуке вампиром через всю страну в поисках антиправительственного заговора. Так что, может, и первое.

Очень скоро мои сомнения в здравости собственного рассудка благополучно развеялись, когда на мой стук мужской голос предложил войти, и, повернув дверную ручку, я увидела в затемнённом кабинете незнакомого мужчину за столом и сидящего в кресле своего напарника. Что удивительно, встреченная мной по дороге в кабинет горничная не пошла меня представлять, на что я втайне надеялась, а, выслушав просьбу насчёт чая для барышни, кивнула и ушла куда-то вглубь дома. Мне показалось, слуги стараются не приближаться к этому кабинету... Нет, это уже совершенный вздор!

– Ам... – вскочил с кресла напарник, быстрым, незаметным для большинства людей движением покосился на сидящего за столом мужчину и поправился: – Кати, сколько можно!

– Это, я так понимаю, та барышня, о которой вы говорили? – поднялся на ноги мужчина. – Но почему одна? Где её подруга?

Неожиданно для самой себя я смутилась и опустила глаза.

– Очень приятно познакомиться с вами, сударь, – неловко пробормотала я.

– О! – хлопнул себя по лбу вампир. – Прошу прощения, я невежлив! Господин Доринг, позвольте вам представить – Катерина Гров, личная камеристка барышни Аманды Рофан и мой товарищ по службе. Кати, дорогая, рекомендую твоему вниманию господина Доринга, нотариуса и душеприказчика покойного господина Таспа, дядюшки твоей нанимательницы.

Господин Доринг – среднего роста немолодой грузный мужчина с кустистыми белыми бровями и гладко выбритым лицом – поморщился сделанному столь вызывающе представлению, но промолчал, только кивнул мне и предложил садиться. Напарник пододвинул мне кресло.

– Барышня Рофан придёт позже, – безапелляционно заявил он. – А пока обсудим то, что касается только нас троих.

Господин Доринг поднял брови, но против бесцеремонности вампира тоже не возразил.

– Говоря откровенно, я не очень понимаю, какое у вас ко мне дело, – заметил нотариус. – Как душеприказчик, я готов защищать интересы наследницы и помочь ей вступить во владение завещанным имуществом. Как законопослушный человек я, согласно ранней договорённости, поставил ваше бюро в известность относительно составленного мной завещания и теперь не вполне понимаю, какие у вас ещё могут быть интересы, связанные с этим делом? Доступ в дом Таспов вы уже получили, как я понимаю, – кивнул он на меня.

Нотариус не пытался скрыть своё отвращение честного человека, вынужденно замешанного в шпионаже, к нам – занимавшимся столь позорной работой.

Мне неожиданно захотелось встать и уйти, хлопнув дверью, напарник раздражённо рыкнул, но сумел сдержаться.

– Я не хотел бы раскрывать вам планы бюро безопасности, – холодно проговорил он. – Мы благодарны вам за своевременное оповещение нас относительно завещания, и теперь я надеюсь, вы не откажете...

Господин Доринг протестующе взмахнул рукой.

– Не стоит, юноша, давить на меня и угрожать своим начальством. Я не отказываюсь помочь, однако хотел бы точно знать, чему обязан визитом и почему, – тут он в упор взглянул на вампира, – вы явились ко мне среди ночи, требуя немедленного приёма?

Я невольно кивнула. Оказывается, напарник пытался добиться разговора с нотариусом ночью, но из-за упрямства человека был вынужден явиться днём – днём! Господи, да он же...

«Именно, – вкрадчиво проговорил в моём сознании вампир. Я вздрогнула, подняла взгляд на напарника, тот тяжело посмотрел мне в прямо глаза, а после принял равнодушный вид. – И это твоя вина, Ами, девочка ты моя непутёвая...»

– Я уже объяснял вам, – раздражённо напомнил вампир вслух. – Нам нужно ещё несколько дней спокойной работы, а скандал, который собирается затеять ваша подопечная,

сорвёт нам всю операцию. Я не прошу её обманывать, но ведь вы бы могли уговорить девчонку подождать со своим наследством.

– Попрошу выбирать выражения, сударь! – резко ответил нотариус.

– О, проклятье! – разозлился вампир. – К чёрту выражения! Ваш ответ?..

Господин Доринг хмыкнул, обвёл нас с напарником взглядом... пауза сделалась томительной, когда он, наконец, произнёс, обращаясь ко мне:

– И вы, барышня, тоже этого хотите?

От неожиданности я растерялась.

– Простите?..

«Ами, ты идиотка!» – мысленно заорал вампир.

– Вы, барышня. Вы тоже нуждаетесь в нескольких днях спокойной работы?

Я вздохнула. Больше всего мне хотелось уйти, исчезнуть подальше от приехавших к Таспам «устриц» с их ненавистью к вампирам. Но... Существовало одно проклятое «но» – напарник ни за что не согласится уехать, не обыскав комнаты господина Шерена, поэтому нам не только нельзя уезжать, но и позволять Аманде отказывать жениху, ведь после этого уже он может попросту укатить, лишив нас возможности обыскать его вещи.

– Разумеется, я не хочу, чтобы... – Вампир коротко взглянул мне в глаза: «Ами!» Я смешалась и покраснела. – Прошу вас, сударь, уговорить барышню Рофан отложить вопрос о наследстве хотя бы на несколько дней.

Нотариус ещё некоторое дело изучал нас, потом коротко кивнул.

– Я согласен. Несколько дней не повредят моей клиентке, и я буду рад помочь.

Я с облегчением вздохнула.

– Могли бы и ночью принять решение, – проворчал напарник, вставая с кресла. Он подошёл ко мне и, не таясь, погладил мою шею. Руки вампира были холоднее льда. – Пойдём, Кати, не будем отнимать время господина Доринга.

– Прошу прощения, молодой человек, – привстал нотариус. – Вы оба уходите? Разве барышня не дожждётся свою нанимательницу?

Руки вампира поспешно соскользнули с моей шеи на плечи, нервно сжались, вынуждая меня закусить губу.

– Дождётся, – раздражённо ответил вампир. – Нам нужно... Поговорить. Наедине. Вы можете предоставить комнату, в которой нам никто не помешает?

Я внезапно поняла, к чему клонит вампир, и невольно сжалась. Руки не-мёртвого на моих плечах то сжимались, то разжимались и мелко дрожали.

– Поговорить? – поднял брови нотариус.

– Да! – с вызовом ответил напарник. – И Кати была бы очень благодарна, если бы вы распорядились минут через пятнадцать принести ей в эту комнату горячего шоколада.

Я поспешно кивнула, подтверждая просьбу. Напарник уже не раз отпаивал меня шоколадом после своих «уроков» – говорил, это помогает, и я действительно быстро приходила в себя. Быстрее, чем после той, первой ночи...

– Вот как, – веско произнёс нотариус. Напарника уже колотило крупной дрожью, а господин Доринг молчал.

– Мы пойдём, – не выдержал вампир. – Приятно было познакомиться.

Я оглянулась назад и увидела, что лицо не-мёртвого посерело и заострилось, и он ещё больше, чем когда-либо, похож на покойника. Напарник хмыкнул, поморщился и рывком поднял меня из кресла.

– Подождите, молодой человек! – остановил нас нотариус. Вампир еле слышно застонал, крепко сжимая моё плечо. – До меня доходили некоторые слухи... Правда, я им не верил, но теперь...

– Что?! – заорал не-мёртвый, прижимая меня к себе, как будто кто-то хотел отнять. – Будете ли вы говорить, чёрт вас возьми?!

– Я правильно оцениваю ситуацию, юноша, что вы и есть тот не-умерший покойник, которого в готических романах называют вампиром? – с каким-то отстраненным интересом проговорил нотариус. Я вздрогнула. Напарник кивнул и оскалился, обнажая длинные острые клыки. – И я правильно понимаю, вы стремитесь уединиться с этой барышней, чтобы... как бы это точнее сказать?.. – пообедать?

Напарник снова кивнул, всё крепче сжимая объятая; я уже начинала задыхаться от волнения и нехватки воздуха.

– Мне очень жаль, но я не могу позволить подобного неприличия в моём доме, – как мне показалось, ханжески вздохнул нотариус. Напарник разжал руки так резко, что я с трудом сохранила равновесие. – К тому же, оказавшись под этой крышей, девушка вправе рассчитывать на моё покровительство и защиту, так что, если хотите помощи, вам не следует...

– Но она моя!.. – возмутился вампир, осёкся и продолжил более спокойно: – При всём уважении к вам, сударь, наши с Кати отношения никого, кроме нас самих не касается. И, поскольку она горячо заинтересована в восстановлении моих сил, не думаю, что ей требуется защита от меня и помощь с вашей стороны.

Я поспешила поддержать напарника – как бы мне ни было противно и страшно, согласиться всё же лучше, чем позволить обезумевшему от голода вампиру напасть на кого-то другого или упасть замертво от истощения... Я почему-то была уверена: как бы напарник ни хотел есть, он не причинит мне серьёзного вреда – а остальное неважно. Господин Доринг удивлённо поднял брови и покачал головой.

– Нет, – решительно сказал он после непродолжительного молчания. – Я не могу этого допустить. Прошу вас, сударь, покинуть мой дом и никогда больше не приходить. Барышня, я всегда буду рад вашему визиту – одной или с подружкой. Попросите её, пожалуйста, подойти.

Вампир оскалился и снова схватил меня за плечо. Я невольно зажмурилась, понимая, что он уже не может сдержаться и вот сейчас...

– Ладно! – неожиданно заявил не-мёртвый. – Приятно было познакомиться! Кати, зови девчонку, я выйду через чёрный ход.

И – мысленно:

«Скажи ей, что пока пойдёшь покупать шарфики и жди меня за углом. Скорее!»

Аманда кинулась ко мне, едва я оказалась на последней ступени лестницы. Вовремя мы закончили разговор, ничего не скажешь, ещё немного – и барышня застала бы вампира в кабинете нотариуса. Причём застала бы... не в лучший момент его жизни.

– Кати, дорогая, что случилось? Куда ты пропала? Скажи мне... всё?.. С тобой всё в порядке? Что сказал господин Доринг? Почему так долго?

– Всё хорошо, барышня, – отстранила я нанимательницу. – Господин Доринг был занят, всё это время я ждала, пока он освободится. Он просил позвать вас в кабинет, сказал, что детали может обсуждать только лично. Но я поняла, что ваше дело вполне может быть счастливо разрешено. Пойдёмте, я покажу, куда идти.

– А ты со мной не пойдёшь, Кати? – по-детски уцепилась за мою руку Аманда.

– Нет, барышня, господин Доринг сам вам всё объяснит. Идите, не бойтесь, это весьма почтенный человек и достойный всяческого доверия нотариус. Ну же, не бойтесь, всё будет хорошо...

Вот так, уговаривая барышню, как нянька робкого ребёнка, я едва ли не втолкнула её в кабинет нотариуса и поспешила прочь из дома на улицу. Зов напарника в моей голове прекратился, и мне не хотелось думать, замолчал ли он, опасаясь помешать мне разговаривать с нанимательницей, или вампир уже потерял сознание.

Мои опасения развеялись сразу же, как я оказалась на улице – напарник вновь дал о себе знать.

«Пройди по улице до дома с красной черепицей и сверни в проулок. Живо!»

Я повиновалась, торопясь скорее добраться до изнывающего от голода и усталости напарника, и вскоре действительно наткнулась на него. Вампир лежал на деревянной мостовой переулка – на спине, раскинув руки в стороны, словно хотел обнять небо. Безжалостно-синее небо с золотым диском солнца...

Я бросилась к нему, упала на колени возле его головы. Как приводят в чувство не-мёртвых? Я не знала. За всё время знакомства он ни разу не назвал мне своего имени... я не могла даже позвать его, окликнуть, хоть именем вернуть к жизни. Посеревшая от голода кожа резко обтягивала скулы, черты лица заострились ещё больше – а, может, это казалось под откровенным светом дневного светила. Вампир не дышал, широко открытые глаза бездумно смотрели перед собой. Я осторожно потрясла его за плечо, шлёпнула по щеке, дёрнула за руку.

«Ами... – Далёкий-предалёкий шёпот уже не причинял боли. – Ами, глупая ты девочка, не безумствуй. Я голоден, моя дорогая, я схожу с ума. Я не могу... у меня нет сил... Нет сил!.. Ни на что. Ами... ты должна... сама... – Внезапно его голос в моей голове сделался громче, резче и злее: – Помоги же мне! Не сиди здесь, как круглая дура!»

Тёмные глаза вампира с определённой остановились на мне, сухая костистая рука дёрнулась и схватила меня за плечо. Испуганная и одновременно тронутая его беспомощностью, я сама рванула крючки воротника, стянула с шеи косынку и наклонилась ближе к напарнику – к его лицу, к губам, к зубам, туда, куда слабо толкала меня его обычно такая сильная рука.

«Хорошая девочка» – слабо усмехнулся вампир, приподнялся на локте и впился зубами мне в шею. Не удержавшись, я закричала от боли, только сейчас поняв значение ставшей привычной пелены в сознании, которая всегда появлялась перед укусом. Не-мёртвые избавляли свои жертвы от боли – своеобразный акт милосердия со стороны не знающих жалости существ. А тут... он не мог, у него не хватало сил – вот что напарник пытался мне объяснить! Ужас и боль охватили меня, я рванулась назад, но уже окрепший вампир властно прижал меня к себе, взглядом лишая возможности пошевелиться. Красная пелена запоздало окутала глаза, заслоняя от меня мир с его страданиями... Ещё несколько мгновений я понимала, что лежу на мостовой возле вампира, положив голову ему на грудь, а после всё скрылось в милосердном алом тумане...

Сквозь него ко мне пробилась голоса, крики, просьбы помочь, позаботиться... когда я сумела открыть глаза, я лежала на диване в смутно знакомой комнате, а возле меня сидела Аманда и горько плакала от жалости и чувства вины. Я достаточно выучила нанимательницу, чтобы точно разбираться в её настроениях... вот только никак не понимала, в чём барышня себя винит. Это почему-то казалось важным, но сосредоточиться не получалось... вяло улыбнувшись Аманде, я провалилась в целительный сон.

В переулке нас никто не видел – туда не выходили двери, а немногочисленные окна были наглухо заколочены. Вдосталь напившись моей крови, вампир быстро, но тщательно застегнул воротник, повязал на место косынку, а после отнёс ко входу в переулок и уложил на мостовую так, будто я только что потеряла сознание. После чего крикнул: «Помогите, барышне плохо» и скрылся так быстро, что после его не могли ни найти, ни вспомнить, кто вообще кричал. Как уличные зеваки и доброхоты догадались отнести меня именно в дом господина Доринга, осталось загадкой. Спешно приглашённый аптекарь внезапный обморок приписал солнечному удару и, посоветовав меня не трогать денька два, держать в темноте и давать укрепляющие напитки, удалился. Его визит оплатил господин Доринг, причём нотариус категорически отказался от попыток Аманды внести свою лепту. Барышня не решилась бросить одну больную подругу в чужом доме, и к кучеру в «Весёлого пропойцу» отправили слугу с запиской для

родных, а мы остались в К***. Отдыхать и набираться сил – для меня, ухаживать за больной и обсуждать завещание – для Аманды. Вот и всё, что я знаю о своей болезни – что-то рассказала барышня, что-то пояснил вампир, начавший говорить со мной через два дня после укуса. Что об этом думали Таспы, Аманда от меня скрывала, а напарник не считал нужным разузнавать. Оправлялась я довольно долго – вампир по его собственному признанию «немного пожадничал, очень уж плохо себя чувствовал», и только на третий день Аманда позволила мне принимать посетителей, но ещё не позволила вставать.

Посещать меня, естественно, желающих не было. Вампир несколько раз разговаривал со мной мысленно, даже не пытаясь разбудить, просто во сне, а родных и друзей у меня не было – кроме барышни, которая на самом деле выказала себя моим искренним другом. Мне стало неловко из-за того, как я её обманывала всё это время.

Так размышляла я, когда Аманда попросила меня подняться, переодеться в домашнее платье, которое было с некоторыми другими вещами – моими и барышни – привезено в тот же вечер от Таспов, усадила в кресло возле кровати и зажгла в полутёмной комнате газовый светильник.

Неожиданным посетителем оказался господин Доринг, который, только усевшись в указанное барышней кресло, тут же попросил её оставить нас наедине. Аманда удивилась, но послушалась, за эти дни привыкнув безоговорочно полагаться на нотариуса.

– Я прошу прощения за это беспокойство, – с неловкостью в голосе начал господин Доринг. – Барышня Рофан сказала, что вы немного окрепли и я... я не могу молчать. Но, если вы ещё плохо себя чувствуете...

Я поморщилась. Если бы не упорство этого человека, напарник был бы менее истощён и, как следствие, меньше бы пострадала я сама. Однако вежливость и наша просьба ему, которая ещё не потеряла своего значения, обязывали меня кивнуть и солгать, что я только рада видеть такого гостя.

– Да, я понимаю, вам ещё сложно поддерживать беседу, но, однако, именно об этом происшествии я и пришёл с вами поговорить, – настойчиво продолжал нотариус. Я снова кивнула в знак своей готовности слушать, откинула голову на спинку кресла и закрыла глаза. Господин Доринга моё прискорбное состояние не остановило. – Нам удалось замять эту историю, но мы с вами оба понимаем, причиной вашего недомогания был вовсе не солнечный удар, а тот молодой человек – вы позволите и дальше его так называть? – который нас друг другу представил. Он вампир, и вы отдали ему свою кровь, не знаю только, по своей воле, или монстр действовал при помощи своих дьявольских чар...

Меня передёрнуло от жуткого воспоминания, я открыла глаза и твёрдо произнесла:

– По своей воле. Уверяю вас, я действовала совершенно осознанно. И, пожалуйста, не называйте моего напарника монстром.

Такой отпор заставил нотариуса смутиться, и я, торопясь закрепить свою победу прежде, чем господин Доринг припишет мою убеждённость «дьявольским чарам» вампира, продолжила:

– Сударь, я глубоко ценю вашу заботу и горячо благодарна вам за участие и ту доброту, которую вы ко мне проявляете. Однако, позвольте мне объяснить: мой напарник – это в первую очередь именно мой напарник, коллега, которому я подчиняюсь, работая вместе с ним в бюро безопасности. Все решения в паре принимает он, действуя сообразно полученным от руководства приказам, и, какими бы ни были наши с ним отношения, они и в самом деле касаются только нас двоих. Поверьте мне, то, что удерживает нас вместе – не случайность, не блажь, даже не приказ начальства и... не моя кровь, не его чары, как вы превратно полагаете. То, чему вы были свидетелем – редкий случай, вызванный исключительными обстоятельствами. Не знаю, что вы хотите мне предложить, но, в любом случае, прошу учесть – с напарником я не расстанусь ни в коем случае.

Эта речь утомила меня и, закончив говорить, я снова откинулась назад и закрыла глаза. Нотариус молчал, но меня это не смущало: каждое мгновение тишины давало мне такую необходимую сейчас передышку. Наконец, господин Доринг неловко кашлянул и заговорил, безуспешно пытаясь скрыть сквозившее в голосе смущение:

– Вы так хорошо меня поняли, милая барышня, что я даже и не знаю, как вам возражать. Я не хотел бы вмешиваться в дела бюро безопасности и, однако, совесть не позволяет мне оставить юную невинную девушку в лапах такого чудовища, которым является ваш напарник. Прошу вас, подумайте о той опасности, которой вы подвергаетесь каждую ночь, которой подвергаются другие люди!

Я приоткрыла глаза и быстро парировала:

– Мой напарник не единственный вампир в Дейстрии. Более того, служба в бюро безопасности вынуждает его к особенной осторожности во время ночных... э-э-э... прогулок. Вам не из-за чего волноваться, он ведёт себя порядочнее иного человека.

Господин Доринг закашлялся, а лицо у него приобрело тревожащий пунцовый оттенок. Не хватил бы старикана удар, забеспокоилась я.

– Дитя моё, я осмелюсь спросить прямо – полагаю, право на это мне даёт жизненный опыт, который всё же богаче и обширнее вашего собственного. – Нотариус замолчал, видимо, подбирая слова для своего прямого вопроса, я терпеливо ждала, от нечего делать разглядывая поднадоевшие за время болезни старомодные обои с крупными виноградными гроздьями на белом фоне. С некоторых виноградин слезла краска, с некоторых нет, так что грозди в тусклом освещении походили на причудливые лица и морды загадочных чудовищ.

– Дитя моё, ответьте правду, вы влюблены в этого юношу? – нашёл, наконец, подходящие слова господин Доринг. Вопрос показался мне столь не соответствующим теме предшествующего разговора, что я, не особенно удивившись, беспечно спросила:

– В какого юношу?

– Я имею в виду, в вашего напарника, – мрачно пояснил не одобрявший моего легкомыслия нотариус. Едва его слова достигли моего разума и были осознаны, как я, глубоко поражённая и даже шокированная нелепостью вопроса, вскочила и закричала:

– Что-о?! О чём вы говорите?!

– Я понимаю, в таком нелегко признаться, особенно в разговоре с посторонним человеком, – начал объяснение нотариус, но тут ему пришлось прерваться, так как на шум прибежала встревоженная Аманда, и не ушла, пока я не уселась обратно в кресло и не завершила свою благодетельницу в своём прекрасном самочувствии.

Это, однако, не соответствовало истине, тягостный разговор с господином Дорингом успел немало меня утомить. Я мечтала только о том, чтобы он покинул мою комнату, и дал мне отдохнуть.

– Прошу вас, не нервничайте, но ответьте на мой вопрос просто и откровенно. Вы влюблены в своего напарника?

Я слишком устала, чтобы сопротивляться его настойчивости, да и не видела ничего опасного в правде, а потому снова закрыла глаза и слабым голосом ответила коротко:

– Нет. Не влюблена. Вы довольны?

Он тут же поднялся, отвесил учтивый поклон – я видела сквозь полуопущенные ресницы – пробормотал положенные пожелания скорейшего выздоровления и оставил меня одну. Когда подоспела Аманда уложить меня обратно в постель, я была уже утомлена настолько, что не находила сил думать над странностями нашего гостеприимного хозяина. Странности эти мне разъяснил вампир той же ночью.

Я проснулась, когда было очень темно и тихо, проснулась от смутного ощущения, что нахожусь в комнате не одна. Аманда на этот раз ушла к себе – бедняжка и так еле держалась

от усталости, – должна была остаться горничная, но её я отпустила спать, не желая утруждать собой слуг господина Доринга. В комнате я была одна и, пробудившись, не услышала ни шороха, ни звуков дыхания, которые бы выдавали чужое присутствие.

– Лежи, не вставай, – проговорил над ухом знакомый голос. – Я не по делу зашёл, просто так. Шёл мимо и решил навестить... – Тут он как-то очень цинично хмыкнул, хотя до того говорил мягко и даже как будто ласково. – Коллега.

Напарник привычной рукой сорвал с меня чепец, растрепал волосы, поправил одеяло.

– Замечательную ты речь сегодня произнесла, горжусь, – прошептал он, наклоняясь к самому моему уху. – Значит, этот старый дурак решил о тебе позаботиться?

Напарник беззвучно засмеялся, наслаждаясь моим замешательством.

– А ты так прекрасно ответила, что всё стало ясно и понятно, и он ушёл. По уму, избавиться от него надо, как бы мешать не принялся. Но – пока нельзя. Пока он нам нужен...

Я вскинулась, потрясённая странной осведомлённостью моего напарника и его раздражённым тоном.

– Ты знаешь?! Откуда?..

Он снова засмеялся.

– Я многое знаю, глупая ты девочка. Вот, например, тебя удивили вопросы старика – я прав?

Ошеломлённая, я кивнула. Неужели напарник читает мои мысли?! Постоянно, а не только когда пьёт кровь?!

– И не только, – непонятно ответил вампир. – А что касается зловредного старикашки – тут всё просто. Он хотел спасти тебя от «рабства у дьявольского монстра» и искал доказательств того, что я подавляю твою волю. Ответ поставил его в тупик, но, боюсь, не разубедил как следует. Удивительно, какой чувствительной становится у некоторых людей совесть, когда жизнь не позволяет им привычно закрыть глаза на то, какой ценой ежедневно покупается их спокойствие!

Он снова наклонился, с тревогой вглядываясь в моё осунувшееся во время болезни лицо.

– Не бойся за него. Я бы, конечно, убил человека, знающего наш с тобой секрет, знающего, кто я такой на самом деле, но подобные вопросы решать не мне. – Он неприятно засмеялся. – Увы, не мне. В бюро никогда не дадут санкцию на убийство дейстрийского гражданина, если он не предатель и не преступник. И, разумеется, если он достаточно почтенен, чтобы его смерть вызывала у других граждан беспокойство. И то сказать, разве не на благо жителей Дейстрии мы с тобой трудимся, не покладая рук?

Он опять засмеялся и отодвинулся неуловимо быстрым движением.

– Прости, не заходил раньше, – нарочито равнодушным тоном произнёс он. – Сложно было преодолеть столь явный запрет хозяина дома. Если бы не ты – вовсе бы здесь не появился.

Вампир погладил меня по голове, снова взъерошил волосы и поцеловал в лоб.

– Завтра ещё отлежись, а послезавтра возвращайтесь в поместье, – шепнул он. – Нам надо спешить, «устрица» проявляет нетерпение, как бы не ушёл с крючка...

И исчез, оставив меня в бесплодных попытках привести в порядок спутанные волосы.

Назавтра мне предстояло донести до сведения моей нанимательницы два желания. Первое, настоящее – прервать своё пребывание в затемнённой комнате, куда никто, кроме неё и горничной, не допускался, увидеть, наконец, солнечный свет, и, говоря попросту, встать и размяться. Второе желание было произнесено по приказу напарника – вернуться «домой» к Таспам, прекратить утруждать гостеприимного нотариуса. Оба желания были встречены крайне немилостиво. Хотя Аманда всё же призналась, что давно подумывала о возвращении, и господина Доринга дольше затруднять неловко, и пришла пора вступить в борьбу за принадлежащее ей по праву (она почему-то говорила «нам»), но моё состояние барышню трево-

жило. Пришлось прибегнуть к помощи господина Доринга, который согласился пригласить аптекаря для врачебного осмотра. Надо сказать, что аптекарь, будучи весьма старомодным лекарем, ни в первый свой визит, ни во второй не прикоснулся ко мне и пальцем, хотя в столице передовые врачи уже брезговали приличиями, допустимыми для всех, кроме них самих. Барышня изрядно выручила его, выполнив необходимые процедуры и сообщив о состоянии моего пульса, температуре и цвете языка. Аптекарь прописал какую-то микстуру, сказал, что прийдёт через час с мальчишкой, и ушёл, забрав положенную плату со столика в прихожей. Я победила – все возражения против переезда были сняты – при условии регулярного приёма лекарства я могла считаться совершенно здоровой.

Полагаю, барышню саму не радовало возвращение к нелюбимым родственникам, но делать нечего, нельзя же всю жизнь прятаться от них у нотариуса. Господин Доринг вежливо протестовал, но мы обе видели, как накладно для него становится содержание двух молодых девушек, которое он, по собственному же настоянию, оплачивал из собственного кармана. К тому же, как только я поправилась, ситуация начала становиться всё более и более двусмысленной. Почтенный возраст нотариуса, знакомство с покойным дядюшкой Таспом, дела, связывающие его с барышней, моя болезнь – всё это не могло долго служить защитой репутациям – как барышни, так и его самого. Рано или поздно люди бы задались вопросом – что это за двух никому не знакомых красоток поселил у себя дома старик? Родственницы, клиентки, или... Седина в бороду, бес в ребро, как говорится. Кто знает, может, такие слухи пошли уже сейчас. Надо, надо было торопиться к Таспам, медлить было нельзя.

Мы ещё раз воспользовались добротой господина Доринга, за его деньги наняв экипаж до имения и, купив в модной лавке шарфики, ленты и перчатки, отправились «домой». Как бы мне хотелось, чтобы на том конце пути нас ждал настоящий дом – если не для меня, то хотя бы для барышни!

На деле «любящие родственники» встретили нас очень неласково. Им передавали, что обе барышни заболели и лежат в городской гостинице, причём домой ехать не в состоянии, посетителей принимать тоже – Таспы не особенно поверили, но беспокоиться не стали. Симптомы болезни – я тогда ещё лежала в затемнённой комнате с виноградом на обоях – были подсказаны господином Дорингом и аптекарем и, при всей размытости описания, немало не походили на последствия укуса. Любящие родственники любили барышню ровно настолько, чтобы послушно выслать некоторые вещи и немного денег и забыть о существовании девушки до её возвращения – разумеется, при заверениях, что Аманда остановилась в приличном месте, и её здоровью ничего не угрожает. Ехать в К*** ухаживать за больной всем оказалось недосуг.

Холодный приём, связанный с нетерпением «устрицы» – когда же он сможет увидеть невесту, когда же ему будут даны объяснения по поводу выброшенных подарков? – ничуть не обескуражил барышню, которой было бы труднее, если бы её приветили и обласкали. К сожалению, нанимательница слишком заботилась о моём спокойствии, чтобы поделиться своими планами, поэтому я не успела её остановить.

Дождавшись послеобеденного времени, когда вся семья собралась в общей комнате, Аманда поднялась со своего обычного места и, держась очень прямо, громко потребовала отчёта о наследстве. Вполне усвоив юридические термины, она с большой точностью воспроизвела ту часть дядюшкиного завещания, в которой говорилось о ней, и прямо указала на откровенный обман, совершённый господином Таспом. Чудовищный шок, даже ужас всех присутствующих членов семьи я не берусь описать. Господин Шерен, единственный, чьи интересы этим заявлением не подвергались угрозе, и тот слушал с большим неодобрением – «устрицы» ещё меньше действиицев терпели, когда женщина говорила сама от своего имени. Впрочем, барышня не собиралась всё время говорить только сама. Она указала на господина Доринга как на защитника своих интересов и откровенно призналась в своём желании подать

на родных в суд, если ей немедленно не будет выплачена причитающаяся доля. Не знаю уж, то ли из несвойственной ей обычно мстительности, то ли по совету господина Доринга, то ли не желая иметь с родными общих дел и не доверяя им, барышня настаивала на денежной выплате своей части наследства, а не на полагающемся ей проценте с прибыли.

Не стоит и говорить, какой поднялся шум. Господин Тасп обвинил племянницу в коварных кознях за его спиной, но Аманда могла за себя постоять, когда была полностью уверена в своей правоте. Обвинение вернулось к обидчику, и попало в цель куда вернее, а вслед за ним полетело второе в попытке продать родственницу вместе с её долей в деле человеку, которого она не знает, и которого у неё нет никаких причин уважать.

Тут уж господин Шерен не выдержал и вскочил на ноги, едва не опрокинув массивное кресло.

– Как прикажете это понимать, сударыня, – закричал он, от волнения нещадно коверкая произношение, – вы отказываетесь от данного вами слова?!

Аманда отступила на шаг, несколько напуганная его порывом, но с достойной восхищения твёрдостью отвечала, что слово было вырвано у неё бесчестным обманом, а сама она не считает себя способной составить счастье господина Шерена и посему с благодарностью отклоняет его предложение. Господин Устрица разозлился и выскочил из комнаты, с силой хлопнув дверью. За ним побежал господин Тасп, весьма расстроенный таким поворотом дела, Аманда осталась на милость остальных членов семьи. Не знаю, как она хотела завершить разыгравшуюся по её воле сцену, но, растерявшись после ухода «главного противника», она позволила госпоже Тасп перехватить инициативу.

Чтобы описать разразившийся скандал, надо обладать немалым искусством в описании сражений и великих битв, к которому я не склонна. Поэтому позволю себе опустить последовавшие тягостные минуты, и сразу скажу, что, слово за слово, госпожа Тасп фактически велела барышне убраться из её дома. Обида и неприязнь к родственникам заставили Аманду вскинуть голову и ответить коротко:

– Извольте.

После чего барышня вышла, знаком велев мне следовать за ней.

За дверями силы, казалось, оставили Аманду, она бросилась мне на шею и уже начала всхлипывать, как увидела у дверей госпожу Прош. Гордость, гордость и ещё раз гордость вели барышню, когда она с несвойственной ей надменностью заявила экономке, что сей же час уезжает, велела заложить экипаж и снести в него те свои вещи, с которыми мы только что приехали. Я же (она не хотела ещё раз подвергать меня тряске в маленьком кабриолете) должна была остаться в доме, собрать остальные вещи барышни и быть готовой уехать сразу поутру, на том экипаже, который за мной пришлют. Это заявление привело нас обеих – и меня, и экономку – в состояние полного оцепенения, из которого мы были с трудом выведены требованием барышни немедленно приступить к выполнению её приказа. Уговорить Аманду одуматься мне не удалось даже попытаться – барышня взмахом руки прервала все мои старания завязать разговор, сказала только: «Не спорь, я так решила», – и спустилась во двор, категорически приказав мне отправляться в её комнату.

– Вот так проваливают поручения напарника, – грустно сказала я трём своим отражениям в тройном зеркале над трюмо в комнате барышни. Делать было нечего, оставалось только собирать вещи (благо ничего ценного у меня не было, у Аманды и подавно), да надеяться как-то утихомирить напарника, который, конечно, не простит мне такого провала.

Проснувшись среди ночи в комнате барышни, где я оставалась по молчаливому попущению домочадцев, я запоздало вспомнила, что не сказала напарнику, где меня искать. Я забеспокоилась – как же теперь поступить, бежать в крыло прислуги, открыть окно и звать напарника сюда или выкинуть ещё что-нибудь столь же неестественное для служанки, но мои сомнения

разрешились тихим шорохом с подоконника. Я вскинулась на звук и в испуге сжалась, увидев своего напарника. Пощады после провала я не ждала; не выполнив в точности желания вампира, я становилась для него лишней, зряшной обузой.

– Ну-ну, не надо так мрачно глядеть на жизнь, – вмешался в мои мысли напарник. – Всё к лучшему, не переживай ты так. Мне удалось узнать: старший Тасп затащил Устрицу в кабинет, и они до сих пор выясняют свои финансовые отношения. Путь в его спальню свободен – тебе ничего не стоит её обыскать, а после я поймаю одну излишне любопытную служанку, которая давно прячется под дверями кабинета и выясняет для меня детали этого разговора. Что морщишься, уверяю, ей это будет только приятно... как и мне, кстати.

– Ты не мог бы обойтись без подробностей? – не выдержала я, не решаясь при нём откинуть одеяло.

Напарник засмеялся.

– А я и обошёлся. Что мнёшься, вставай, накинешь пеньюар и пойдёшь так.

Я обомлела.

– В таком виде?! По дому?! По господской части?! Ты с ума сошёл?!

– Именно по господской, – подмигнул вампир. – Если тебя кто-то застанет, притворишься лунатиком, скажешь, что часто по ночам бродишь.

– Не издевайся надо мной так! – взмолилась я, поняв, что напарник всё-таки не простил мне оплошности с отъездом Аманды. А ведь достаточно немного подумать, и можно понять, что барышня приняла решение ещё в доме господина Доринга, а там вовсе не я виновата, что она осталась без присмотра. Ведь не по своей же воле я в постели лежала все эти дни!

– Я тебя вовсе не виню, – возразил почему-то не словам, а мыслям вампир, сдёргивая с меня одеяло. Я почувствовала, как краснею, и закрыла лицо руками, но напарник неумолимо поднял меня на ноги и накинул поверх сорочки пеньюар. – Но и решения не изменю. Ты пойдёшь сейчас же и именно в таком виде. Не спорь, не хочю ничего слышать.

– Но...

– Я же сказал – не спорь!

– А если он вернётся?! – почти закричала я, безуспешно уворачиваясь от его подталкиваний к дверям.

– Не будь ребёнком, Ами. Как ты думаешь, зачем я с тобой иду? Я предупрежу тебя заранее, когда господин Устрица появится поблизости, ты успеешь скрыться.

– А если меня застанут? Кто поверит в ложь о лунатизме, когда «устрицы» который день кричат о вампирах?! Меня же разоблачат за одно мгновение!

– Всё вздор, Ами, успокойся. Я буду рядом и не дам тебя в обиду. Просто делай всё, что я тебе скажу, немедленно и в точности, оставь глупые сомнения относительно здравости своего рассудка, когда я с тобой разговариваю – и всё будет хорошо.

– А как ты умудряешься?.. – спохватилась я, желая спросить о звучащем в голове голосе вампира и недавно появившейся привычке отвечать на мои мысли прежде, чем я произнесу их вслух.

– Потом объясню, сейчас нет времени. Знаешь, где комната Устрицы? Нет? Ну, найдём сейчас, её сложно пропустить. Пойдём, Ами, ночь короткая, надо торопиться.

– Может, ты сам всё сделаешь? – шёпотом попросила я уже в коридоре. – Тебе было бы проще скрыться, если понадобится, да и к тому – я ведь не разбираюсь в оружии, вот ни капельки. А ты...

– Ами, будь хоть немного умнее! – возмутился вампир. – Я не могу войти в комнату Устрицы, он же её всю обвесил распятиями, иконами и чесноком. А вот ты...

– погоди, – не удержалась я. – Скажи мне. Если ты так боишься... всего этого... «Устрицы» говорят правду? Всё это действительно?.. – Я замялась, не зная, как выразить обуревавшие меня мысли. – Свято?

– Дурочка ты, Кати, – усмехнулся вампир. – Нельзя же верить всему вздору, который несут невежи вроде господина Шерена и его слуг! Нет никакой святости, даже не думай. А вот мимо рябины я пройти не могу, да и тебе неприятно будет.

– А почему?.. – заикнулась было я, но вампир открыл какую-то дверь и втокнул меня в комнату прежде, чем я успела почувствовать ставшее привычным отвращение перед закрывающейся вход рябиной, из которой «устрицы» делают распятыя.

«Это сделал я, – раздалось у меня в голове. – Чтобы ты могла найти оружие, которым убили моего наставника. Ищи скорее, а я посторожу. Учти, это должно быть что-то опасное для нас, способное поражать быстро и на расстоянии – прежде, чем не-мёртвый успеет напасть. Всё поняла?»

Я машинально кивнула и огляделась. Гостевая комната, обставленная с учётом потребностей благородного господина средних лет – кровать с половинным пологом и оттоманкой, платяной шкаф, умывальник в одном углу, высокая печка в другом, два кресла, стулья и письменный стол у левого окна – теперь была украшена выполненными из рябины иконами, отрывками из священных текстов в серебряных рамках и рябиновыми же распятыями над обоими окнами и дверью. Стол был завален острийскими книгами с серебряным тиснением на обложках, также там стояли чернильница, коробочка с песком и пресс-папье, естественно, выполненные из серебра, и лежала стопка гербовой бумаги. Меня запоздало охватило смущение, когда я поняла, что оказалась одна в спальне мужчины. Горничные всегда убирают в спальнях вдвоём, иначе присутствие девушки в комнате мужчины невозможно. Мне приходилось немало помучиться, чтобы мой обыск спален принял вид невинной уборки.

«Ами! – прогремело у меня в голове. – Потом будешь смущаться, работай!»

Я потерла виски. Не знаю, как напарник это делал, но, похоже, его никак не трогала крайняя болезненность для меня такого способа общения: по моим ощущениям, сначала виски словно пронзала раскалённая спица, потом раздавались раскаты грома, сопровождаемые ударами молний.

«Ами!!!»

Я вздохнула и постаралась сосредоточиться. Больше всего на свете мне хотелось оказаться где-нибудь далеко-далеко, где не растёт рябина, нет серебра и, пожалуй, вампиров. Все размышления о неприличности моего пребывания здесь, о таинственной способности напарника разговаривать со мной в моей голове – это всё слабо заглушало сильнейшую панику, в которую приводили меня острийские средства защиты от вампиров. Ужаснее всего, что мне нельзя было отвлекаться от этого чувства, а следовало погрузиться в него, чтобы отыскать убившее не-мёртвого оружие. Это было не так-то просто, слишком сильно меня пугали висящие на стене распятыя, иконы и серебряные рамки священных текстов. Однако через какое-то время мне удалось успокоиться настолько, что я сумела отличить отпугивающее ощущение, производимое рябиной, от чувства исходящей от серебра опасности. От рябины следовало держаться подальше; приходилось делать над собой усилие, чтобы подойти на расстояние ближе двух шагов. Серебро же нисколько не отталкивало, оно «всего лишь» излучало в пространство жар, как если бы я приближалась к открытому огню. Страх, боязнь обжечься, а вовсе не внутренний запрет вынуждали меня держаться избегать соприкосновения с изделиями из этого металла. Но это странно, я ведь точно знаю, что серебро не причиняет мне вреда...

Проверки ради я дотронулась до стоящего на столе пресс-папье. Ничего не произошло.

«Ами, поторопись! Шерен вышел из кабинета!»

Это известие повергло меня в ужас. Какой тут обыск, какое оружие, бежать, бежать как можно скорее!

«Не смей! Ищи, я всё беру на себя».

Мне ничего не оставалось, как покориться: прямой приказ вампира запирает меня в комнате почище распятий над дверью. Я уняла дрожь и снова сосредоточилась. Рябиной вампира

можно остановить, не пустить, прогнать, но нельзя убить. Остаётся серебро и осина... Осины в комнате нет, это я могу сказать совершенно точно, а серебра более чем достаточно, но ведь пресс-папье не убить на вампира, он уклонится от удара и от броска.

«Ами!!!»

Помимо видимых мной предметов, опасный металл явственно ощущался в ящике оттоманки – это я поняла, нервно мечась по комнате. Подняв крышку, я увидела пистолет с рябиновой рукояткой и серебряными накладками по бокам. Рядом лежал мешочек с серебряными пулями.

В коридоре послышались упругие шаги господина Устрицы. Я пропала...

«Сиди тихо, – прозвучал приказ напарника. – Когда пройдем мимо, быстро заканчивай работу и жди приказа. Поняла?»

Я машинально кивнула, забыв, что вампир не может меня сейчас видеть. Что он затеял?! В следующий момент я похолодела от ужаса, услышав, как в коридоре мой напарник произносит на чистом австрийском:

– Доброй ночи, сударь. Рад встретить соотечественника в такой дали от родины. Простите, что знакомлюсь сам, не дожидаясь, когда нас представят, но, думаю, вы отнесётесь снисходительно к этой вольности, когда поймёте причины моего интереса. Думаю, меня достаточно рекомендует моё сегодняшнее состояние...

Возникла пауза, потом господин Шерен сделал какое-то движение и срывающимся голосом прокричал:

– Изыди, исчадь!

Напарник расхохотался.

– Что же вы так нелюбезны?

Вместо ответа австриец бросился прочь по коридору, истошно крича о вампирах и призывая на помощь своих слуг.

«Заканчивай здесь».

Еле сдерживая дрожь, я поднялась с колен и прошлась по комнате. Открыла ящики стола, искала потайные отделения. Их не было, как не было их и в шкафу, и в оттоманке. В шкафу на одной из полок лежала коробочка с нателными распятыми и образами, а рядом на гнутых ножках стояла шкатулка (разумеется, серебряная!) с уже знакомым пахучим наполнителем. Теперь, когда напарник избавил меня от суеверных страхов, я понимала, что это вещество не имеет никакого отношения к вампирам, просто резкий запах вызывает головную боль у всякого нормального человека, кроме «устриц», которые используют это вещество в своём полужызыческом культе.

Больше ничего опасного в комнате не было, и я вернулась к оттоманке. Серебряные пули и материал пистолета, мешающий не-мёртвым вырвать пистолет из рук стрелка – чем не ответ на вопрос напарника? Пуля летит слишком быстро, чтобы от неё можно было уклониться...

Значит, беру пистолет и пули.

Здравый смысл подсказывал: нельзя, чтобы меня видели с такой находкой, если вдруг застанут в коридоре или на лестнице, но куда спрятать пистолет, как вынести?

Я колебалась недолго. В той же оттоманке я нашла пистолетную кобуру и мужской ремень, на котором её кое-как укрепила, после чего застегнула ремень на талии под сорочкой. Мешочек с пулями я подвесила на шею, украв из шкафа крест на вощённой нитке. Под тяжестью пуль нитка больно врезалась в шею, но мне было не до того, чтобы задумываться над подобными ощущениями. Я закрыла оттоманку, удостоверилась, что все вещи в комнате стоят на своих местах, и шагнула к двери, готовая выскользнуть по первому зову. Ожидание продлилось недолго, но закончилось совсем не так, как я предполагала. Перед моим мысленным взором почему-то появились глаза напарника, его улыбка, худощавая фигура и изящные руки.

Потом всё заволочла красная пелена, и я смутно ощутила, как поворачиваю ручку двери, как выхожу в коридор...

Уже потом я узнала, что напарник, переоценив трусость «устриц» – по его словам, стремясь отогнать господина Шерена подальше от спальни, – оказался сам загнан в ловушку, очутившись в длинной галерее без окон, один выход из которой закрывала уже успевшая надоесть нам рябина, а второй успели перекрыть слуги Шерена. «Устрицы» всюду размахивали рябиновыми распятыми, и пройти мимо них для вампира было попросту невозможно. Был и третий выход, который привёл напарника в бальный зал, однако «устрицы», воодушевлённые замешательством жертвы, бросились следом за ним и успели загнать не-мёртвого в угол прежде, чем он оправился от воздействия рябины.

Вампир и «устрицы» оказались в сложной ситуации. С одной стороны, острейцы не имели ни малейшего представления, как расправиться с попавшимся вампиром, но были полны решимости не дать монстру уйти. Возможно, они надеялись удержать его до утра, а там добить, воспользовавшись дневным оцепенением. С другой стороны, мой напарник из своего угла с тоской поглядывал на недоступное окно, прорваться к которому он не имел ни малейшей возможности. Ещё в галерее вампир сорвал со стены старинную шпагу, рассчитывая таким образом компенсировать досадную неспособность приблизиться к противникам. Однако – увы! – эта предусмотрительность не особенно помогала. Зажатая в руке шпага могла бы дать вампиру возможность прорваться к окну, если бы вооружённые рябиной люди стояли не так густо и освободили бы место для манёвра, но они были не такими глупцами, чтобы не воспользоваться своим преимуществом. К тому же напарник имел основания опасаться, что господин Шерен вот-вот кинется за своим оружием и, не найдя, поднимет шум по поводу подлой кражи, а там в доме начнут обыскивать слуг и выйдут на меня.

В этот момент вампир и принял решение позвать меня к себе, хотя это и означало риск раскрытия нашей с ним связи. Разыгрываемый им спектакль заставил воспользоваться вампирскими чарами, а не привычным уже голосом в голове: не-мёртвый хотел полностью создать у людей впечатление, что несчастная жертва не помнила себя. И я послушно пошла – с оставившимся взглядом невидящих глаз и вытянутыми перед собой руками, как лунатик или как безумная. «Устрицы» не ожидали нападения со спины и поэтому не успели помешать мне протиснуться мимо них к напарнику. Вампир протянул ко мне левую руку, поймал за запястье и, развернув, прижал к себе. Повинуясь беззвучному приказу, я откинула голову назад, так, чтобы «устрицы» могли как следует разглядеть мою шею, на которой уже два дня как полностью исчез след последнего укуса.

Напарник засмеялся и снял красную пелену с моего сознания.

– Прочь отсюда или девчонка умрёт! – закричал он, взмахивая шпагой в правой руке, и провёл острыми ногтями левой руки по моей шее.

От боли и неожиданности я издала такой вопль, что вслед за ним зазвенели стёкла. Не знаю, вняли бы угрозе вампира «устрицы», но тут в зал вбежали хозяева дома – семейство Таспов в полном составе, а следом за ними практически все их слуги. В бальном зале началось форменное столпотворение. Господин Шерен требовал, чтобы женщины немедленно покинули зал, старший Тасп обращался к вампиру, требуя меня отпустить и прекратить творящееся безобразие. Напарник подробно перечислял, что он со мной сейчас сделает, и время от времени слизывал кровь с кончиков пальцев. Женщины дружно визжали, некоторые падали в обморок, и перепуганные слуги были рады предложению удалиться, унося и уводя самых нервных представительниц слабого пола. Я обессилено прислонилась к напарнику, от волнения несколько пренебрегая правилами приличия. Если голос вампира в голове и не признак помешательства, пребывать в здравом уме мне осталось недолго. Похоже, в этом бедламе ни один человек не сумеет сохранить рассудок, а мой и без того истерзан переживаниями последнего времени. Напарник тихонько хмыкнул над ухом, ненадолго прекратив вносить свой вклад в общую неразбериху.

– Извини, – тихонько шепнул он, почему-то вслух, а не мысленно. – Так надо. Не переживай, заживёт и следов не останется.

Я хотела было что-то ответить, но вампир самым жестоким образом встряхнул меня за плечо и возобновил требования немедленно разойтись, если они не хотят увидеть жестокое убийство молодой девушки столь приятной наружности. В подтверждение своих слов он нанёс мне ещё одну царапину, наискосок перечеркнув первую, и я снова закричала. Успокоительные слова напарника несколько не внушили мне уверенности в благополучном окончании творившегося со мной кошмара. Мы провалены, для Таспов я никто, а «устрицы» убеждены в вине каждого, кто поддался чарам вампира. При таком раскладе – какие у нас шансы выжить? Напарник убьёт меня, доказывая серьёзность своих намерений, но так и не добьётся желанной свободы. А если и не убьёт... вряд ли то, что останется от меня к утру, сможет жить и дышать... Мы погибли и...

От ужаса и безнадёжности я застонала так надрывно, что Таспы и «устрицы» немедленно прекратили кричать и спорить между собой. Даже вампир оставил свои кровавые угрозы. Он прищёлкнул пальцами, погружая меня в полусонное состояние, чуть более разумное, чем транс, в котором я дошла от комнаты господина Шерена до зала. Завладев всеобщим вниманием, не-мёртвый прекратил жестоко усмехаться и обвёл взглядом благодарную публику.

– Расступитесь и дайте мне пройти, – серьёзным голосом произнёс он. – И тогда я оставлю эту девушку в живых. Я не кусал её, слово чести.

И замолчал. И молчал всё то время, пока «устрицы» наперебой объясняли хозяевам дома, кто именно стоит в углу их бального зала и чего от него можно ожидать. Пока мужчины выставляли из зала оставшихся женщин, чтобы монстр не мог, покончив со мной, найти себе других жертв. Пока старший Тасп препирался с Шереном, требуя приложить все усилия для защиты находящейся под его покровительством девушки, то есть меня, и пока собравшиеся в зале отчаянно шумели, галдели и спорили. Тасп и Шерен нескоро пришли к согласию по поводу того, кто из них возьмёт под контроль ситуацию. «Устрица» ссылался на лучшее понимание происходящего и требовал пожертвовать уже попавшей под вампирическое влияние служанкой для избавления мира от чудовища, Тасп кричал про честь и достоинство порядочного человека, которые не позволяют ему обречь ни в чём не повинную девушку на смерть. Как я уже говорила, Таспы всегда были людьми в высшей степени порядочными – если это не касалось их финансового благополучия. Шерен не решился открыто ссориться с хозяином дома, поэтому постепенно отступил, позволяя Таспу выйти вперёд и обратиться к вампиру с предложением.

– Отпусти девушку и проваливай! – не слишком дипломатично высказался дядюшка Аманды. Вампир на это «заманчивое» предложение только расхохотался. – Слово чести, тебя никто не тронет, – поспешил добавить господин Тасп.

– Тебе, старик, – ответил вампир, игнорируя тот факт, что старший Тасп был не так уж и стар, – я бы ещё поверил. Но у того, кто стоит за твоей спиной, нет ни чести, ни совести, и он не держит слова по отношению к таким, как я. Девушка останется со мной. Обещаю сохранить ей жизнь и отпустить, как только окажусь в безопасности. Разойдитесь, если не хотите увидеть ещё одну царапину на этой белоснежной шее.

Не вполне понимая происходящее из-за волшебного действия чар, которые не-мёртвые накладывают на свои жертвы, я, однако, поняла, что сейчас мне станет очень больно и, если я и выживу, то останусь навсегда изуродована глубокими шрамами на шее. Это заставило меня собрать последние силы и безнадёжно рвануться из стальных объятий вампира. Жалкая попытка спасти свою жизнь привела к тому, что «устрицы» невольно отшатнулись от нас, а Таспы и их слуги, напротив, поспешили подойти поближе, расталкивая слуг господина Шерена. Не сумев вырваться, я попыталась поднять руки и прижать их к кровоточащим ранам, но каждая мышца налилась каменной тяжестью, и руки безвольно опали вдоль тела.

– Я убью её, – мечтательно проговорил мой напарник, осторожно проводя кончиками пальцев по оставленным им царапинам. – Она потеряет больше крови, чем может потерять человек, а потом напьётся моей. Господин Шерен, вы же понимаете, после этого она не сможет послушаться приказа, как не может воспротивиться мне и сейчас. Ещё до рассвета этот зал окрасится алым... вы все станете моими слугами, рабами в своём посмертии... неужели вы этого хотите?

Говоря это, вампир медленно, шаг за шагом продвигался вправо, в сторону окна, чарами заставляя меня идти вместе с ним. Зачарованные его речью «устрицы» и слуги Таспов отступали, оставляя между собой и кончиком вытянутой шпаги расстояние в несколько шагов.

– Где гарантии, что ты не обратишь её, если мы тебя отпустим? – потребовал ответа господин Шерен, поскольку старший Тасп был настолько шокирован поведением и угрозами моего напарника, что даже не знал, как реагировать. Вампир немного помедлил с ответом, потом облизнул вымазанные в крови пальцы.

– Слово чести, разве вам его мало? Зачем она мне нужна, эта ваша служанка? Забирайте её себе, я прекрасно просуществую в одиночестве. – Тут не-мёртвый сделал паузу, пристально глядя в глаза банкиру. – Во всяком случае, как бы ни сложилась судьба этой девушки, вы будете в безопасности.

Этот аргумент произвёл большое впечатление на «устриц», которым вовсе не улыбалось встретить рассвет с побледневшей кожей, острыми клыками и жаждой крови во взгляде. Больше всех испугался сам банкир; при всей внешней бравате он был страшный трус и вампиров боялся до дрожи. В самом деле, какой смысл убивать этого конкретного монстра, когда в округе наверняка их десятки и даже сотни? Зато, если отступить, он уйдёт, а там можно уехать из этого дома, убежать, спрятаться, скрыться так, что ни один не-мёртвый не отыщет... Пока люди колебались между долгом и безопасностью, нервно переглядывались и неуверенно топтались на месте, напарник постепенно преодолел расстояние до огромного окна, призванного подчеркнуть высокое общественное положение Таспов. Нижний край окна доходил до самого пола, верхний – почти до потолка, и в него без особых трудностей мог выпрыгнуть любой, кто не боится пострадать при приземлении. Однако делать последний рывок вампир не решался: слишком тесно стояли люди, слишком подавляла волю проклятая рябина.

Напарник встряхнул меня, вынуждая издать ещё один надрывный стон, и взмахнул шпагой. Люди попятились и расступились, желая оказаться подальше от опасности, близстоящие срочно захотели поменяться местами с дальними, те решительно протестовали, от чего в рядах врагов произошла небольшая давка. И в этот момент, довершая безумную картину, за окном завывли собаки. От неожиданности люди шарахнулись в стороны, позволив, наконец, напарнику действовать так, как он хотел с самого начала. Он выпустил меня из рук, развернулся к окну, левой рукой сдёрнул с гардины плотную штору, а зажатой в правой шпагой стукнул в какую-то видимую ему одному точку стекла. Стекло осыпалась большими осколками; вампир бросил на пол шпагу, повернулся ко мне, в мгновение ока закутал в штору и подхватил на руки. Люди не успели даже опомниться, так быстро это было проделано, не то, чтобы приблизиться и помешать.

– Приятно было познакомиться, господа! – не удержался напарник от издёвки и выпрыгнул в окно. Я завизжала, но вампир приземлился на ноги, благо, падать было недалеко, всего с третьего этажа, сделал шаг, запнулся о свисающую до земли штору, покачнулся и всё-таки не удержал равновесия. К чести напарника, даже падая, он удержал меня на весу и таким образом уберёт от ушибов.

– Успокойся, дурочка, – как ни в чём не бывало попросил вампир, поднимаясь на ноги. – Всё хорошо, бояться нечего. И, кстати, твои «страшные раны» заживут через неделю, и следа не останется. Чтобы ты знала, любые раны, нанесённые вампирами, если не смертельны, всегда заживают без каких-либо последствий. Даже если бы я тебе руку сломал для полноты картины.

Я долго молчала, бесполезно хватая ртом воздух, пытаюсь подобрать достойный ответ или, по крайней мере, выдать из себя хотя бы одно слово. Не только пережитый ужас заставил меня онеметь, но и замешательство, в которое меня привело спокойствие напарника. Едва ли не с боем прорваться к свободе – чтобы спокойно стоять под окнами разозлённых его выходкой людей?! Едва оправившись от пережитого шока, они мгновенно поймут: кто убегает, тот боится, а кто боится, тот не опасен и...

Злобное рычание заставило меня обернуться, а вид стаи разъярённых острейских собак – попятиться, вставая под защиту напарника. Вампир засмеялся и погладил меня по голове.

– Не бойся, Ами, – как маленькой девочке, – шепнул он мне. – Это друзья, они пришли нам помочь.

Я запрокинула голову, чтобы взглянуть в бессовестные глаза напарника. Разве можно шутить в такую минуту?! Острийские собаки специально выведены для борьбы с ему подобными, и их слишком много, чтобы...

– Всё вздор, – возразил не-мёртвый, гипнотизируя собак взглядом. – Эти животные действительно не боятся нас и охотно соглашаются искать и преследовать, тогда как остальные поджимают хвосты и забиваются в конуры. Однако все собаки прекрасно поддаются внушению даже самого неопытного вампира. И, чтобы ты знала, в тот раз я не стал усыплять их сам, чтобы не вызывать лишних подозрений. У кухарки это получилось значительно лучше...

Под взглядом вампира собаки поджали хвосты, жалобно заскулили, а после разбежались в разные стороны, оставив нас с напарником одних.

– И вовсе не в разные стороны, – слегка обиженно возразил вампир. – Я велел им перекрыть выходы из дома на всякий случай. До рассвета они будут слушаться только меня, а пристрелить их Шерен не позволит. Так что у нас с тобой уйма времени на решение текущих вопросов.

– Вопросов?! – воскликнула я, когда ко мне вернулся дар речи. – Решение?! Прошу тебя, умоляю, ради всего святого, давай уйдём поскорее отсюда, нас вот-вот застанут и...

– И ничего страшного не произойдёт, – оборвал меня вампир. – Я знаю, что делаю, а ты, пожалуйста, не спорь со мной во время работы. Доставай лучше свою находку. Чем-то она мне не нравится... жжётся сильно, и ты чуть не пропала мне брюки, когда мы стояли в зале, но не верю я, что чем-то подобным был убит мой наставник. Ну, доставай, я жду.

Сообразив, что от меня требуется, я густо покраснела и умоляюще взглянула на напарника. Добытый пистолет висел на ремне под сорочкой, и достать его, не обнажив ноги, было невозможно.

– Я отвернусь, – отреагировал на безмолвную мольбу напарник. – Но, видит небо, я не понимаю, зачем тебе это нужно. Я пил твою кровь, я читал твои мысли, я знаю каждый день твоей жизни от рождения и до сегодняшнего дня. Неужели ты считаешь, что, увидев тебя неодетой, я узнаю больше, чем мне уже известно?

От смущения я потеряла всякую способность ответить на упрёк вампира, и тому ничего не оставалось, как пожать плечами и выполнить своё обещание. Едва я привела свою одежду в относительный порядок, приличествующий скорее спальне, чем двору большого дома, вампир обернулся и, едва ли не забыв обо мне, занялся моей добычей, выхватив у меня ремень с висящим на нём оружием. Пистолет, к которому вампир избегал прикасаться, недолго удерживал его внимание. Напарник коротко засмеялся, раскрутил ремень и забросил пистолет в разбитое окно бального зала. После чего снял у меня с шеи нитку с крестом и мешочком и отправил пули вслед за пистолетом.

– Все твои предположения – вздор, дорогая Ами, – объяснил свою бесцеремонность не-мёртвый. – Огнестрельное оружие против нас не поможет, уклониться от пули не сложнее, чем

от пресс-папье, а лезть на рожон ни один вампир не станет. Значит, ты не заметила в комнате Шерена ничего более опасного? Неужели я ошибся?

Не дожидаясь ответа на это рассуждение, напарник подобрал с земли успевшую упасть штору, отряхнул и одним движением разорвал на две части. Большую бросил обратно на землю, а меньшую накинул мне на плечи.

– Закутайся, а то простудишься, – добродушно посоветовал он. – Мы ещё не скоро доберёмся до тёплой печки.

С этими словами он обнял меня за плечи и повёл вокруг дома, как я быстро поняла, к выходящим на задний двор окнам служанок. Я было подумала, что напарник решил забрать мои вещи, но открывшееся при нашем приближении окно быстро развеяло моё заблуждение. Вампир снял руку с моего плеча и толкнул меня себе за спину.

– Иди сюда, любовь моя, – нежно прошептал он, подходя к окну. К своему глубочайшему изумлению я обнаружила, что и тон, и слова напарника привели меня в страшную ярость. И эта ярость только усилилась, когда из окна высунулась одна из тасповых горничных, Мари – с выражением беспредельного обожания на глупеньком личике. Вампир запрыгнул на подоконник и осторожно втащил туда девушку. – Ты хорошо потрудилась, любимая, – сообщил он служанке. – Пришла пора получать награду...

Под наградой напарник понимал нечто несусветное и непристойное. Иначе я никак не могу объяснить, что он расстегнул крючки форменного платья, которое горничная не поменяла на ночной наряд, поскольку ещё не ложилась. Причём, к моему величайшему смущению и ужасу, вампир не ограничился обнажением шеи, что я ещё могла бы понять. Он расстегнул платье почти до самого пояса, открыв своему и моему обозрению нижнюю рубашку Мари, у которой он также расстегнул несколько верхних пуговиц. Не в силах не только отвернуться, но и даже пошевелиться и отвести взгляд, я беспомощно стояла и смотрела, как напарник гладит горничную по волосам, шее и плечам, как распускает её нехитрую причёску и как прижимается к шее губами. Чудовищный поцелуй длился недолго, мгновение – и вампир отстранился, полюбовался на две крошечные ранки, придвинулся снова и облизнул их языком.

– Иди спать, бесценная, – нежно произнёс он. – Переоденься ко сну и ложись, как ни в чём ни бывало. Запомни: ты весь вечер была в своей комнате, никого не видела, и ни с кем не разговаривала. Спи, дорогая, и пусть тебе приснятся хорошие сны.

Он помог горничной спуститься с подоконника и подтолкнул в сторону кровати. Полюбовался на то, как погружённая в транс девушка расстёгивает нетронутые им крючки платья и, будто спохватившись, повернулся ко мне.

– Не смотри на меня так, Ами, – засмеялся вампир, спрыгивая на землю и подходя ко мне. – Мне всего лишь надо было узнать, о чём договаривались Тасп и Шерен... ну и подкрепиться немного. Ничего страшного и выходящего из ряда вон. Я ведь сотню раз проделывал с тобой то же самое.

Я хотела ответить, но не нашла, что возразить. Это безнравственно? Жестоко? Бесчеловечно? Отвратительно? Мерзко? Как будто вампира тронут мои упрёки!

– Дурочка ты, моя дорогая, – сообщил напарник, подхватывая меня на руки. От прикосновения живого мертвеца меня всю передёрнуло, но вампир оставил это без внимания. Вырываться и требовать поставить меня на землю я не стала и пытаться – прекрасно представляла, как мало пользы это принесёт. – Дурочкой родилась, дурочкой и помрёшь. Собственно, уже умерла, потому что Катерины Гров с сегодняшнего дня больше нет в живых. Во всяком случае, её никто больше не увидит, а это одно и то же. Ты как, не жалеешь о загубленной жизни?

Я не ответила, вздохнув про себя, что барышня очень расстроится, когда узнает о моей кончине. Интересно, скажут ли ей правду?

– Ты слишком привязалась к этой бедной дурочке, – упрекнул меня напарник. – Зря. Привыкай, моя девочка, теперь ты часто будешь уходить вот так, оставляя позади жизнь, дру-

зей, близких и старое имя. Если, конечно, нас с тобой не ликвидируют после сегодняшнего провала.

Эти слова привели меня в ужас. Ликвидируют? Нас? Его и меня? Выразить свои чувства вслух я в который раз не успела, вампир ответил на них раньше.

– А чего ты хотела? О нас с тобой теперь вся страна будет разговаривать годами. А то и в вампиров поверят, с них станется. Полный провал, представляю, что нам скажут в бюро! Но это произойдёт потом, после, а пока ближайшая задача – добраться до безопасного места, где нас никто не увидит. Я там всё приготовил, так что сможешь отдохнуть и поесть, а ночью сядем на дилижанс и уедем в столицу.

Напарник поудобнее устроил меня на руках и побежал – сначала неторопливо, давая мне возможность подготовиться к ожидающему меня испытанию, потом, выйдя на просёлочную дорогу, всё быстрее и быстрее, пока я не закрыла от ужаса глаза, спрятав лицо на его груди. Последний раз вампир так бегал в ночь нашего знакомства, и я уже успела забыть, какую скорость может развить не-мёртвый даже с взрослой девушкой на руках.

Ветер свистел в ушах, быстро стучали по дороге лёгкие туфли напарника, а на востоке – я это чувствовала не менее ясно, чем вампир, – постепенно занималась заря, вынуждая меня беспокоиться, успеем ли мы вообще скрыться от солнца и посторонних глаз до наступления дня.

«Успеем обязательно» – мелькнула в сознании мысль напарника, а после сознание заволкло красным туманом, и больше я ничего не помнила...

Рассказ третий. Сестрица Грета

– Будь как дома, сестра, будь как дома!

*Только хлеб на вкус как солома,
Только холодом лют ночлег.*

– Никого ты не същишь ближе!

*Твои слёзы гадюка слизжет,
Сотни уст у неё, сотни век.*

– Уж не виделись мы давненько!

*Обрывает песнь канарейка.
В клюве клёкот, а в пасти яд.*

– Обними же меня поскорее!

*Снег белеет, но пух-то алеет,
Наливается виноград.*

– Ты отведай напиток хмельного!

*В кольцах бьётся снова и снова,
Смертью полнится дополна.*

– Будь как дома, родная сестрёнка!

*Сухожилия лопнут звонко.
Улыбайся же, ну, змея!¹⁰*

Из всех условностей, затрудняющих жизнь в дороге, отдельного упоминания заслуживает та, согласно которой незамужняя девушка не может позволить себе путешествовать без сопровождающего лица. В самом крайнем случае допускаются переезды в обществе подруги или сестры, но тогда уж поведение барышень должно быть безупречным.

Даже самые смелые девушки нашего времени предпочитают взять с собой хотя бы служанку, а лучше двух, а лучше супружескую пару прислуги, чтобы их присутствие могло охранять их как от злых наветов, так и от более реальных опасностей, подстерегающих в дороге. Часто смелые барышни выезжают в сопровождении целой процессии, куда входит до десятка человек, готовых развлекать, обслуживать и защищать отважную девушку. Что не удивительно, ведь смелые барышни обычно рождаются единственными наследницами крупных состояний.

Что до тех двух девушек, которые встретились на почтовой станции около трёх часов после полудня, то самый снисходительный наблюдатель отказал бы обеим как в состоянии, так и в излишней смелости: непозволительной роскоши для тех, кто вынужден своим трудом отрабатывать свой хлеб и кое-что знает об этом мире и его тревогах.

Младшая из них, хрупкая бледная девушка, которая, судя по одежде, только что вышла из школы-пансиона для не особенно состоятельных барышень, сопровождалась пожилым слу-

¹⁰ «Сестра», стихи А. Садовникова.

гой, за особую плату приставленным к ней дирекцией школы. Слуга этот во время нежной встречи всюду препирался с носильщиком, пытаясь заставить его нести огромный сундук за половину платы. Старшая, встретившая свою молодую товарку с почтовой кареты (дилижанс в такой близости от столицы не ходил), одевалась так, как одеваются учительницы или, точнее, гувернантки, и вид имела до чрезвычайности цветущий и свежий, какой только и можно приобрести, гуляя со своими малолетними воспитанниками каждый день на свежем воздухе – в любую погоду выходя из дома после обеда, а, возвращаясь, бывало, и к ужину. Старшую сопровождала супружеская пара – не старые, но и не молодые слуги. Они, дождавшись вместе с девушкой почтовой кареты, поспешили откланяться, отказавшись от чаевых и согласившись передать приветы своей прелестной дочурке, к которой, собственно, и отпустил погостить их хозяин, попросив по дороге проводить уволившуюся в связи с поступлением детей в школу гувернантку. Добрейшему их хозяину, господину М., была передана тысяча благодарностей. Успокоив слугу, которому также надо было, расставшись с девушками, вернуться в школу, старшая из барышень вновь заключила младшую в объятия. Даже и не заметив между ними внешнего сходства, никто бы и не усомнился, что это родные сёстры, встретившиеся после долгой разлуки. Наблюдатель проницательный добавил бы ещё, что барышни были разлучены в то время, когда младшая, умея уже чувствовать привязанность, не могла ещё хорошенько её запомнить. Другими словами, на момент разлуки младшая была ещё так мала, что не успела приобрести привычку к сестринским ласкам: так она сегодня дичилась и неумело отвечала на родственный восторг старшей.

Собственно говоря, сторонний наблюдатель не так уж бы и ошибся: о своём родстве девушки узнали совсем недавно, до того и не подозревая о существовании друг друга. Дочери разных матерей и разных отцов, они звали друг друга сводными сёстрами, так как старшая была падчерицей матери младшей: дочерью первого мужа от его первого брака. Младшая же происходила от второго брака этой несчастной женщины, ушедшей из жизни слишком рано, но всё же после обоих мужей. Её первый брак, надо отметить, остался бездетным.

Удовлетворив своё любопытство относительно внешнего несходства девушек, досужий наблюдатель наверняка не стал бы прислушиваться дальше к самой обычной беседе самых обычных барышень, из которых старшая уже потеряла надежду выйти замуж, а младшая никогда и не надеялась: всё состояние родителей душеприказчики отдали школе-пансиону на её обучение до совершеннолетия и несколько лет жизни после, и теперь девушке полагалась только жалкая крона в месяц, не считая *подарка* в двадцать пять крон, выданных школой из не истраченных денег. Старшей повезло больше, ей было по наследству передано состояние в тридцать крон годового дохода и имелся скопленный работой гувернантки капитал в целых сорок крон. Как она объясняла сестре, главное – бережливость и умение правильно выбрать хозяина. Младшая кивала и со всем соглашалась.

– Ах, Тирса! – восклицала старшая, покровительственно обняв сестру за плечи. – Какое счастье, что мы с тобой, наконец, встретились! Теперь мы всегда будем вместе, всегда, до самой смерти!

Тирса принуждённо засмеялась.

– Грета, не говори так, – кротким тоном попросила она. – Никто не знает, что ждёт его впереди и, может, уже завтра работа заставит нас разлучиться.

– Работа! – несколько экзальтированно подхватила Грета. – Не произноси при мне этого ужасного слова! Я всю жизнь только и делаю, что работаю, а теперь я скопила деньги, встретила тебя и хочу, наконец, отдохнуть! Мы поедem в Острих, на знаменитые курорты и будем там проводить время, как самые знатные барышни Дейстрии!

Этот блестящий прожект заставил Тирсу заметно встревожиться. Грета засмеялась.

– Я знаю, моя маленькая сестрёнка, чего ты испугалась. Ты хочешь спросить: надолго ли хватит наших денег на такую роскошную жизнь? Ну, как, достаточно ли я проницательна?

Тирса тоже засмеялась, но, как и прежде, с гораздо меньшей живостью, чем её сестра.

– Достаточно, сестрица.

– Ну, так вот, – принялась объяснять свой прожект Грета, беря Тирсу под руку и увлекая её к стоянке наёмных экипажей, при этом кивком предложив слуге и носильщику следовать за собой. – Не думай, пожалуйста, что я такая расточительная или что твоей бедной сестре не хватает предусмотрительности. Мы поедем в Острих, как знатные барышни, и будем там отдыхать, развлекаться и поправлять здоровье. Если я и сомневалась в своём плане, то только до того, как увидела твои бледные щёчки, худенькую фигурку и другие признаки болезни, от которых так и сжимается сердце! Сказала бы я пару слов директрисе и попечителю твоей школы!

– Ах, Грета, что ты! – испугалась Тирса.

– А как же! Вот придём в гостиницу, я подведу тебя к зеркалу, посмотришь сама!

– Грета!

– Ну, да не о том речь. Мы с тобой отдохнём, а как истратим две трети от сбережений, пойдём наниматься гувернантками к «устрицам». У них там модно, чтобы языку учила иностранка, так что без работы мы не останемся, а, Бог даст, и поднакопим.

Пока Грета говорила, они дошли до стоянки и слуга, придирчиво осмотрев экипажи, велел носильщику перенести вещи девушек с тележки на крышу выбранного им и хорошенько привязать. После чего решительно прервал разговор барышень, посадил обеих в экипаж, принял чаевые и распрощался. Носильщик, которому было заплачено в самом начале, скрылся, не прощаясь.

– Ах! – воскликнула Грета. – Теперь мы избавились от этих докучных нянек, которых приставили к нам добрые, но недалёкие друзья! Ты не представляешь, как я измучилась от опеки своих надзирателей, а уж твой охранник с его мелочностью и страстью выгадывать филлеры на пустыках! Я думала, не выдержу!

– Грета, милая! – чуть не плача вскричала Тирса. – Не говори так, ведь он же о нас заботился, не о себе!

Грета пренебрежительно фыркнула.

– Просто некоторых людей хлебом не корми, дай сберечь здесь филлер, там филлер – а всё потому, что кроны они в глаза не видывали.

– Грета!

– Прости, сестрёнка! Я тебя напугала, да?

– Грета, – укоризненно произнесла младшая сестра. – Как ты можешь так говорить?

– Сама не знаю, – засмеялась старшая. – Но как-то ведь получается. Всё-всё-всё! Я поняла, осознала, устыдилась и больше не буду!

– Ах, – вздохнула Тирса, когда экипаж тронулся с места, и вопросительно посмотрела на сестру. – Может, сейчас мы поговорим, наконец, серьёзно...

Грета покачала головой и прижала палец к губам.

– Серьёзно! – прежним своим восторженным тоном воскликнула она. – А разве я говорю не серьёзно? Понимаю, твои учителя вели себя иначе, но готова поклясться самым торжественным образом, каждое моё слово произносится с полной ответственностью и пониманием ситуации!

– Понимаю, но мы...

– Не сейчас, – тихо шепнула Грета, едва шевельнув губами. – Теперь мы поедем в гостиницу, – громко продолжала она, – я успела найти дешёвую на краю этого мелкого городишки и вполне приличную за эти деньги, хотя мне и далеко до твоего слуги в вопросах бережливости. Там передохнём с дороги, а после я найму нам дилижанс, и мы спокойно поедем день за днём, неделя за неделей, месяц за... Ой, Тирса, не гляди на меня так! Я пошутила! Мы пробудем в пути не больше полутора недель, а после границы в Острихе что ни город, то курорт, мы

остановимся в первом понравившемся. И, кто знает, может, найдётся кавалер, красивый и при деньгах, которому приглянется моя маленькая сестричка...

– Не говори так, Грета! – в который раз возмутилась Тирса. На этот раз в её возгласе прозвучало настоящее чувство. – Ты же знаешь, я никогда не выйду замуж! В моём положении смешно и глупо питать такие надежды, так что, пожалуйста...

– Я говорила не про замужество, – сухо ответила старшая, но развивать эту тему дальше не стала. Тирса же, едва до неё дошёл смысл слов сестры, возмущённо смерила её взглядом и отвернулась к своему окошку в карете.

Грета тихонько засмеялась, донельзя довольная своей шуткой, но извиняться перед обиженной сестрой не стала, а под села ближе к окошку и принялась рассматривать дорогу. Это занятие продолжалось недолго: внезапно девушка вскрикнула и откинулась на сидении, стараясь сделаться как можно незаметнее для взгляда извне. Обида Тирсы не была длительного свойства: услышав восклицание, она тут же с тревогой повернулась к сестре.

– Грета, дорогая, что случилось?

– Это он! – страшно побледнев, пробормотала Грета. – Без сомнения! Но как он мог здесь оказаться?..

– Кто, Грета, дорогая? Кто тебя напугал?

Старшая сестра вялым взмахом руки отстранила нежные заботы младшей и с мрачной решимостью усталилась перед собой.

– Он нас нашёл. Теперь всё пропало...

Роль бедной, но благородной девушки давалась мне едва ли не сложнее, чем роль служанки. С детства общаясь с барышнями такого типа, который теперь была вынуждена разыгрывать, я, между тем, привыкла при них носить маску наигранной весёлости, относиться к ним с услужливой готовностью помочь и вообще делать вид, будто продавщицы модных лавок сделаны из железа, никогда не устают, никогда не расстраиваются и не нуждаются ни во сне, ни в отдыхе, ни даже в пище. Теперь же мне не только позволялось, но и предписывалось принять вид томный, болезненный и вялый, который, впрочем, как я знала по собственному опыту, в любой момент мог смениться лихорадочной весёлостью или даже подлинной жизнью, когда этого особенно требовали обстоятельства. Что касается худобы и бледности, так расстроившей мою сестру, они, увы, были не притворными. Общение с вампиром, страшная дорога от К*** до столицы, когда мы прятались днём, а ночью ехали на украденном со свалки экипаже и увёдённой с живодёрни лошади (садиться в дилижанс напарник в последний момент передумал) – всё это изрядно измотало мои силы, отразившись, к сожалению, и на внешности. На этот раз заранее свою легенду я почти не знала; по каким-то не очень понятным причинам её мне сообщила Грета при встрече. В бюро безопасности мне сказали только, что я должна подыграть лицу, назвавшему пароль, при первом же удобном случае получить документы и узнать подробности своей новой биографии, а также суть задания. Разумеется, это не всё, что я услышала о себе в бюро при получении задания. Всего два слова касались моего нового социального статуса и финансового положения, а вся остальная речь сердитого начальника касалась ошибок, допущенных при выполнении прошлого задания – как будто их не разобрали по прибытию. Напарник при получении задания не присутствовал – мне было передано, что он присоединится ко мне позже, скорее всего, как раз в этом городке, где мы планировали с почтовой кареты пересесть на дилижанс, и который как раз и служил транспортным узлом страны: именно туда, а не в столицу, стекались почтовые кареты и дилижансы со всех краёв Дейстрии. Так что мой огромный сундук, который вызвал такое неодобрение носильщика, покуда весил очень мало и не служил основанием для завышения платы. Что бы там ни говорила Грета,

беречь филлеры, чтобы сохранить кроны – единственный способ выжить в нашем мире бедному человеку.

Что касается самой Греты, то она, разумеется, не была падчерицей моей бедной матери, которая состояла только в одном браке, закончившемся смертью отца, и успела породить всего двоих детей: моего братика, умершего сразу после рождения, и меня, оставшуюся сиротой в десять лет. О настоящей семье Греты я не знала ничего, но кое-что намёками она мне поведала в гостинице, когда мы отослали горничную и остались одни. Моя «сестра» и коллега являлась уникальным в наше время явлением – женщиной, состоящей на государственной службе. Правда, мне могут возразить, что на той же государственной службе есть ещё и машинистки, стенографистки и секретарши, но, во-первых, их по-прежнему не так уж много, а во-вторых, в бюро безопасности таковых не водится совсем. Не то, чтобы женщины совсем не принимали участия в защите нашей страны, но к работе, как правило, привлекались толковые жёны, сёстры и служанки сотрудников – после того, как они пройдут достаточную проверку. Как я поняла из туманных намёков Греты, её муж служил в бюро безопасности, когда женился на ней, и постепенно посвятил супругу в суть своей работы. Поняв, что под словами «государственный служащий» не всегда понимается кабинетная работа, Грета высказала желание принять в служебных делах спутника жизни участие, что и было с восторгом принято любящим мужем. Как отреагировало начальство, я не знаю, но, потеряв мужа в двадцать пять лет, молодая вдова не отошла от дел и не вышла замуж, а попросилась на его место и вот уже два года с успехом опровергает расхожее мнение о неспособности женщин заниматься умственной деятельностью и подвергаться опасностям.

На меня «сестра» смотрела в самом деле как на родственницу, считая своим долгом опекать и наставлять младшую коллегу. Таких наставлений было дано великое множество: как общаться с людьми, встреченными в дороге, как внезапным вопросом заставить противника выдать свои настоящие мысли, как избежать приставаний коллег и как скрыть любовную интрижку, если вдруг придёт охота поразвлечься. Иное я слушала с интересом, иное меня пугало, а циничные рассуждения Греты о нравственности меня откровенно шокировали. Мне даже начало казаться, что дорогая сестрица не слишком убивалась по безвременно почившему мужу – но высказывать это соображение вслух я постеснялась.

Единственное, пожалуй, о чём у нас не зашла речь – это кого же увидела Грета, когда мы ехали в гостиницу.

Обсудив основное в своих отношениях и планах, мы спустились вниз, чтобы поужинать в столовом зале; время было уже позднее, и в комнатах уже начали зажигать свечи. Едва мы открыли дверь, чтобы выйти из комнаты, как к Грете вернулась её восторженная улыбка и экзальтированная манера речи.

– Ну-с, сестрица, заживём на славу! – заявила она, когда нам подали самый шикарный ужин, который можно было получить в этой дыре: по чашке бульона с галетами, бифштекс с жареным картофелем и по куску яблочного пирога. Ещё нам принесли пузатый чайничек вишнёвого цвета и надколотые чашки явно из разных сервизов. Молока к чаю мы обе решили не брать, а вот сахарницу попросили, и нам её предоставили – стеклянную, тускло-зелёного цвета и без ручек.

На заявление Греты я только улыбнулась. Мне случалось есть и лучше, случалось и хуже, сегодняшней ужин мало чем выделялся на фоне других.

– Знаешь, сестрица, что мне про тебя рассказывали? – оживлённо спросила Грета. Я поперхнулась и замотала головой, не в силах сказать ни слова. К сожалению, сестра приняла мой жест за отрицание, а не за просьбу прекратить опасный разговор и, похлопав меня по спине, продолжала: – Тебя видели на севере, в доме одного *очень* знатного семейства... Подскажу: их фамилия начинается на Т...

Я с трудом сдержалась, чтобы не возмутиться. Напарник говорил, коллеги не должны знать, кто из нас какие задания выполняет, а если и знает, не должен обнаруживать своей осведомлённости. Чем меньше обсуждаются прошлые дела, тем меньше шансов провалиться в будущем, говорил напарник... Всё бы ничего, да только в прошлом мы уже провалились...

– Ну, не упрямясь, Тирса, признайся сестрице, кто тебя туда пригласил, – умильно уговаривала Грета.

Я покачала головой.

– Уверена, это какая-то ошибка. Я всё время была в школе в Б***, возле столицы, и даже на каникулы не ездила на север.

В глазах Греты на миг промелькнуло какое-то странное выражение – не то замешательство, не то досада, – а после вернулась обычная безмятежность.

– А, ну ясно! – воскликнула она. – Тебя просто с кем-то перепутали! Ты ведь у нас, увы, не самая яркая личность, таких девушек по всей Дейстрии видимо-невидимо.

Я пожалала плечами, стараясь не показывать, как её слова меня задели. Осознавать себя заурядностью было по меньшей мере неприятно. Грета засмеялась и потрепала меня по руке.

– Ну же, сестрёнка, не обижайся! Я ведь не со зла! Так только, лягну иной раз, не подумав, а зла ещё никому не желала. Давай о другом с тобой поговорим.

Я вымученно улыбнулась – фальшивый разговор начал меня утомлять – и всем своим видом постаралась выразить полнейшую готовность к смене темы. Это вызвало у Греты ещё одну снисходительную усмешку.

– Поговорим о тебе, – открыла она внезапную атаку. – Ты такая молодая, прости, я назвала тебя слегка заурядной, но, когда мы тебя немного откормим да погреем на солнышке, ты будешь очень даже ничего... У тебя есть сердечный дружок?

– Кто?! – поразила я. – Сердечный... Кто?!

– Ну, поклонник, воздыхатель, обожатель... любовник, в конце концов! – нетерпеливо пояснила Грета. Я почувствовала, как краснею и поспешила встать.

– Если ты составила обо мне такое мнение, дорогая сестрица, – уже не скрывая своего раздражения, произнесла я, – то нам лучше расстаться и впредь идти по жизни каждая своим путём!

Грета удержала меня за руку.

– Ах, Тирса, прости, право слово, я вовсе не хотела тебя обидеть! Тирса, сестричка, умоляю, не обижайся. Ну, садись, садись возле меня, допей чай и скажи, что простила. Тирса!

Я неохотно повиновалась, напомнив себе, что моя «сестрица» по роду своей деятельности постоянно крутится не в самом приличном обществе и наверняка нахваталась там самых низменных понятий, так что теперь всех меряет одной меркой.

– Прости, Грета, я вовсе не обиделась, – вежливо произнесла я.

Грета обняла меня за плечи в знак установления мира и спросила:

– Так, значит, вас держали в школе так же строго, как монашек в Острихе? Никаких радостей, никаких удовольствий? А как же тот друг, о котором ты мне писала?

Я поняла, что дальше отпираться невозможно. Необходимо представить сестрице напарника, а, значит, надо уже сейчас подготовить её к встрече с ним. Но что сказать сейчас, как ответить на этот бесцеремонный вопрос?

«Скажи, что твой друг скоро подойдёт сюда и представится лично», – внезапно прозвучало в голове.

– Тирса! – В голосе Греты послышалась неподдельная тревога. – Сестричка, что с тобой?! Тебе плохо?!

Я отняла руки от висков: голос вампира, как всегда, причинял сильную боль.

– Не волнуйся, Грета, не стоит. Со мной всё в порядке, правда. Ты о чём-то спрашивала?

– Да... – в каком-то замешательстве протянула Грета. – О твоём друге...

– Ах, о друге! – несколько натянуто подхватила я. – Я думаю, он скоро подойдёт сюда и присоединится к нам.

– Присоединится?! К нам?! – Чего было больше в этом вопросе – радости и облегчения или чудовищной паники?

– Ну да, – слегка растерялась я. – Ты возражаешь?

– Н-н-нет, Тирса, что ты, – пролепетала Грета, глядя куда-то поверх моей головы. Я повернулась и увидела...

Как всегда, он был одет по последней моде, с нарочитой небрежностью в деталях. Как всегда, он не считал нужным таиться сверх совсем уж необходимого и сейчас широко улыбался нам обеим, благо народу в зале было немного, и никто не смотрел в его сторону. Не смотрел и не видел, как он улыбался – не скрывая своих длинных тонких клыков, которыми так легко прокусывал девичьи шеи. Всё было как всегда, будто мы расстались всего вчера, а не месяц назад. Меня после северного провала поселили на квартире одного из сотрудников бюро, взяв обещание не звать вампира в этот дом. Обещание мы с напарником выполнили, и всё это время я не имела никакого понятия о том, где живёт не-мёртвый.

Он подошёл к нашему столику, вежливо поклонился и взял в свои ладони руку Греты – безвольную и вялую, словно «сестрицу» парализовало от ужаса. Поднёс к губам – медленно, наслаждаясь каждым моментом. Грета смотрела на не-мёртвого испуганными широко открытыми глазами, как птица на ядовитую змею.

– Сударыня, моё почтение, – с какой-то даже вкрадчивостью произнёс вампир, целуя руку перепуганной женщины. – Как я рад встрече с вами...

– Оч-чень приятно, – пробормотала Грета, не решаясь отнять руку. Вампир ещё раз улыбнулся и отпустил её. Наградил меня мимолётным взглядом, привычно потрепал меня по голове, нимало не заботясь об уместности такого жеста, и сел на стул рядом с нами.

Всё как всегда.

– Итак, – холодно проговорил мой напарник, разом прекратив улыбаться. – Вы желали меня видеть, сударыня. Зачем?

Грета беспокойно огляделась по сторонам, вампир успокаивающе взмахнул рукой.

– Не беспокойтесь, нас никто не услышит. Ну?..

«Сестрица» молчала, словно утратив дар речи. Я смущённо помешивала ложечкой чай, почему-то чувствуя себя лишней. Что-то происходило между этими двумя, что-то, к чему я если и имела отношение, то только косвенное.

– Вздор! – безапелляционно проговорил мой напарник, не обращая внимания на то, что я ничего не сказала. – Останься, Тирса, и не говори чепухи.

– Но я...

– Тихо!

Я обиделась, вампир, по-видимому, немедленно это почувствовал, но извиняться не стал, только на секунду отвёл взгляд от Греты и тепло улыбнулся одними глазами.

– Итак, сударыня, я спрашиваю вас третий раз, – напомнил он. – Вы хотели меня видеть. Зачем?

Грета вздохнула, произвольным жестом оправила волосы и нашла в себе силы ответить на взгляд вампира.

– Если мы путешествуем вместе, сударь, – сказала она, – вежливость требует, чтобы мы были представлены друг другу.

– Путешествуем вместе, сударыня? – насмешливо переспросил не-мёртвый. – Кто вам сказал такую глупость?

Не знаю, кто больше растерялся, я или Грета. Он не поедет с нами?! Со мной? Бросит меня? Он?

На этот раз напарник не сказал и не сделал ничего, чтобы успокоить мою тревогу. Он смотрел прямо на Грету и ждал её ответа.

– Но я полагала, вы всегда...

Вампир дёрнул уголком рта, открывая в мимолётной улыбке клык.

– Времена меняются, сударыня, и я вовсе не настолько привязан к вашей сестрице, как это может показаться. Я последую за вами в отдалении, временами буду навещать... вас обеих. Думаю, вы простите вынужденную бесцеремонность поздних визитов?

Грета кивнула, по-моему, не вполне понимая, что ей говорят. Вампир удовлетворённо кивнул в ответ, поднялся, поцеловал руку моей сестры, взъерошил мне волосы, окончательно погубив таким образом причёску, и ушёл, не сказав больше ни слова.

– Скотина! – процедила Грета, как только за не-мёртвым захлопнулась дверь. Я уронила голову на руки и разрыдалась. Он меня бросил. Но почему?! За что?! И... чего он хотел добиться этим визитом? Неужели только попугать Грету и обидеть меня? Но зачем ему это? Зачем?

– Эй, человек! – окликнула Грета официанта. – Принесите вина на наш столик... Нет, лучше в нашу комнату.

Официант почтительно наклонился к моей сестрице, уточнил заказ и ушёл.

– Вставай, Тирса, – жёстко произнесла Грета. – Хватит рыдать, слезами горю не поможешь.

Подталкиваемая сестрой, я безропотно позволила увести себя наверх, в нашу комнату, куда скоро и правда принесли вина. Я опустила в кресло у кровати и погрузилась в совершенно безрадостные мысли. Он меня бросил. Бросил. Он. Меня.

Оставил с этой чужой бесстыдной женщиной, которая улыбается фальшивой улыбкой и смотрит на мир бесчувственными глазами. Почему? Что я ему сделала? Какой приказ нарушила, за что?!

Я глубоко вздохнула, подавляя вновь нахлынувшие рыдания. Грета права, надо взять себя в руки. Он вампир, он не человек. Было бы нелепостью полагать, что для него имеет значение кто бы то ни было, кроме него самого и вечной жизни. Нелепо.

Я вспомнила страшный путь с севера в столицу. Днём мы прятались, на закате он уходил искать для меня пищу, и всю ночь до рассвета гнал несчастную лошадь, которая чудом только не околела в дороге. Тогда мне казалось... казалось...

Что я дорога ему, что он всегда будет заботиться обо мне...

Дурёха! В какую непроходимую пропасть загнало меня тщеславие. Кто я такая, чтобы вампир помнил обо мне? Кто я такая, чтобы он нуждался в моём обществе? Он пил мою кровь и мог бы убить, но оставил в живых – и на том спасибо! Я сошла с ума, когда стала воображать, будто...

Тут мысли мои споткнулись. Глупо, нелепо, ошибочно... Но всё же я привязалась к нему. Он составлял часть моей жизни: необходимую часть. Именно необходимую. После всего, что было – и плохого, и хорошего, я начала думать, что так будет всегда. Мне казалось, он обещал беречь меня и заботиться обо мне. А если не обещал, то собирался. И такая забота, хотя и тяготила, хотя и требовала страшной платы кровью... Она вселяла уверенность в будущем. А теперь...

Внезапно виски вновь пронзила острая боль.

«Ами, глупая ты моя девочка. Я обещал только одно: ты будешь жить. Не бойся».

– Тирса? – окликнула Грета, которая всё то время, пока я предавалась отчаянию, разговаривала с принесшей вино горничной. – Что с тобой? Может быть, что-то болит? Мигрень? Или головокружение?

Я отняла руки от висков и отрицательно покачала головой.

– Тогда... – решительно произнесла сестра, поднося мне рюмку с вином, – перестань по нём убиваться. Не стоит он того.

Я сделала глоток и запротестовала.

– Не стоит! – отрубил Грета. – Он использовал тебя в своих интересах и подставил бы в любой момент. Радуйся, если удастся сейчас от него отделаться. Поверь мне, ты будешь намного здоровее и счастливее, если дальше будешь работать одна.

Смешок прозвучал так явственно, что я даже удивилась, почему Грета его не слышит.

– Одна? – горько переспросила я. – А на что я одна гожусь? Кто я такая одна?

– Не прибедряйся, Тирса, – потребовала сестра, подливая вина в мою рюмку. Свою она, кажется, успела уже осушить: я мельком заметила, что в ней ничего нет. – Неправда, что ты ничего не умеешь. Я ведь знаю о том деле на севере.

– Ты знаешь? – удивилась я. – Я думала... Мне казалось...

– Ты думала, о таких делах никому не рассказывают, – dokonчила за меня Грета. – Всё верно, но я люблю знать, с кем работаю.

Я кивнула: требование показалось мне справедливым.

– Итак, – проговорила сестра, заставляя меня допить вино в рюмке. – Подумай сама, кто виноват в вашем провале, ты или он?

– Я. Если бы я не поддавалась чувствам и не вмешалась бы в замужество Аманды...

Грета покачала головой.

– Я просила тебя хорошенько подумать, Тирса, а не повторять слова твоего... господина.

– Он вовсе не... – возмутилась было я, но Грета не дала мне договорить.

– Итак?

– Но, Грета! – взмолилась я. – Кто ещё может?..

– Подумай, – жёстко произнесла сестра. – Какое задание ты лично получила в бюро?

– Слушаться напарника...

– Не притворяйся дурочкой, дорогая сестрица! – потребовала Грета. – Ну? Или напомнить?

Я пожала плечами.

– Если ты ставишь вопрос таким образом... Я должна была доставить напарника на север, вместе с барышней проникнуть в дом, сделать копии ключей и впустить в дом вампира. Но...

– погоди, Тирса! – прервала меня сестра. – Давай по порядку. Ты это всё сделала?

– Да, но...

– Сделала?

Я нехотя кивнула.

– Вот видишь! – восторжествовала сестрица. – Ты выполнила приказ в точности. А он? Что он должен был сделать?

Я несколько смутилась. Очень уж... азартно прозвучал вопрос сестрицы, очень уж напряжённо она ждала ответа. Да и не просто пустая, а даже сухая рюмка Греты вызывала какие-то совершенно не располагающие к откровенности мысли. Мне внезапно показалось, что дорогая сестрица меня просто-напросто подпаивает... Зачем?

В ночи снова прозвучал смешок.

«Умница, Ами!»

– Тирса? – осторожно позвала Грета.

– А, прости, Грета, я задумалась, – спохватилась я. – Пытаюсь вспомнить в точности, что нам было сказано...

– И?.. – подалась вперёд «сестрица».

Я покачала головой.

– «Впустить вампира в дом и больше ни о чём не спрашивать», – едва удержавшись от злорадной улыбки, солгала я. Грета немедленно сникла.

– И всё? – недоверчиво спросила она. – Это всё, что тебе было сказано? А цели, причины, обстоятельства, наконец!

Я снова покачала головой.

– Ничего. Всем ведал напарник, моя задача была только сделать ключи и открыть окно.

– И всё? – уже разочарованно переспросила Грета. – Так тебя использовали как дурочку, «вслепую»... А я-то думала...

Я возмутилась. Кто дал ей право меня оскорблять?! Сама ведь только что...

Грета, казалось, поняла, насколько невежливо прозвучало её восклицание и поспешила заглядить вину. Она плеснула вина нам обеим и примиряюще потрепала меня по руке.

– И с этим заданием ты блестяще справилась, сестрёнка, ведь так?

– Не сказала бы, что очень уж блестяще...

– Но дело было сделано, и никто ничего не заметил, верно?

Я кивнула, вспоминая, какими переживаниями обошлось это самое «никто ничего». Напарник даже не пытался таиться, и в любую минуту его могли обнаружить...

– А от чего ты делала ключи? – спросила Грета, отпивая глоток из своей рюмки и делая мне знак, чтобы я следовала её примеру. Я повиновалась, хотя от вина уже слегка шумело в голове.

– От всего, – коротко ответила я. – Я сделала копии всех ключей, какие только были в доме.

– И он все их использовал? – не отставала «сестрица».

Я пожала плечами.

– Откуда мне знать? Напарник мне не отчитывался.

– Но, может, он расспрашивал тебя о чём-то? Тирса!

– Не помню, – ответила я, непроизвольно потирая шею. – Он... Вампиры спрашивают... иначе. Не словами, как это делают люди.

Я явственно увидела, как Грету передёрнуло от отвращения и ужаса, после чего сестрица замолчала. Я воспользовалась наступившей тишиной, чтобы попробовать хоть как-то прийти в себя: голова гудела после мысленных обращений вампира и выпитого под влиянием Греты крепкого вина. Откровенно говоря, я была не очень уверена, смогу ли сейчас встать, если попробую, однако чувствовала: засыпать в этой ситуации несколько... небезопасно...

– Тирса! – позвала меня сестрица. – А как же пистолет? Зачем вы его украли?

Я почувствовала, как краснею. Кража пистолета казалась мне наиболее постыдным деянием: служба в бюро могла притушить угрызения совести относительно обыска и подслушивания (да и не чуралась я подобных «грехов» в своей прошлой жизни), но кража!

– Какой пистолет? – переспросила я.

– Пистолет «устрицы», который хотел жениться на твоей подопечной. С рябиновой рукоятью! Его забросили в то окно, из которого вы вдвоём выпали. Зачем он вам? Ну?

Этот разговор начал меня утомлять.

– Грета, клянусь тебе, я понятия не имею ни о каком пистолете и не знаю, откуда он там взялся! Честно!

– Не знаешь?.. – недоверчиво потянула сестрица. Я возблагодарила небо за то, что в комнате даже при свечах было темновато (газового освещения в гостинице не было), и вряд ли Грета заметила краску стыда, залившую мои щёки минутой раньше.

– Нет, – отрезала я. – Совершенно не представляю, кто мог швырнуть пистолет в окно. Я вообще не знала, что у «устрицы» было с собой оружие.

– А-а-а... – произнесла Грета и замолчала. – Что же, давай спать ложиться, завтра с утра поедem на станцию покупать билет на дилижанс до Остриха...

«Умница, Ами, – прозвучало у меня в голове. – Ты всё сделала как надо, я тобой очень доволен. Теперь ложись спать и ничего не бойся...»

Моё сознание уподобилось комнате, в которой потушили свет, я сладко зевнула и провалилась в глубокий сон без сновидений до самого утра.

Что касается следующего дня, он начался с хождения Греты по комнате, хлопанья дверей и невнятных разговоров. Когда я, окончательно разбуженная этими звуками, открыла глаза, сестрица сияла как солнышко, с умилением наклоняясь над большой корзиной.

– Проснулась? – со светлой улыбкой спросила Грета, отрываясь от корзины. – А ну-ка посмотри, кто к нам пришёл!

С этими словами она запустила в корзину руки и извлекла на свет Божий маленькую смешную собачку, в которой я не сразу признала острейского мопсика (они немного крупнее и окрасом темнее дейстрийских).

– Доставили наконец! – радостно провозгласила Грета. – Эту собачку мне подарили в предпоследнем доме, где я работала, тогда ещё совсем щеночка... Ах, ты моя лапочка! – принялась она сюсюкать с мопсиком, поднося пёсика к самому своему лицу. – Теперь он поедет с нами! Ты ведь не против, Тирса, сестричка?

Спросонок ещё плохо соображая, я отрицательно покачала головой.

– Разумеется, нет, если он хорошо воспитан.

– О, он чудесно воспитан, привык всюду следовать за мамочкой в корзине, никогда не шумит, и от него никогда не бывает неприятностей, правда, моя радость?

Я поморщилась: такая пылкая любовь к братьям нашим меньшим казалась мне слегка неестественной.

– Откуда он у тебя появился, сестрица? – спросила я.

– Я же сказала, мне его... – начала было Грета, но я устала от бесконечной игры и «сестру» перебила самым невежливым образом.

– Нет, Грета, *на самом деле!*

– Ах, на самом деле! – как-то неприятно засмеялась сестрица. – На самом деле всё почти так и было. – Она лукаво мне подмигнула. – Видишь ли, Тирса, дорогая, некоторые из моих рекомендаций – настоящие.

Мне почудился в этих словах не то упрёк, не то намёк на не самые приятные обстоятельства, и я отвернулась.

– Ну, полно болтать, пора и делом заняться! – преувеличенно бодро воскликнула Грета, укладывая мопсика обратно в корзину. – Вставай, сестрёнка, я приказала подать завтрак сюда, а после нам надо съездить за билетом.

Городок, в котором мы остановились, как я уже говорила, при всей своей малой заселённости, являлся одним из транспортных узлов Дейстрии. Изначально компактный, к нашему времени за счёт гостиниц, каретных мастерских, постоянных дворов для кучеров и кондукторов, а также многочисленных стоянок он разросся настолько, что с одного его края на другой приходилось ехать на извозчике или в недавно пущенном омнибусе, чей единственный маршрут удачно захватывал и нашу гостиницу, и стоянку дилижансов. Узнав от прислуги о наличии общественного транспорта, я, естественно, предложила Грете воспользоваться его услугами и была сильно расстроена барскими замашками сестрицы, когда та высказалась в пользу наёмного экипажа: мол, там обойдёмся без толкотни, поедем как благородные барышни и так далее в том же духе. Мне пришлось приложить определённые усилия, чтобы настоять на необходимой экономии наших средств, а то, того и гляди, отдыхать в Острихе будет уже не на что. Уже отстояв свою точку зрения, я была поражена необычно радостной улыбкой, которую сестрица тут же попыталась скрыть, и которая навела меня на тягостные сомнения в правильности моего решения. Ничего не сказав, я решила в омнибусе быть настороже... И тут же устыдилась своей подозрительности. Грета при встрече произнесла условленный пароль, и, как бы она мне

не нравилась, это не повод подозревать её в чём-то нехорошем. Желание выведать у меня сведения о напарнике легко объясняются простым любопытством и... подменить своим человеком кучера наёмного экипажа гораздо легче, чем кучера, кондуктора и пассажиров омнибуса.

И всё же, и всё же... Ей не доверял мой напарник, она его боялась и... Она мне не нравилась. Совершенно. А уж намёки на то, что вампир может меня в любой момент подставить и бросить, свалить на меня свою вину в провале операции... Подумав здраво, я сообразила, что господин Шерен и Аманда имели к заданию самое косвенное отношение, и разрушенный брак между ними несколько не мешал планам нашего руководства, он мешал планам не-мёртвого. Намёки попали в цель, но я ещё не забыла, как напарник заботился обо мне в дороге, и как он вступился за меня перед начальством (наговорив наедине множество пренеприятных вещей).

Одним словом, Грета пыталась внушить мне подозрительное отношение к вампиру, а внушила подозрительное отношение к себе.

Панически боится вампира – раз. Расспрашивает о нём – два. Несмотря на страх, огорчилась, что он с нами не едет – три. Кого-то испугалась по дороге в гостиницу и ничего не объяснила – четыре, собака у ней острейской породы – пять...

Додумав эту мысль, я почувствовала сильнейший страх. Дорогая сестрица начала мне казаться чудовищно, вопиюще подозрительной и сама мысль о дальнейшем совместном путешествии... От бегства меня удержало только одно: напарник оставил меня с ней и посоветовал не бояться...

Но тут некстати вспомнился давнишний разговор, в котором вампир признавался, что спасти меня не будет ни в коем случае... Но он ведь мог бы просто посоветовать бежать, если всё так плохо! Ведь дав такой совет, он ничем не рискует! Нет, нет ни малейшей причины так думать ни о ком из них и...

Сестрица Грета, и не подозревая о буре чувств, вызванных её поведением и словами, отвернулась от зеркала, у которого поправляла шляпку, и повернулась ко мне.

– Идём? – коротко спросила она и вышла из комнаты, давая возможность спокойно привести себя в порядок.

По дороге на станцию ничего выходящего из ряда вон не случилось, и я начала понемногу забывать свои страшные подозрения. Мы спокойно дождались омнибуса, доехали на нём до последней остановки, прошли на станцию и обратились за двумя билетами и местом для багажа. Здесь начались небольшие трудности, потому что на завтрашний дилижанс все билеты оказались раскуплены, послезавтра дилижанс не ходил в честь праздника, таким образом, уехать мы могли только через два дня. Это немного обескуражило нас обеих, но делать было нечего и, заплатив за очень хорошие, хотя и не самые лучшие места, мы отправились обратно в гостиницу, решив по пути купить самое необходимое в дорогу.

Покупки были также сделаны без каких бы то ни было происшествий, разве что Грете вздумалось приобрести шляпку, и она обратилась ко мне за советом, невесть с чего приняв меня за великий авторитет в этой области. Пришлось напомнить ей, что (согласно легенде) в школе-пансионе шляпки выдавались воспитанницам из кладовой, совершенно одинаковые: чёрные, с узкими полями, низкой тульей и без украшений. Откуда мне знать, что сейчас модно среди знатных барышень? Этот ответ слегка обескуражил сестрицу, и до ближайшего перекрёстка мы добрались в согласном молчании. Омнибус очень быстро показался на горизонте, и при виде него вместе с нами руками замахали ещё две немолодые дамы, один парнишка и трое мужчин среднего возраста. Пропустив пожилых женщин вперёд, мы с Гретой по очереди влезли на подножку омнибуса, причём один из садящихся вместе с нами господ галантно подсадил сначала её, потом меня. На сестрицу эта вежливость не произвела особенного впечатления, а я повернулась, чтобы поблагодарить учтивого господина, и была несколько расстроена его нежеланием принять мою признательность: он отвернулся и что-то невнятно пробормотал.

Допытываться до причин его застенчивости было бы неловко, к тому же Грета железной рукой тащила меня внутрь омнибуса, занимать хорошие места. Так и не поняв странного господина, я последовала за сестрой. Оглядываясь, я заметила, как на подножку вскочил ещё один человек и сразу же поднялся по лесенке на империал. Пока я мешкала в дверях, лучшие места были заняты двумя пожилыми дамами, вошедшими вместе с нами, и нам пришлось удовольствоваться сидениями по соседству, где в шею противно дуло из открытого окна. Кондуктор подал сигнал, омнибус тронулся, и кондуктор пошёл по салону, собирая плату.

Вот заплатил мужчина, подсадивший нас в омнибус, вот отдали деньги двое его товарищей, затем пришёл черёд Греты, мой, потом полезла за кошельком в карман широкой юбки пожилая женщина. Тут-то и случилась та катастрофа, которой я с замиранием сердца ждала с самого утра.

Женщина опустила в руку в карман, но ничего не достала. Поискала с другой стороны, потом опять с этой...

Потом повернулась к соседке и спросила, не видела ли та её кошелек. Затем обратилась с тем же вопросом ко всем присутствующим. Все принялись озираясь, ворошить ногами солому, потом начали подозрительно разглядывать друг друга и рыться в своих сумках и карманах. Мысль, пришедшую в головы большинству пассажиров, озвучил один из вошедших вместе с нами мужчин: кража.

Тут поднялись на ноги все, исключая нас с Гретой, и почти все разом заговорили. Кто-то спорил, кто-то соглашался, несколько плохо одетых пассажиров демонстративно выворачивали карманы, остальные смущённо улыбались, не решаясь ни высказаться против столь унижительной проверки, ни самим на неё согласиться.

– Барышни, – внезапно обратилась к нам та из вошедших вместе с нами женщин, у которой кондуктор так и не успел потребовать плату. – А что это вы сидите? Встаньте, помогите нам с поисками.

– Сударыня, – холодно отозвалась Грета, не двигаясь с места и удерживая меня. – Ни я, ни моя сестра не можем похвалиться особенной остротой зрения, к тому же вовсе не приучены отыскивать пропавшие вещи, поэтому ничем не можем помочь ни вам, ни вашей подруге. Дозвольте же нам спокойно ехать дальше, без излишних прыжков и приседаний. Уж мы-то, как вы могли видеть, свой проезд оплатили.

Этот ответ не был рассчитан на то, чтобы снискать симпатии остальных пассажиров, и, естественно, вызвал бурю негодования. Поднялся страшный шум, в который наибольший вклад внесли бедно одетые женщины, стоящие у дверей и заплатившие за это право всего половину обычной цены. Одна из них, одетая особенно дурно, завопила на весь омнибус, что никому не позволит оскорблять честных людей и заставит столь подозрительных девчонок подвергнуться общей проверке. Она подскочила ко мне, с невероятной бесцеремонностью схватила за руку и силой вздёрнула на ноги. Потерянный кошелек выпутался из складок моей юбки и упал на пол. Грета громко ахнула, и в омнибусе стало так тихо, что был слышен стук подкованных копыт о деревянную мостовую и скрип колёс...

Молчание длилось недолго. Люди подступили поближе, кондуктор, оправившись от удивления, дал сигнал остановки и громко засвистел в висящий на шее металлический свисток. Сейчас прибежит полиция, нас сопроводят в участок и... Как бы ни обернулось дело, тщательно разработанные легенды придётся выбрасывать на свалку вместе с фальшивыми документами: кому нужны гувернантки, арестованные за карманную кражу?

В глазах Греты читался сильнейший испуг, отражение моего собственного. Если мужчины были склонны задержать нас до прихода полиции, то бедно одетые женщины явно намеривались внести свой вклад в наш внешний вид: как и все честные труженицы, они питали

огромное отвращение к любителям лёгкой наживы, как и все бедняки, оказались любительницами шума, скандала и драк. Грета беспокойно оглянулась по сторонам: объясняться с полицией ей не хотелось, быть избитой едущими на работу подёнщицами – тем более. Положение становилось всё более и более отчаянным, когда с империаля спустился привлечённый шумом господин: тот самый, который в последний момент перед отправлением вспрыгнул на подножку. Его появление произвело на Грету самое неожиданное впечатление. Исчезло кажущееся неистребимым выражение фальши в глазах, его место занял неподдельный ужас, вытеснивший оказавшийся ненатуральным страх перед полицейским разбирательством и телесной расправой. Грета побелела как полотно и крепко ухватила меня за руку.

– Она тут не при чём, – хрипло произнесла сестрица, – это кто-то другой.

Произнеся эти не слишком убедительные слова (я сама бы не поверила, если бы не знала точно о своей невинности), Грета прыгнула вперёд с – не побоюсь этого выражения, – зверским выражением лица, таща меня за собой. Напуганные этой внезапной яростью, пассажиры расступились перед нами и позволили нам соскочить с omnibusа. Грета, не отпуская моей руки, побежала дальше, запрыгнула в чей-то палисадник, вынудив меня кое-как последовать её примеру, пулей вылетела на соседнюю улицу и помчалась дальше. Сзади доносился заливистый свист кондукторского свистка; полиция так и не поторопилась явиться, а догонять нас пассажиры не стали. На третьем перекрёстке сестра остановила извозчика, едва не прыгнув ему под колёса, и велела везти нас к главному (и единственному) почтовому отделению города. В глазах сестры всё ещё горел неподдельный ужас, будто она столкнулась со змеей, привидением или вампиром, а на все вопросы она отвечала энергичным покачиванием головы и резкими словами

– После, Тирса, после! Сейчас не время!

На почте она с противоестественной быстротой набросала две коротенькие записки, которые вручила мальчишке-разносчику с произнесёнными тихо, но жёстко инструкциями; ему же вручила свёртки с нашими покупками. Потом она извлекла из выреза корсажа запечатанный конверт, опустила его в ящик и, всё так же ничего не объясняя, вывела меня из почтового отделения. Остановила на улице извозчика, велела ехать до городского парка; у парка мы вышли и прошли его насквозь, причём Грета то и дело оглядывалась, сворачивала на боковые тропинки, а то замирала и беспокойно прислушивалась. К моему ужасу, из парка мы выбирались не через ворота и даже не через калитку для работников, а через дыру в ограде. Представляю, что было бы, если бы нас кто-то увидел! Однако надо отдать ей должное, место «сестрица» выбрала удачное, и на том переулке, на котором мы оказались, нам никто не повстречался. Дальше мы снова принялись петлять, пять раз совершали незаконное проникновение в частные владения, один из них вовсе зашли в чей-то дом с чёрного хода и вышли с парадного. Я шла за Гретой совершенно замороженная её таинственными действиями, смутно догадываясь, что именно это называется «уходом от слежки», которому напарник поленился меня учить, сказав, что, в случае необходимости «объяснит на месте». Сопrotивляться не было ни сил, ни желания: ведь это меня обнаружили с кошельком, и теперь неприятности грозят как раз мне, да и... Все попытки хотя бы что-то уточнить сестрица резко обрывала. Петляя по чужим задворкам, мы добрались до гостиницы, где извещённая заранее прислуга уже уложила наши вещи и снесла их вниз, а у ворот ждал четырёхместный экипаж, на козлах которого сидел кучер, а вокруг прохаживался какой-то незнакомый человек в одежде лакея.

– Я распорядилась, нам уложили немного еды вон в той корзиночке и покормили мопсика, – быстро пояснила Грета. – Едем немедленно, пока он не добрался до нас!

– О ком ты, Грета?

– О нём! Ты его видела. Не стой столбом, сестричка, едем, едем скорее!

Я сделала шаг к экипажу и остановилась. Так мы не договаривались. Одно дело спокойный путь в дилижансе, где вокруг всегда полно народа, а другое – суматошное бегство в Бог

знает чьей коляске по совершенно неизвестному пути. Нет ли тут подвоха? Слишком уж... Слишком подготовленным всё это выглядит. И напарник не будет знать, где нас искать...

К моему ужасу, в руке Греты словно сам с собой вырос тонкий стилет. Околачивающийся поблизости лакей сделал шаг к нам.

– Лезь в коляску, Тирса, – прошипела моя мнимая сестра. – Лезь в коляску, иначе, видит Бог, я за себя не ручаюсь!

Что мне оставалось делать? Лакей за мой спиной явно был готов водворить меня в экипаж силой, Грета в её странном состоянии могла бы и ударить стилетом, в чём, возможно, позднее бы раскаялась. Я беспрекословно влезла в коляску, заняв дальше от дверцы место спиной по ходу движения. С моей стороны было только окно, пролезть через которое могла бы разве что кошка или южная обезьянка некрупных размеров; кроме того, оно было расположено так, что я могла видеть дорогу, а меня снаружи видно не было. На противоположное сидение были сложены картонки со шляпками и другими покупками, корзинка с мопсиком и съестные припасы в дорогу. Грета уселась рядом со мной, так и не спрятав стилет, а лакей взобрался на запятки коляски.

– Трогай! – прокричала моя похитительница, и мы покатались прочь.

Коляска съехала с главной дороги на боковую – очень плохого качества, всю в буграх и колдобинах. Нас трясло, раскачивало из стороны в сторону, каждые два ярда¹¹ коляска так кренилась, что, казалось, вот-вот перевернётся. Грета быстро убрала свой стилет и отдалась естественному женскому страху, то и дело хватаясь за меня и пронзительно взвизгивая. Признаюсь, я вела себя ничуть не более сдержанно. Эти дорожные неприятности, вместо того, чтобы усилить моё раздражение, несколько примирили меня с учинённым в моём отношении насилием, и, когда мы выехали на более ровный участок (жуткая тряска случалась не каждые два ярда, а каждые два рода¹², а то и через чейн¹³), я почти не возмущалась против поведения «сестрицы», решив, всё же, позже добиться от неё внятного объяснения. Или попытаться избавиться от её общества, если вечером её возмутительное поведение при отъезде получит продолжение. Постепенно тряска становилась всё меньше, наконец, мы вовсе перестали волноваться за наши жизни и здоровье и расцепили судорожно сжатые руки.

После этого Грета повернулась и открыла маленькое окошечко, позволяющее ей разговаривать с кучером (похожее окошечко, только под самым потолком коляски, создавало сообщение со стоящим на запятках лакеем).

– Крисп, гони быстрее! – приказала она.

– Какое «быстрее», дорогая сестрица! – не удержалась от упрёка я. – Мы едва не умерли на этих дорогах, лошади наверняка устали. Ещё один такой участок – они переломают ноги, и мы опрокинемся! Посмотри в окно – уже темнеет, нам лучше ехать осторожней и поискать жилище в стороне от дороги, где мы могли бы переночевать.

По лицу Греты пробежало слабое подобие улыбки.

– Спасибо за совет, сестрёнка, – подмигнула она, доставая корзинку с припасами из-под сидения. – Но, видишь ли, ты этой местности не знаешь. Там сейчас пойдёт ровная дорога, а мы торопимся, так что... Лучше поешь, подкрепи силы. После такого потрясения это необходимо.

Я с трудом отогнала чувство, будто или я, или Грета – а то и обе разом – сошли с ума. Мои слова были продиктованы достаточно наивным желанием прекратить эту безумную гонку, а то и воспользоваться той защитой, которое даёт человеческое общество, и избавиться от возможной опасности (каюсь, стилет я так и не забыла). Но ответ Греты, полный фальшивой сер-

¹¹ Мера длины. Дейстрийский ярд составляет немногим больше 0,9 метров.

¹² Мера длины. Дейстрийский род равен пяти с половиной ярдам, что составляет немногим больше пяти метров.

¹³ Мера длины. Дейстрийский чейн равен четырём родам, что составляет немногим больше двадцати метров.

дечности, звучал так, словно она приняла мои слова за чистую монету. Предложение поесть было завершающим штрихом, но, между тем, я обнаружила, что действительно проголодалась (день ведь в самом деле клонился к вечеру) и потому с благодарностью приняла приглашение. Остатки нашей трапезы достались мопсику, которого «сестрица» достала из собачьей корзинки и с которым принялась играть как ни в чём ни бывало. Мне подобное хладнокровие было недоступно и, отчаявшись добиться от Греты объяснений (я предприняла ещё одну попытку после того, как мы обе наелись), я принялась смотреть в окно на довольно-таки живописную местность, мимо которой мы проезжали.

К моему огорчению, вокруг не было видно ни малейших признаков человеческого жилья, как будто в Дейстрии есть местность, где никто не проживает. Ориентироваться по деревьям вдоль дороги и полям было затруднительно, а столбы, установленные через каждый фарлонг¹⁴, были совершенно одинаковыми. Только после того, как мы с Гретой поели, и я смогла посвятить себя наблюдениям, я догадалась пожалеть, что не следила с самого начала, мимо скольких столбов мы проехали, и не могу, таким образом, посчитать, сколько миль¹⁵ осталось позади. Я было принялась отсчитывать столбы, надеясь остальное высчитать на досуге (если к вечеру у меня будет досуг и не будет свободы) с учётом времени, проведённого в коляске, и скорости движения, но тут открылось окошечко со стороны лакея, и тот настороженным голосом произнёс:

– Барышня, за нами кто-то едет.

– Проклятье! – закричала Грета, сбрасывая с колен мопсика. Тот ударился об пол коляски и жалобно заскулил, пришлось мне наклоняться, брать пёсика на руки и утешать оставленным на всякий случай кусочком пирожного. – Близко?

– Пока нет, но быстро догоняют.

– Проклятье, – снова выругалась Грета, почему-то не пытаясь выглянуть в окно, чтобы лично разглядеть причину своего беспокойства. Впрочем, из бокового окна дорога сзади и не просматривалась, и Грета, как хозяйка коляски, наверняка знала это лучше меня. – У них, должно быть, свежие лошади. Кстати, кто там – коляска, всадники?

– Коляска, барышня. Шестёрка лошадей, кучер прячет лицо, примет не видно.

– Дьявол! Подъедут ближе – стреляй, Лупп, слышишь?

– Но, барышня...

– Стреляй, кому сказано!

Этот приказ возымел своё действие – снаружи немедленно послышались выстрелы. Испуганные этим лошади понеслись с кажущейся до того невероятной скоростью, коляску снова затрясло и нас с Гретой бросило друг на друга. Я взвизгнула от неожиданности и уцепилась за неё, пытаясь сохранить равновесие, однако «сестра» осталась совершенно спокойна, только стиснула руки, невольно ухватившиеся за меня, да сделалась блее бумаги. Бедный мопсик снова упал на дно коляски и принялся скулить с просто-таки разрывающей душу жалобностью.

– Что там, Лупп? – крикнула Грета, перекрикивая грохот колёс и стук копыт.

– Замедлили ход, барышня, останавливаются.

– Отлично. Крипс! – позвала она, открывая окошко кучера. – Гони быстрее!

– Куда уж быстрее, барышня! – возразил несчастный кучер, явно пытаясь не ускорить наше движение, а сдерживать бег лошадей, который грозил нам неминуемой катастрофой.

– Не имеет значения, – отрезала Грета. – Быстрее! Я хочу быть уверена, что они не догонят нас, срезав путь на ближайшем повороте. Быстрее, Крипс, быстрее!

¹⁴ Мера длины. Дейстрийский фарлонг равен десяти чейнам, что составляет немногим больше двухсот одного метра.

¹⁵ Мера длины. Дейстрийская миля равна восьми фарлонгам, что составляет немногим больше тысячи шестисот метров.

Не знаю, как назывался тот городишко, на окраине которого мы остановились уже после того, как окончательно стемнело. Не знаю, что за люди держали тот постоянный двор, в ворота которого мы постучались, однако Грете пришлось выплатить им крупную сумму денег и потратить всё своё – немалое – обаяние, чтобы уговорить их открыть дверь неурочным путникам, позаботиться о нас и о лошадях. Сами посудите, кем могут оказаться люди, которые приезжают в темноте на измученных долгим бегом лошадях в полуразвалившейся от дорожных неприятностях коляске? Да и, если подумать, тем мы и были – шайкой подозрительных лиц, скрывающихся от полиции, от неизвестных врагов и даже от друзей. К вечеру я настолько устала, настолько была напугана всем происходящим, что и подумать не могла ни о расспросах, ни о бегстве. Едва нам выделили комнату (одну на двоих с Гретой, которая продолжала представляться моей сестрой), как я поспешила переодеться в ночную сорочку и, забыв надеть чепец, повалилась на кровать. Некоторое время я в оцепенении наблюдала, как готовится ко сну моя мнимая сестрица, против всех приличий не имеющая привычки закрывать свою наготу во время сна и потому расхаживающая по комнате в одних только панталонах. Последнее, что я помню – это как она, уже собравшаяся отдаться сну, выбирается из-под одеяла и, почти совершенно обнажённая, подходит к окну, чтобы проверить надёжность задвижки.

«Её любовники, полагаю, имели все основания не жалеть о своём выборе», – сонно подумала я и уснула, не успев устыдиться непристойно вольного направления своих мыслей.

Проснувшись наутро, я не сразу вспомнила, кто я такая и где нахожусь. Греты в комнате не было, но была служанка, присланная, по её словам, чтобы меня разбудить и помочь мне переодеться. Выскакивать в окно при такой свидетельнице мне показалось неразумным, она наверняка бы закричала и постаралась бы мне помешать. Наверное, более опытный в подобных делах человек – та же Грета – не побрезговал бы ради свободы ударить бедняжку по голове щипцами для угля да и «дать дёру», но у меня попросту не поднималась рука. Ни в первой своей жизни, ни потом, после знакомства с вампиром, не училась я нападать на других людей, причинять им вред и наносить увечья. А посему я встала, умылась и оделась, с благодарностью приняв помощь бедной девушки, которая и не подозревала о моих кровожадных сомнениях. Совершив свой туалет с подобающей моему положению тщательностью (ничего яркого или броского, но и ничего грязного или небрежного), я спустилась вниз к завтраку. Греты по-прежнему не было видно (мне сказали, что она вышла поговорить с кучером), однако меня ждала тарелка овсянки, тосты и стакан молока. Признаюсь, весьма скудно поужинав вчера, я нисколько не колебалась, выбирая между возможностью осмотреть постоянный двор, найти возможность к бегству (мнимая сестрица казалась мне всё более и более неподходящей спутницей), приглядеться к хозяевам – и долгожданным завтраком. Только после того, как каша и тосты были доедены до последней крошки, а молоко выпито до капли, я нашла в себе силы воспринимать окружающую действительность и услышала, как хозяйка у стойки судачит со служанкой о ещё более поздних гостях, приехавших сюда после нас. У них не нашлось при себе крупной суммы денег, однако отец семейства, возвращающийся с женой и детьми от родственников, написал обязательство трехкратно оплатить расходы по своему проживанию. Это, а также милосердие, проснувшееся в хозяевах после слёзных просьб о еде и крове, жалоб на опасности дороги, которым путники уже успели подвергнуться, спасло несчастных от ночёвки на улице. Если я правильно поняла, несчастные рассказывали, как они мирно выехали на дорогу из находящегося неподалёку поместья, как вдруг едущая впереди коляска (то есть её пассажиры) принялись их обстреливать. Дикий рассказ подтверждался пулями, пробившими экипаж, точнее, оставшимися в коляске отверстиями от них (к счастью, ни люди, ни лошади не пострадали), однако, как утверждала старая служанка, дырки-то можно и просверлить.

Я встала из-за стола и вышла во двор. Мне-то история не показалась дикой и неправдоподобной. Значит, несчастные люди, которых Грета почему-то приняла за коварных преследователей, к ночи всё-таки отважились выехать на дорогу и добрались сюда после нас. Не дай Бог, они узнают нашу коляску или лакея! Что мы тогда скажем, как объясним своё поведение?

Не могу сказать точно, с каким намерением я вышла из здания, однако всерьёз подумать о побеге всё же не успела: ко мне подскочила сияющая с утра «сестрица» и после родственных приветствий повела обратно, нежно держа под руку. По дороге я сочла своим долгом ничего не значащим тоном пересказать Грете историю о вечернем обстреле коляски почтенного семьянина, но «сестрица» только рассмеялась.

– Не волнуйся, дорогая моя, – сказала она, закрывая за нами дверь в комнату, – у страха глаза велики. Я видела этих людей, мы и правда ошиблись.

Я потрясла головой, стараясь понять слова моей «сестрицы». О чём страхе она говорит? На этот вопрос без промедления последовал ответ:

– Об их страхе, разумеется. Ни они сами, ни их кучер не узнают ночных разбойников в добропорядочных барышнях с их слугами, и даже ничего не поймут, если узнают, что мы приехали той же дорогой. Впрочем, сейчас они устали и спят, а, когда они проснутся, мы будем уже далеко. Собирайся, милая, впереди длинный путь!

– Нет уж, Грета, подожди! – с достоинством ответила я, высвобождая руку. «Сестрица» с любопытством посмотрела на меня, как будто я была её собачкой (которую всю эту ночь утешали на кухне), выполнившей особенно удачный трюк.

– Да, милая? Что случилось?

Я сразу смешалась. «Сестрица» вела себя так, будто это нормально – похищать людей под угрозой нападения, стрелять в чужие коляски, уезжать Бог знает куда и не давать никаких пояснений! Но это не было естественным, и вчерашняя притуплённость чувств, охватившая меня после мнимой кражи, прошла сегодня после завтрака. Как я вообще позволила событиям зайти так далеко? Как я могла оказаться здесь? Почему не закричала ещё в Л***, откуда мы выехали вчера днём? Нет, угроза попасть в полицию по поводу кражи кошелька, но стоило ли сохранение легенды...

Я окончательно запуталась, а Грета стояла рядом и ждала, глядя на меня с поистине материнской улыбкой. Я поспешно отбросила мысли о том, как следовало поступить вчера, и вернулась к сегодняшнему дню.

– Может быть, сударыня, вы дадите мне объяснение случившегося? – произнесла я как можно более сухим и официальным тоном, стараясь не попасть под безграничное обаяние похитительницы.

Грета помрачнела, с её лица сбежала улыбка.

– Ты больше не хочешь считать меня своей сестрой и напарницей? – огорчённо спросила она.

– Вы шутите, сударыня? После всех ваших поступков – как я могу к вам относиться?

– Ах, Тирса, милая! – вскричала Грета, неожиданно бросаясь мне на шею. Я стоически вытерпела её пылкие объятия, не вполне понимая, в какую игру она играет. – Я виновата перед тобой! Прости, прости, прости! Мне следовало объяснить сразу, а я вспылила, потеряла голову! Бог знает, что я тебе наговорила! Хорошего же ты теперь мнения обо мне!

– Грета, – неуверенно проговорила я, осторожно высвобождаясь, – пожалуйста, прекрати это, я больше не желаю...

– Тирса! – экзальтированно прокричала «сестрица». – Ну, прости меня, прости, пожалуйста! Я виновата, я тебя напугала, я нарушила наши планы, но, поверь мне, мы всё это наверстаем! Пожалуйста, не сердись на меня, я тебя очень прошу!

– Грета... – беспомощно проговорила я. Что можно сказать в ответ на эту – не побоюсь сильного слова – истерику? После стилета, после выстрелов, после ужасной дороги... неужели она думает, что я могу забыть и простить?

– Ох, Тирса, – неожиданно вздохнула «сестра», разжала – наконец-то! – объятья и отошла к креслу. Уселась сама и приглашающее кивнула мне. Я послушно устроилась рядом на оттоманке. – Тебе я, наверно, кажусь сумасшедшей, не так ли? Особенно буйной и опасной для окружающих? Ну, не отворачивайся, я же вижу!

Я промолчала, не желая объяснять, что мне Грета кажется совершенно нормальной умственно, но при этом особой чрезвычайно безнравственной, лишённой каких бы то ни было моральных устоев и опасной не для окружающих вообще, а для тех несчастных, которым не повезёт оказаться на её пути.

– Ну, что же... – продолжала Грета, не дожидаясь моего ответа. – Я это заслужила, спорить не буду. И объяснять своё поведение – пожалуй, тоже.

Я изумлённо подняла на «сестру» глаза. После такого вступления – столь наглый отказ! Это уже ни в какие рамки не вмещается!

– Но ты постарайся меня понять, – настойчиво проговорила Грета, – тот человек, которого мы видели в омнибусе в Л***... это очень опасный человек, Тирса, очень!

– Я уже заметила, – сухо ответила я.

– Ты мне не веришь! Нет, я понимаю, и не упрекаю тебя, но... Этот человек – враг. Не только бюро, но и мой личный. Мы с ним... сталкивались в прежние годы, и он поклялся меня убить. Поверь мне, Тирса, он бы это сделал, если бы не боялся попасться. Догони он нас на дороге – там бы остались только изуродованные трупы.

– Но, Грета! – вскричала я, глубоко шокированная словами «сестры». – Он же не пытался нас убить, он просто ехал на том же омнибусе, он не нападал на нас! Это ты подумала, что...

– Я не подумала! Я знаю! Я с ним сталкивалась! Тирса, поверь, умоляю тебя, поверь мне на слово! Это страшный человек! Если он шёл за нами... моли Бога, чтобы он охотился за мной, как делал это раньше – тогда у тебя есть шанс остаться в живых! Он может застрелить меня издалека, так, чтобы ты никого не увидела. А если ему нужна ты? Или твой вампир, Тирса? Представляешь, какая жизнь тебя ждёт?

Я молчала. В глазах Греты цвёл тот самый страх, который заставил её поспешно бежать из Л***.

«Поспешно ли? – грыз меня червячок сомнения. – Она хорошо подготовилась к нашему бегству и те люди вели себя подозрительно правильно... Будто давно готовились разыграть перед нами этот спектакль».

Но ведь ужас был настоящий...

– Зачем я этому человеку? – спросила я вслух.

Грета горько рассмеялась.

– Ну и дурочка ты, Тирса! Не ты, конечно, кому ты нужна сама по себе? О, не обижайся, конечно, как личность ты, несомненно, важна и так далее в этом духе, но я говорю о других людях! Таких, как тот господин, который спустился с империи. Ну, подумай сама, разве он может тобой заинтересоваться?

Я покраснела и опустила голову. Не знаю, о чём говорила «сестра» – о моей непривлекательности как женщины или о слабой ценности как сотрудника бюро, её высказывания были крайне неприятны и оскорбительны.

– Нет, Тирса, его интересует твоё ручное чудовище, которое ты таскала за собой до недавнего времени.

– Но я вовсе не...

– Нет, сестричка, не перебивай. Меня не интересует, кто из вас кем управляет. Я знаю одно, любой, кто захочет получить твоего монстра в собственное пользование, непременно

выйдет на тебя. А там... – Она пожала плечами. – Кто знает, как на тебя будут давить, какими средствами уговаривать?

Я похолодела. В словах Греты мне слышалось не предостережение, а угроза. Если мои подозрения верны, если она из Остриха, если она...

– Грета, выслушай меня, прошу тебя! – закричала я. – Ты должна меня понять – я не имею никакого влияния на... вампира. Он не будет меня спасать, какие бы... как бы... ну, ты понимаешь. Никакие господа с империалов не могут заставить вампира рискнуть собой ради человека! Что бы человеку ни грозило, Грета!

– Разве? – недоверчиво потянула «сестрица». – Но, может быть, в некоторых случаях...

– Ни в каких! – энергично заявила я. – Эти... существа просто не способны к привязанностям! Им никто не важен, кроме себя самих. Всё, что может дать им человек, это... – Я невольно поднесла руки к шее, при виде чего Грета смертельно побледнела. Кажется, я нащупала её слабое место: не меньше, чем таинственного врага, «сестрица» боялась вампиров. Но как мне распорядиться этим знанием – ума не приложу.

– Так ты не можешь позвать своего монстра? – огорчённо переспросила Грета. – Тогда ты действительно бесполезна... – она оценивающе поглядела на меня и тут же добавила: – для того человека, конечно. Но почему он... ну, ты понимаешь, о ком я говорю, *тот* сказал, что будет нас навещать? Может быть...

– Крови захотелось, – жёстко произнесла я. – Решил обеспечить себя запасом... в неудачную ночь.

– А! – выразительно произнесла «сестрица». Я явно теряла в её глазах всякую значимость. – Но он же вытащил тебя от Таспов, верно?

– Тогда ему ничего не угрожало, – соврала я, – зато нужна была кровь – он проголодался.

На Грету было жалко смотреть: казалось, все её чаяния рушились. Она посмотрела на меня с каким-то очень нехорошим видом, словно, словно... додумать эту мысль я не успела: взгляд «сестрицы» внезапно прояснился, её будто бы осенила некая неожиданная, но очень удачная идея.

– Кстати, Тирса... как ты думаешь, он... я имею в виду твоего... друга... он не сильно расстроился, когда мы уехали по другому пути, чем договаривались?

Я промолчала. Откуда мне было знать, расстроился ли мой напарник или нет? Может быть, огорчился... немного... пожал плечами и выкинул из головы, с него станется. Он ведь предупреждал меня...

Я была как никогда близка к тому, чтобы прекратить этот нелепый фарс и всё же предпринять попытку выбраться на свободу. Одиночество, ночная тьма, опасности на дорогах... мало ли к кому меня везёт Грета и что они сделают со мной, узнав, что, как приманка, я не могу быть им полезна? Да и поверила ли мне «сестрица»? Оправившись от ужаса и отвращения, она явно сумела сообразить, насколько мне выгодно заверить её в равнодушии напарника. Так что...

– Я вот думаю... может, ты напишешь ему письмо? – как ни в чём ни бывало предложила Грета.

– Письмо?! – поразилась я. – Но куда я напишу?!

– В гостиницу, где мы вчера останавливались, – спокойно произнесла «сестрица». – Я уверена, он будет справляться там, нет ли о нас вестей.

– Я же тебе говорила, Грета, что мой напарник никогда...

– Ш-ш! Тирса, дорогая моя, но тебе же не угрожает опасность, верно? От того человека мы оторвались, я позабочусь о нас обеих и, будь уверена, не дам тебя в обиду... Так что тебе стоит успокоить... напарника и подать ему весточку. Ну же, Тирса, будь хорошей девочкой! Мне бы не хотелось лишаться помощи... вампира, когда вокруг такое творится.

– Ты же говорила, что он провалил предыдущее задание, – мрачно напомнила я, послушно пересаживаясь к письменному столу. Как будто письмо что-то изменит! Но... пусть так. Я уже успела заметить, что Грета сильнее меня, поэтому рваться на свободу в прямом смысле пока не стоит. После того, как я постаралась убедить «сестрицу», что напарник ни в коем случае не будет меня спасать, я всё больше и больше понимала глупость и легкомысленность своего вчерашнего поведения. Как я могла быть такой глупой и покорной?! Эта мысль не давала мне покоя.

– Я полагаю, теперь он постарается быть более исполнительным, – беспечно ответила Грета, пододвигая ко мне письменные принадлежности. – Напиши ему премилое письмецо, чтобы он понял, как чудесно мы проводим время.

– Чудесно? – подняла я на неё глаза. – Мы? Ты имеешь в виду вчерашний день или сегодняшнее утро?

– Не всё ли равно, дорогая моя? Воспитанные барышни не должны показывать, что страдают, когда пишут письма своим кавалерам.

– Воспитанные барышни не пишут письма своим кавалерам, – проворчала я, но Грета только рассмеялась.

– Итак, Тирса, пиши! Пиши всё как есть (про господина, который меня напугал, я скажу лично, при встрече) и обязательно скажи, что послезавтра ночью мы остановимся в П***, там я велела снять для нас премилый домик. Отдохнём, придём в себя и подумаем, как нам быть раньше. Когда твой... друг сможет к нам присоединиться, мы напишем в бюро и, без сомнения, нам скажут, как изменить легенды в связи с обстоятельствами. Ты всё поняла? Тирса!

Я молча кивнула. Говорить не хотелось. Практически под диктовку «сестрицы» я описала всё, что происходило вчера, упустив только господина с империала и обстрелянную коляску. По её же указке я упомянула домик в П***, в котором вампир непременно найдёт меня, как только захочет поговорить. Туда же ему предлагалось писать письма. Я нисколько не сомневалась, что там напарника будет ждать засада, а также, что именно это место будет моей временной тюрьмой: уж чего-чего, а ума оценить неэффективность ловушки без хоть какой-нибудь приманки Грете хватит.

Неясным оставалось одно – почему она так стремится сохранить видимость дружеских отношений? Ах, да! Боится, что не-мёртвый и в самом деле откажется рисковать собой ради моего спасения. А вот прийти побеседовать, присоединиться для выполнения общего задания или попросту напиться крови, не возбуждая ничьих подозрений – это вполне вероятное поведение даже для довольно осторожного вампира. Я задумалась.

Пока Грета верит, что иллюзия дружбы между нами сохраняется, мне вряд ли грозит какая-то опасность. Но это – только до тех пор, пока она ждёт с визитом вампира. Когда же она обманется хотя бы в одном из своих ожиданий... Единственное, что я сумела придумать – это попробовать ночью «докричаться» мысленно до напарника и спросить совета. Если не выйдет – я попробую сбежать. По дороге, потому что в доме, где мы окажемся послезавтра, наверняка окна забраны решётками.

Грета едва сумела дождаться, пока я надпишу конверт; выхватив его из моих рук, «сестрица» бросилась из комнаты, торопясь, по-видимому, уговорить кого-то из хозяев отвезти письмо на почту. Вскочив, я бросилась следом за ней: разом забылись все раздумья и расчёты, мне хотелось только одного – скрыться сейчас же, пока меня никто не может вернуть. Добежав до лестницы, я сообразила, что далеко бежать не имеет смысла, пешком я вряд ли разовью ту же скорость, что и коляска с отдохнувшими лошадьми. Нет, следует спрятаться неподалёку, а то и обратиться в полицию. Если история с кошельком в омнибусе была представлением, разыгранным специально для меня, то никто нас и не разыскивает, что же касается господина с империала, то он остался в Л***, и вряд ли доберётся до меня под защитой властей.

С этими мыслями я сбежала по ступенькам, но меня немедленно постигло жесточайшее разочарование. Внизу у лестницы меня ждал лакей, стрелявший вчера с запяток нашей коляски. Безукоризненно вежливо он поинтересовался, куда я тороплюсь, и добавил, что мне, несомненно, будет удобнее подождать сестру в своей комнате. После этих слов он отвёл меня наверх, поддерживая под руку одновременно бережно и неумолимо. Оказавшись в комнате, я подошла к окну и увидела, как под окнами прохаживается второй лакей в такой же ливрее.

– Ты выиграла, дорогая сестрица, – тихонько произнесла я. – Утешает только, что никакой пользы твоя победа тебе не принесёт...

Понимая, что с тремя слугами, по крайней мере, один из которых умеет стрелять, и вооружённой стилетом Гретой мне не справиться, я послушно сложила те немногие вещи, которые мне понадобились в гостинице, обратно в чемодан, и спустилась вниз, когда за мной пришла моя тюремщица. Ни слова не говоря, я без напоминаний уселась на своё вчерашнее место в коляске и тут же отвернулась к окну. Я не знаю намерений своих врагов; возможно, попытка закричать и воззвать к обитающим в этом городке людям только усугубила бы тяготы моего положения; возможно, Грета могла бы выдать меня за слабоумную, а, возможно, её слуги начали бы стрелять. Кто знает? Рисковать мне не хотелось ни в коем случае; мне казалось, что второй попытки у меня просто не будет.

Грета уселась рядом со мной, один из лакеев занял место на запятках коляски, а другой вскочил в седло каурой лошади, слишком хорошей для слуги, по моему мнению. Грета велела трогать, взяла на руки мопсика (тот, впрочем, не особенно ластился к хозяйке после вчерашнего обхождения) и пристально посмотрела на меня. Я заметила это уголком глаза и ещё больше отвернулась к окну. Второй лакей гарцевал рядом с коляской на лошади, держась как раз напротив окна. Таким образом, захоти я незаметно что-то выбросить из окна, это будет немедленно замечено.

– Тирса, родная моя, – нежным голосом начала дорогая сестрица, – пойми меня правильно, то, что я хочу тебе сказать, я говорю исключительно ради твоего же блага.

– О чём ты, Грета? – напряжённо спросила я.

– Сестрёнка, я очень прошу внимательно прислушаться к моим словам. Лупп передал мне, что ты выбежала из комнаты вслед за мной.

– Выбежала, – с вызовом подтвердила я. – Я подумала, тебе может понадобиться моя помощь.

– Я понимаю, Тирса, я всё понимаю. Но, пожалуйста, впредь обещай мне никогда больше не ходить одна куда бы то ни было. Тирса! Не отворачивайся, не отводи глаза. Посмотри на меня и обещай!

– Но, Грета! – стараюсь не слишком выходить из образа наивной дурочки, воскликнула я. – Ты ведь не можешь запретить мне...

– Могу, – ласково, но твёрдо перебила меня сестра. – Могу, Тирса. Ты не представляешь, какой опасности подвергаешься каждую минуту! Один твой шаг в сторону – и эти люди схватят тебя, ты даже не успеешь вскрикнуть!

– Но, Грета...

– Не спорь, Тирса! Поверь, у меня больше опыта, я лучше знаю, как обеспечить твою безопасность!

– Грета, дорогая, но мне не грозит никакая опасность, тот человек охотится за тобой!

«Сестрица» недобро усмехнулась.

– Я сумею за себя постоять, уж поверь мне. А вот ты нуждаешься в охране. И я её тебе обеспечу.

Я промолчала, не желая напоминать Грете о страхе, который появлялся в её глазах, каждый раз, как она вспоминала о своём враге, но «сестрица» прекрасно поняла меня без слов.

Она откинулась на спинку и указала на своё окно. Оказалось, нас сопровождают ещё двое всадников, к сёдлам которых приторочены пистолеты.

– Они застрелят каждого, кто попробует приблизиться к нам.

– Но, Грета! Ты же не можешь вот так просто устроить побоище!

– Посмотрим, – пожала плечами «сестрица». – Будь уверена, порядочные граждане к нам приставать не будут.

Расстроенная явной агрессивностью Греты, я снова отвернулась к своему окну, в котором увидела уже не одного, как было сначала, а двух всадников, каждый из которых переодет лакеем, сидит на слишком хороших лошадях (как и двое со стороны «сестры») и у каждого к седлу приторочены пистолеты. Я с огорчением напомнила себе: ношение оружия само по себе не является в нашей стране поводом для внимания полиции, рассчитывать, что нас остановят по дороге, не имеет смысла.

– Поверь мне, сестрица, – удовлетворённо подытожила Грета, – никакая опасность нам с тобой в дороге грозить не может. Только не уходи никуда одна. Ни на шаг, слышишь!

Вечером в гостинице положение стало ещё более ужасным. К нам присоединились ещё трое мужчин, в которых я узнала старых знакомцев с омнибуса в Л***. Создавалось такое впечатление, что «сестрица» призвала под своё начало небольшой отряд, долженствующий защищать нас то ли от господина с императора, то ли от вампира. Все наши сопровождающие разместились вместе с нами в гостинице очередного городка, название которого осталось для меня неизвестным, и ни один не удовлетворился комнатой второго сорта, обычно выделяемой для прислуги. Мы с Гретой почти не разговаривали: боялись разбить хрупкую иллюзию сестринских отношений, от игры в которую обе начали уставать; во всяком случае, притворство нам обоим давалось всё тяжелее и тяжелее. Одно то, что она призвала людей, подстроивших кражу и скандал в Л***, говорило о многом. «Сестрица» уже не стеснялась, ясно понимая, что я не сбегу от десятка вооружённых людей (считая её саму и кучера, если, конечно, у него тоже есть оружие). После холодного ужина, который нам принесли в общую комнату, мы обе разделась и улеглись спать, так и не перекинувшись ни одной фразой сложнее просьбы передать соль или подлить молока в чай.

С половины, занятой моей тюремщицей, доносилось ровное дыхание, когда я решила подняться и проверить границы своей свободы. Но едва скрипнула кровать, как Грета приподнялась на локте (комнату заливал лунный свет) и настороженно спросила, куда это я собралась. Мне удалось усыпить её подозрения, назвав причину, о которой не принято говорить в приличном обществе, и, к моему ужасу, «сестрица» принялась настаивать на том, что она меня проводит до соответствующего помещения (ночных ваз в комнате почему-то не оказалось). Мои доводы о неприличии подобного поведения, о нежелании её беспокоить, равно как и о том, что в гостинице мне ничего не грозит, не возымели необходимого воздействия. Грета велела мне накинуть пеньюар, накинула свой (непристойно короткий!) халатик и зажгла свечу. Делать было нечего.

После этого я надолго зареклась проверять сестрицу и, вернувшись в комнату, послушно легла в постель и притворилась спящей. Нетрудно догадаться, что на самом деле мне было абсолютно не до сна. Я принялась выжидать, когда «сестрица» заснёт настолько глубоко, что её дыхание сделается практически неразличимым для человеческого уха. Тогда я собиралась позвать напарника. Было очень мало надежды на его появление и даже на ответ, но сдаваться заранее не хотелось. Наконец, в комнате стало тихо, и я постаралась сосредоточиться. Долгое время на мой мысленный призыв никто не откликнулся, и я уже подумала, что лишилась не только помощи, но и совета напарника, как вдруг со стороны окна донёсся его голос.

– Если ты очень тихо встанешь, на цыпочках подойдёшь к окну и откроешь его, дорогая моя девочка, мы сможем поговорить.

Боюсь, я была не в состоянии исполнить приказ напарника в точности. Я вскочила с кровати и бросилась к окну, уже почти приготовившись разразиться воплями, соответствующими моим чувствам в этот момент. К счастью, напарник никогда не полагался на меня больше, чем это делала я сама, а всегда только меньше, и с моих губ не сорвалось ни звука. Я оттянула вниз новомодное окно, и напарник привстал с другой его стороны, *втягиваясь* в образовавшуюся щель. Полностью описать эту картину невозможно: на человека в такой момент нападает что-то вроде оцепенения с притуплённостью всех органов чувств. Когда я пришла в себя, вампир уже сидел на подоконнике в комнате и протягивал мне руку, предлагая усесться рядом. Я повиновалась и зябко поёжилась: из окна тянуло ночной прохладой, в сорочке было довольно стужено. Напарник пожал плечами, снял свой сюртук и накинул мне на плечи.

– Он, разумеется, холодный, но ты быстро согреешь его и согреешься сама, – прошептал он, не слишком, впрочем, понижая голос. Я беспокойно оглянулась на кровать Греты. – Ш-ш! Она спит, и мне пообещали не меньше четверти часа спокойного сна твоей бесценной «сестрицы».

– Но ты ведь не...

– Нет, моя дорогая, то есть да. Я пришёл тебя спасти – это да. Нет, я не заберу тебя отсюда этой ночью. Ты об этом хотела спросить?

Я молча кивнула и отвернулась. Мысли мои путались, происходящее казалось некоей злой игрой, в которую играют все, кроме меня. Напарник коснулся чепца на моей голове, словно собираясь по привычке потрепать волосы, но потом отдернул руку.

– Не хочу раскрывать свой визит, – с сожалением пояснил он. – Слушай внимательно, глупая девочка, у меня очень мало времени, и на исходе этой четверти часа ты должна уже спокойно спать в своей постели. Слушаешь?

Я снова кивнула. Напарник был верен себе в своей манере издеваться, когда надо дать пояснения, и говорить туманно, когда я нуждалась в ясности.

– Ты несправедлива, Ами. Но это не важно, ты всё равно хорошая послушная девочка, которая не подведёт своего напарника. Так слушай же: первым делом запомни, никто тебя в беде не бросит – по крайней мере, на *этот* раз. Во-вторых, внимательно следи за «сестрой» и постарайся узнать, если она отошлёт какие-нибудь бумаги. Я имею в виду – разведай, какие бумаги и кому отправит.

Я вскинулась: легко сказать – разведай! А как я это сделаю, если Грета не спускает с меня глаз? Спрашивать «сестрицу» тоже бесполезно, даже опасно... А уж если она застанет меня роющей в её письмах...

– Не получится – не надо, не подставляйся, – отмахнулся напарник. – Я же сказал «постарайся», а не «выполни ценой жизни». Что важно в-третьих: не пытайся сбежать, ты нужна мне с Гретой. Понятно?

Я снова кивнула. Кажется, идея сделать из меня приманку нравится не одним только охотникам за вампирами...

– Вот именно, – коротко рассмеялся не-мёртвый. – Рад, что ты оценила. А теперь, у нас есть ещё около десяти минут, чтобы просто поговорить, если ты успела соскучиться...

От его улыбки я задохнулась. Соскучиться! После месяца разлуки, он нашёл для меня всего пару слов, а потом бросил в обществе закоренелой преступницы, которую всё же намеревается выслеживать с моей помощью – Бог знает на сколько дней! Неужели такое подразумевалось с самого начала?

– Нет, – по своему обыкновению ответил напарник на незаданный вопрос. – Когда вы спускались из комнаты в обеденный зал – тогда, в гостинице Л***, я собирался зайти к вам через окно, и вдруг почуял рябину. Не ветку, Ами, распяты! Оно было среди вещей твоей сестры, и ещё одно, серебряное, она прячет под одеждой. Скажи мне, зачем дейстрийке, работнице бюро, распяты?

– Острих? Канцелярия крови? Шерен? – тихо спросила я, разом вспоминая все свои подозрения. – Или... те люди? Контрабандисты? Которые...

– Нет, не думаю. Хотя идея действительно похожа: в тот раз они нашли мой гроб и заперли меня в нём веточкой рябины. На этот раз, полагаю, планировалось дожидаться, пока я тихо-мирно усну в твоём чемодане... Потому-то, кстати, она, – быстрый кивок в сторону кровати, – и хотела, чтобы я присоединился к вам, но не желала видеть меня лично. Однако я не такой дурак, как думают некоторые, и уж рябину-то почуять могу.

– Но я ничего не чувствовала, – прошептала я, чувствуя себя виноватой. Если бы я знала! Я бы и вовсе не заговорила с такой подозрительной особой, отвернулась бы ещё на станции, а ночью дождалась бы напарника.

– Разумеется, ты ничего не чувствовала, Ами! – строго произнёс не-мёртвый. – Ты думаешь, я бы отправил тебя в Острих, если бы ты шарахалась от каждого рябинового распятыя? Долго бы ты там прожила, моя дорогая!

– Но... почему? Ведь у Таспов...

– Прошло, Ами, просто прошло. Всё в мире лечится временем, а если не всё, то такие болезни уж точно. Так что не бойся, глупышка, в вампира ты не превратишься.

Я вспыхнула и отодвинулась от напарника на край подоконника.

– Ты говоришь, *тогда*... тогда тебя поймали рябиной... но почему же они не удержали тебя от побега?

Вампир пожал плечами.

– Дверь была перекрыта рябиной, а что касается окна... изнутри залезть невозможно, а снаружи – не хотели привлекать внимания, вдруг кто-нибудь залез бы в сад, те же мальчишки. К тому моменту, как меня посадили на цепь, я был уже настолько слаб от голода, что от человека отличался только в худшую сторону.

Я невольно улыбнулась этому проявлению самомнения, которое напарник обычно старался не показывать.

– В смысле силы, способности проникать в самые узкие отверстия и прочее в том же духе, моя строгая маленькая судья. Впрочем, в этом есть странность, но избавиться от кандалов, не разорвав их, не может ни один вампир, так что в рябине не было необходимости.

– Но они могли бы держать её поближе к тебе просто на всякий случай!

Напарник покачал головой.

– Эй, – позвал он, – Ами, ты за кого играешь?

Я смутилась.

– Нет, – продолжал вампир уже серьёзно, – они не могли рисковать, ведь никто не знает, как будет действовать на нас рябина, если не избавиться немедленно от её воздействия, как мы делаем обычно. Серебро обжигает, осина разъедает раны, а рябина... она просто отпугивает таких как я. Но тебе не кажется, что мы отвлеклись?

– Прости, – прошептала я. Мне в самом деле не стоило расспрашивать напарника о том унижении, которое он... которое мы оба когда-то испытали в плену.

– Нет, моя милая, ничего страшного, – возразил не-мёртвый. – Но мы в самом деле отвлеклись, и время уже на исходе. Возвращаясь к ранней теме, я не думаю, что твои предположения насчёт этой девушки верны. Канцелярия крови никогда не доверит важную операцию девушке, там вообще не слишком-то жалуют женщин.

– Почему так?

– Ну, как же, – подмигнул вампир. – Слабые существа не способны ни устоять перед гибельными чарами, ни руководить представителями сильного пола.

– Не сказала бы, что это относится к Гр...

Вампир зажал мне рот рукой и приложил палец к своим губам.

– Не называй её имени, разбудишь.

Грета что-то пробурчала сквозь сон и повернулась на другой бок, слегка сбив одеяло. Я отвернулась, сбрасывая холодную ладонь вампира со своих губ, напарник, напротив, посмотрел на мою похитительницу с явным интересом.

– Интересная она дамочка, твоя «сестрица», – произнёс он. – Очень интересная, даже жаль, что мне не удастся пообщаться с ней в другой обстановке.

Я густо покраснела и отвернулась уже от напарника.

– Не смущайся, милая ты моя девочка, и не ревнуй.

Едва я открыла рот, чтобы запротестовать, как напарник столкнул меня с подоконника и сорвал сюртук с моих плеч.

– Всё, разговор закончен, Ами, тебе пора спать.

Не вполне отдавая себе отчёт в своих действиях я, как и предсказывал вампир, дошла до своей кровати и легла, завернувшись в одеяло.

– Но подожди! – приподнялась я на локте. – Почему не сегодня? Зачем мне с ней оставаться?

– Моя дорогая, а письмо? И потом, как мы будем работать, если придётся всю жизнь прятаться от десятка враждебных компаний! К тому же... – он снова подмигнул, – так гораздо интереснее, моя милая девочка. Спи!

Я опустила голову на подушку, понаблюдала, как вампир закрывает окно, защёлкивает задвижку и на цыпочках проходит к двери, а после втягивается в замочную скважину. Отвернулась к стене и строго приказала себе ни о чём «таким» не думать, и ни в чём не сомневаться. Если он говорит, что не бросит, значит, не бросит. С этой мыслью я и заснула.

С утра Грета разбудила меня тем, что, в самом деле, под села к окну писать письмо. И писала его довольно долго, пока мне не надоело притворяться спящей, и я не попросила «сестрицу» отдать распоряжения к завтраку.

Грета недовольно повернула голову, смерила меня взглядом, но ничего не ответила.

– Сестрица! – позвала я немного позже – после того, как встала, умылась и привела себя в порядок. – Может, лучше мне распорядиться? Я проголодалась.

И, словно забыв о вчерашних предостережениях, я взялась за ручку двери.

– Тирса! – возмутилась «сестрица». – Неужели ты не можешь немного подождать?

– Нет, – невежливо возразила я. – Уже поздно, и я хочу позавтракать. Или ты решила морить меня голодом?

– О, Боже! – вздохнула Грета. – Тирса, я тебя умоляю, посиди спокойно ещё четверть часика – и я обо всём позабочусь, честное слово!

Я пожалала плечами и уселась на стул недалеко от окна. Интересно, откуда напарник знал, что «сестрица» будет писать письмо? Угадал? Предвидел? Прочитал в мыслях?

Нет, это абсурд, если бы он у кого угодно мог читать в мыслях, он бы не ссылся на рябину в её вещах, да и вообще...

Я одёрнула себя: глупо обижаться из-за одного только предположения, будто напарнику открыто любое сознание, не только моё. Во-первых, это не так, а во-вторых... если бы и так? Пришедшее на ум объяснение было до невероятности нелепым и содержало какие-то невнятные идеи относительно собственной исключительности. Я рассердилась. Скажет ещё – ревную! На себя бы посмотрел, мертвец ходячий.

Я окончательно запуталась в собственных рассуждениях и, чтобы избавиться от нелепых мыслей, встала, намереваясь пройтись по комнате. Грета это движение истолковала совершенно иначе: она отодвинула уже сложенный конверт, возмущённо проворчала что-то о людях, которые ничем не заняты и потому мешают другим, и вышла из комнаты, оставив меня в несколько обескураженном состоянии.

Когда шаги «сестрицы» стихли на лестнице, я подошла к двери и заглянула в замочную скважину. Увиденное дало в определённом смысле повод для гордости: меня охраняли сразу два «лакея». Нет, сестрица, не такая уж я ничего не значащая особа, как ты мне говорила. По крайней, мере, для тебя...

Под окном прохаживалось ещё двое охранников; впрочем, я и не собиралась никуда бежать. Конверт был уже запечатан и оставлен на подоконнике с прямо-таки оскорбительной беспечностью.

«Если это только не хитроумная проверка надёжности, ты пожалеешь, что так меня недооценила, милая моя Грета», – прошептала я. Срывать печать – дело слишком рискованное, без подготовки её восстановить невозможно, но вот аккуратно, пинцетом для бровей, вытащить письмо из самодельного конверта¹⁶... как-то даже не верится, что сестрица считает меня такой... э-э-э... дурёхой. На то, чтобы подменить письмо пустой бумагой, не потребовалось больше двух минут, и я ещё успела списать адрес – какое-то местечко недалеко от столицы, – когда на лестнице послышались шаги. Спрятав письмо за корсаж, я занялась укладыванием вещей, так что у Греты не возникло ни малейших подозрений.

Она подошла к окну, взяла оставленное там письмо, растерянно провела пальцами по нетронутой печати и убрала конверт за собственный корсаж и, не говоря ни слова, жестом предложила мне следовать за ней на завтрак.

«Всё-таки хитроумная проверка, беспечность или небрежность в работе? – терялась в догадках я, следуя за сестрой на завтрак. – А, может, это письмо для неё ничего не значит? Тогда что же? Напарник ошибся или попросту подшутил надо мной?»

Прочсть свою добычу я так и не сумела: Грета сопровождала меня как тень или как надзиратель. Единственный плюс, который я видела в этом молчаливом надзоре, это невозможность и для бесценной сестрицы сделать что-то тайно от меня. Писем, во всяком случае, она больше не писала; прощаясь с хозяином гостиницы, вынула первое из-за корсажа и попросила его отправить.

Молчание похитительницы меня настораживало и пугало: неужели она слышала наш разговор с вампиром? Или письмо всё же было проверкой? А Грета всё молчала, будто сердилась на что-то или мысленно готовилась к неким тяжёлым испытаниям. Заговорила, только когда горничная принесла с кухни её мопсика, куда его, как и вчера, забрали вечером покормить и всячески обиходить; к тому же собаки в комнатах не дозволялись.

– Ах ты мой бедный, – засюсюкала эта странная женщина. – Всю ночь провёл на кухне, без мамочки, скучал, наверное, ангел мой?

– Вот уж нет, барышня, – почтительно присела горничная. – Как покушал, помылся, так сразу же и уснул без задних лапок!

– Вот как? – бросила на неё Грета быстрый взгляд. – Надеюсь, вы ничем *таким* не поили мою собаку?

– Что вы, барышня! – испугалась горничная, ожидавшая чаевых за свой добродушный рассказ. – Как можно!

Грета смерила бедную девушку ещё одним злющим взглядом и буквально вырвала корзину из рук.

– Ну, хорошо же.

Сказав это, она молча пошла к ожидавшей нас у дверей коляске; на горничную было жалко смотреть. Нисколько не бережливая, Грета между тем не считала нужным поощрить

¹⁶ В Дейстрии, как, впрочем, и в Острихе, и в других странах, не продавалось готовых конвертов, их сворачивали самостоятельно из листка почтовой бумаги; иногда письмо продолжалось на внутренней стороне конверта. Однако готовые конверты всё же производились, пусть и в малом количестве: для нужд правительственных организаций.

прислугу за оказанную помощь... что бы там напарник не говорила, но вела себя «сестрица» скорее как «устрица», чем как дейстрийка. Уж я-то знаю, как важно для бедных людей денежное поощрение от богатых господ и как часто «устрицы» с вызывающей наглостью пренебрегают этим обычаем! Повинуясь внезапному порыву, я порылась в сумочке, достала монету в двадцать филлеров и сунула её в руку горничной, уже успевшей утратить всякую надежду на вознаграждение.

– Моя сестра благодарит за внимание к её пёсику, – тихо сказала я. Двадцать филлеров – это, конечно, меньше, чем горничная рассчитывала получить сначала, но больше, чем она предполагала получить потом. Вот только что интересно – Грета на сонное зелье намекнула, чтобы оправдать свою скупость или хотела точно знать, почему мопсик не лаял этой ночью? Хотелось бы знать... но с чего я взяла, что острыйские мопсики лают на вампиров так же как и те страшные собаки, которых привёз к Таспам Шерен?

– Тирса! – сердито окликнула «сестра». – Поторопись, пожалуйста, надо приехать в П*** до темноты!

Я послушно кивнула и села в коляску. До темноты – значит, сестрица хочет приготовиться к встрече дорогого гостя. Но что она собирается делать?

Мне всё-таки очень хотелось верить, что напарник не пойдёт из-за меня и собственной бравады напрямиком в расставленную ловушку.

– Зачем ты дала денег этой девчонке? – резко, но не зло спросила меня Грета, когда мы отъехали от гостиницы. Я пожала плечами.

– Положено, вот и дала.

– А, так ты считаешь меня жадной! – с вызовом бросила Грета. Я собрала всё своё достоинство для подходящего ответа:

– Вовсе нет, Грета, дорогая моя. Ты была занята мопсиком, – я погладила псинку по голове, – а у меня были свободны руки, вот и всё. Какие счёты между сёстрами?

Грета смерила меня тяжёлым взглядом, в котором ясно читалось сомнение в моей умственной полноценности.

– Ты знаешь, кому я писала письмо? – безо всякого перехода спросила она. Сердце у меня ёкнуло, но я постаралась сохранить невозмутимый вид.

– Нет, сестрица, ты мне не рассказывала, – спокойно ответила я. – Кому же?

– Тебя это не касается! – отрезала моя похитительница.

Я пожала плечами и отвернулась к своему окну. Не хочет говорить – зачем тогда спрашивала? При этом, естественно, я боялась, как бы Грета не разгадала мой фокус с подменой... нет, всё складывается до необыкновенности подозрительно! Почему она села за письмо именно в это утро?

«Сестрица», между тем, почувствовала, что перегнула палку и осторожно приобняла меня за плечи.

– Не сердись, Тирса, сестричка, – попросила она почти без фальши. – Я волнуюсь. Про того человека, которого мы видели в Л***, уже два дня ничего не слышно и, ты знаешь, это меня не радует, а пугает! Что он задумал, куда делся?

Я тихонько вздохнула, подлаживаясь под задушевный тон «сестрицы».

– Может, потерял наш след и отстал?

Грета отозвалась на это предположение истерическим смехом.

– Он? Он?! Ох, Тирса, сестричка, такие люди следа не теряют! Такие люди как гончие!

Я пожала плечами.

– Ты же говорила, что сможешь себя защитить.

Грета, к моему удивлению, чуть отвела взгляд.

– Защитить-то могу... но, кроме пистолетов, есть и другое оружие.

После этого она повернулась к своему окну и до конца пути больше со мной не разговаривала.

По существу, странное поведение Греты можно было легко объяснить не столько враждебностью по отношению ко мне, которой она, кстати, больше не выказывала, сколько всё сильнее и сильнее охватывающим её нервным напряжением. Она боялась господина с империи в Л***, она боялась вампира – и всё же ей предстояло помериться умом или даже силой с обоими противниками. Признаться мне в подстроеной ловушке она не хотела, но вот беспокойство её было искренним и неподдельным. Грета напоминала натянутую струну, она словно готовила себя к некому тяжёлому испытанию. Принимая во внимание её планы – так оно и было.

В П*** мы приехали в полном молчании, но без той раздражающей фальши, которая опутывала наши отношения до сих пор. Сегодня, видя «сестрицу» напряжённой и собранной, я впервые прониклась к ней если не симпатией, то уважением. «Домик», а точнее, большой двухэтажный дом, у которого мы остановились, находился, собственно, не в самом городке, а чуть поодаль и был окружён великолепным садом. Как я ни напрягала все свои чувства, мне так и не удалось понять, есть ли в доме серебро и рябина: этого умения я, как теперь оказалось, была лишена. Странно, что я не обратила внимания, как всё меньше влияния на меня оказывает парадная серебряная посуда в том доме, где я без напарника провела месяц до нынешнего задания... наверное, потому, что исцеление было постепенным. Теперь же, я, как выразился мой напарник, отличалась от человека только в худшую сторону: если сравнить меня с той же Гретой, то мои способности постоять за себя были крайне малы. Её «лакеи» отвели меня в комнату наверху, предназначенную для двоих, и посоветовали умыться и переодеться к ужину, который вскорости будет подан. Пока я рассеянно осматривала комнату, прикидывая, как бы мне выполнить совет при отсутствии умывального таза, пришла горничная и принесла всё необходимое. Она же вызвалась мне помочь с переодеванием и причёской, а после предложила провести меня по дому, чтобы я могла осмотреть его. От обоих предложений я отказалась, сообщив, что привыкла заботиться о себе сама и что слишком устала в дороге для новых впечатлений. Тогда девушка встала у дверей, сложив руки на груди, и уставилась на меня подозрительным взглядом.

Сдержав нервный смешок, я позвонила в звонок для прислуги, но на зов явилась почему-то сама Грета, которую я и попросила избавить меня от раздражающего общества горничной. Нам обоим досталось по укоризненному взгляду, и «сестра» устало спросила:

– Тирса, родная моя, разве у тебя пропал голос, и ты не можешь распорядиться самостоятельно? Отошли её сама, я хочу, чтобы ты чувствовала себя как дома, пока мы здесь остаёмся.

Я отдала необходимое распоряжение и добавила с несколько неловким смехом:

– Прости, сестрица, мне на мгновение показалось, будто эта особа намерена не спускать с меня глаз.

У «сестрицы» вырвалось раздражённое восклицание.

– Ох уж эти слуги! Уверю тебя, я таких распоряжений не давала. А теперь ты извини меня, мне надо отдать ещё несколько важных распоряжений, я спешу. Встретимся за ужином, хорошо? Я пришлю за тобой человека.

Оставшись одна, я первым делом проверила комнату на наличие потайных ходов, глазков и прочих способов подсмотреть и подслушать за слишком беспечными пленниками. Ничего не обнаружилось, хотя помещение и не внушало мне радужных надежд: окна зарешечены, крепкие двери с тяжёлым засовом, что, вообще-то, редкость в частных домах. Дверей, говоря по совести, было две: вторая вела на заднюю лестницу, на которой скучал один-единственный «лакей». При виде меня он вскочил на ноги с занимаемого им стула, отвесил мне почтительный поклон и снова уселся. Я закрыла дверь, обратив внимание на маленькую защёлку в верхней

части. Эта дверь оказалась со смотровым окошком, причём запиралось оно снаружи. Да уж... хорошо здесь подготовились к встрече дорогих гостей. Хотелось бы знать, этот дом всегда принадлежал Грете или был заранее переделан под нужды сегодняшнего момента?

Сейчас, однако, окошко было закрыто, и постороннее внимание мне нисколько не грозило. Быстро приведя себя в порядок, я развернула добытое утром письмо и пробежала глазами.

Первый листок содержал краткую инструкцию кому-то переслать остальную часть по «известному адресу», а также напоминание, что читать эту самую остальную часть ни в коем случае не рекомендуется. Я посмотрела адрес. Или я ошибаюсь, или это не частный дом, а государственная почтовая станция. Кто знает, может, дальше письмо должно было отправиться в готовом конверте¹⁷..

Острийские буквы прыгали у меня перед глазами, руки затряслись от волнения, когда я только вчиталась в текст. После невнятных заявлений относительно необходимости с кем-то как-то скорректировать дальнейшие планы, я наткнулась на строчки, посвящённые моей особе: «...девочка слишком робка, чтобы быть использована для серьёзной работы как в настоящем, так и в будущем; она подозрительна, но столь нерешительна и безынициативна, что мне не составило труда увести её за собой, и теперь мне вряд ли будет сложно подчинить её своему влиянию. Однако она решительно отказывается сообщить какие бы то ни было подробности о своём чудовище; по её словам, это существо, полностью лишённое чувств и привязанностей, что не соотносится ни с наблюдаемым мной поведением, ни с теми сведениями, которые мы получили ранее. Также она не сообщила ничего о сути своих предыдущих заданий, хотя, я полагаю, могла бы пролить свет на некоторые несообразности...»

Я перевернула листок и пробежала глазами последнюю страницу: «...возможно, в дальнейшем целесообразно будет подвергнуть её...»

Тут в коридоре послышались шаги, и я поспешно сложила письмо и спрятала за корсаж. Ну, «сестрица», этого я тебе никогда не забуду!

Каковы бы ни были намерения Греты относительно меня, за ужином она не выказала никакой враждебности, хотя и сидела молча, полностью погружённая в свои мысли. Я начала лучше понимать её игру: «сестрица» действовала не от себя, а от какого-то острийского лица (я подозреваю всё же контрабандистов), с которым делилась своими планами. Одно мне не нравилось. Почему же она оставила письмо у меня на глазах и почему не пыталась скрыть содержание ни одним из известных мне способов? Или боялась, что зашифрованное послание привлечёт к себе больше внимание, будучи вдруг перехваченным? Но есть же в таком случае и невидимые чернила...

Оставалось только пожать плечами. Возможно, у этой организации нет невидимых чернил, а, возможно, пересылку через своего человека на почтовой станции они считают вполне надёжным прикрытием. Во всяком случае, уж это-то не моё дело, и гадать по этому поводу не стоит.

После ужина меня проводили в комнату, где я коротала время за чтением глупенького романа, купленного ещё в книжной лавке в Л***. Потом пришла Грета и объявила, что нечего тратить газ, пора спать.

На этот раз я уснула быстро, даже не дожидаясь, когда ровное дыхание «сестрицы» делается беззвучным. Что мне снилось, сказать трудно, кажется, что-то необычайно приятное, пока вдруг в сон не ворвался истошный лай и не менее истошный вопль моего напарника:

«Ами! Проснись, кому говорят?!»

¹⁷ ... в готовом конверте – т.е. под видом правительственной почты.

Я попробовала шевельнуться, открыть глаза, но с удивлением обнаружила, что не могу этого сделать. Между тем мопсик – его тьяканье я уже успела выучить – лаял не переставая, а чуть погода послышался голос Греты – громкий, нервный и слегка дрожащий от напряжения:

– Я знаю, что вы здесь, господин Вампир! Я знаю, что вы здесь! Отвечайте!

Однако напарник не внял этому призыву.

«Ами! Проснись, я приказываю!»

Но и ради спасения своей жизни я не могла даже шелохнуться.

– Вы пришли за своей девчонкой, господин Вампир? – продолжала Грета. – Она не проснётся! Я усыпила её, и если она не выпьет противоядие, то умрёт через два часа. Вы слышите меня, господин Вампир? Отвечайте!

«Ами, проснись!!!»

– Вы молчите, господин Вампир! – вскричала Грета. – Что ж, тем лучше. Девчонка умрёт и, клянусь Богом...

– Ну-ну-ну, сударыня, – послышался незнакомый мужской голос. Глубокий и низкий, он одновременно внушал и спокойствие, и странную нервную дрожь, которая пробрала меня даже сквозь оцепенение. – Не стоит бросаться угрозами и пугать моего юного друга. Конечно, вы, с вашим нежным женским сердцем, не сможете обречь на смерть столь юную девушку. А посему...

– Кто вы?! – пронзительно закричала Грета. – Я вас не знаю! Я не звала вас! Убирайтесь отсюда, немедленно! Слышите? Убирайтесь! Вон!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.